

Genre

love_contemporary

Author Info

Рэйчел Гибсон

Смотрите, Джейн забивает!

Это Джейн.

Иногда немного в расстроенных чувствах. Порой немного упрямая. Немного уставшая от свиданий вслепую с мужчинами, которые водят фургоны с диванами в кузове.

Джейн Олкотт ведет существование Одинокой девчонки в большом городе. А еще она живет двойной жизнью. Днем она репортер, пишущий статьи о матчах хоккейной команды «Сиэтлские Чинуки», а особенно об их прославленном вратаре Люке Мартино́. Ночью она писатель, втайне ото всех создающий скандальные рассказы журнального сериала о приключениях «Медового пирожка», о котором говорят все мужчины.

Смотрите, Джейн вступает в спор.

Люк ясно выразил свое мнение о паразитах-репортерах, в том числе и о Джейн. Но если он думает, что может испортить ей жизнь, ему лучше подумать еще разок.

Смотрите, Джейн покоряет.

Всю жизнь Люка интересовала только его карьера. Последнее, в чем он нуждается, это острый на язык репортер — заноза в заднице, копающийся в его прошлом и путающийся у него под ногами. Но когда маленькая журналистка меняет свою черно-серую одежду на сексуальное красное платье, Люк понимает, что в Джейн есть намного больше, чем он увидел с первого взгляда.

Может быть, пришло время рискнуть. Может быть, пришло время воплотить фантазии в жизнь.

Может быть, пришло время... позволить Джейн забить гол.

See Jane Score

1.0 — создание файла — крымчанка

Рэйчел Гибсон

Смотрите, Джейн забивает!

ПРОЛОГ

Жизнь Медового пирожка

Из всех прокуренных баров Сиэтла он должен был зайти именно в «Развинченный шуруп», пивнушку, в которой я работала пять ночей в неделю, продавая пиво и задыхаясь от клубов дыма.

Прядь черных волос небрежно упала ему на лоб, когда он бросил пачку «Кэмел» и зажигалку на барную стойку.

— Дай-ка мне «Хенрис», — сказал он грубым и в то же время бархатным голосом, — и поторопись, детка, я не могу ждать весь день.

Я всегда была любительницей мрачных мужчин с плохими манерами. Один взгляд, и я поняла, что этот мужчина был таким же мрачным и таким же зловещим как гроза.

— Бутылку или на разлив? — спросила я.

Он зажег сигарету, затянулся и посмотрел на меня сквозь облако дыма. Его взгляд медленно опускался к вырезу моего топа, а небесно-голубые глаза были полны греха. Он одобритительно ухмыльнулся одним уголком рта при виде моего четвертого размера и ответил:

— Бутылку.

Я вытащила «Хенрис» из холодильника, открыла крышку и толкнула бутылку к нему по барной стойке.

— Три пятьдесят.

Он сжал бутылку большой рукой и поднес к своим губам. Эти глаза осматривали меня, пока он делал несколько длинных глотков. Пена вылезла из горлышка, и он, опустив бутылку, слизал каплю пива с нижней губы. Я почувствовала, как это движение отдалось в моих коленях.

— Как тебя зовут? — спросил он и полез в задний карман своих поношенных «Левисов», чтобы вытащить бумажник.

— Ханни, — ответила я. — Медовый пирожок.

Другой уголок его полных губ поднялся, когда он протянул мне пятерку.

— Ты стриптизерша?

Ну вот, как всегда.

— Зависит от...

— От чего?

Я протянула ему сдачу и позволила кончикам пальцев коснуться его теплой ладони. Венка бешено запульсировала на моем запястье, и я улыбнулась. Я прошлась взглядом по его большим рукам и груди до его широких плеч. Любому, кто знал меня, было известно, что я придерживалась лишь нескольких правил, когда дело касалось мужчин. Я любила, чтобы они были большими и плохими, и у них должны были быть чистые зубы и руки. Вот и все. О, да, я предпочитала, чтобы у них имелись грязные маленькие мыслишки, хотя это не было так уж необходимо, так как мои мысли всегда были достаточно грязными для двоих. Даже когда я была ребенком, мой разум вращался вокруг секса. В то время как Барби других девочек играли в школу, моя Барби играла в больницу. Таковую, где доктор Барби проверяла принадлежности Кена, а потом трахала его до жаркой комы.

Теперь, в двадцать девять лет, когда другие женщины обсуждали гольф или керамические изделия, моим хобби стали мужчины, и я коллекционировала их, как дешевые сувениры Элвиса. Глядя в сексуальные голубые глаза мистера Плохие манеры, я отметила свой учатившийся пульс и боль между бедер и поняла, что могла бы и его присоединить к своей коллекции. Я точно могла бы поиметь его дома. Или на заднем сиденье моей машины, или в душевой кабинке дамской ванной комнаты.

— От того, что у тебя на уме, — наконец ответила я, затем оперлась руками на стойку и наклонилась вперед, предлагая ему отличный вид на мою идеальную грудь.

Он оторвал взгляд от ложбинки меж грудей: его глаза были горячими и голодными. Затем со щелчком открыл бумажник и показал мне свой значок.

— Я ищу Эдди Кордову. Слышал, ты знаешь его.

Вот она, моя удача. Коп.

— Да, я знаю Эдди.

У меня было с ним свидание однажды, если вы можете назвать свиданием то, чем мы занимались. В последний раз, когда я видела Эдди, он валялся в отключке в ванной Джимми Ву. Мне пришлось наступить на его запястье, чтобы он отцепился от моей лодыжки.

— Не подскажешь, где я могу найти его?

Эдди был мелким воришкой, и, что хуже, он отвратительно трахался, так что я не почувствовала даже укола вины, когда сказала:

— Может, и подскажу.

Да, я могла бы выручить этого парня. И по тому, как он смотрел на меня, я могла сказать, что он хотел большего.

Рядом с компьютером Джейн Олкотт зазвонил телефон, оторвав ее внимание от экрана и последней части «Жизни Медового пирожка».

— Черт, — выругалась она, и, сдвинув очки, потерла уставшие глаза, из-под пальцев посмотрела на номер звонившего и ответила.

— Джейн, — начал старший редактор «Сиэтл таймс», Леонард Коллэвей, не потрудившись поздороваться с ней. — Сегодня Вирджил Даффи говорил с тренерами и главным менеджером.

Работа официально твоя.

Корпорация Вирджила Даффи входила в состав пятисот компаний из списка «Форчун», а сам он являлся владельцем сиэтлской хоккейной команды «Чинуки».

— Когда мне приступать? — спросила Джейн и встала. Она потянулась за кофе, поднесла кружку к губам, уронив несколько капель на свою старую фланелевую пижаму.

— Первого.

У нее оставалось всего две недели на подготовку до первого января. Два дня назад к Джейн обратился Леонард и спросил, не хочет ли она заменить спортивного репортера Криса Эванса, пока тот лечится от неходжкинской лимфомы. У Криса были хорошие прогнозы на выздоровление, но из-за его отсутствия газета нуждалась в ком-то, кто освещал бы матчи «Чинуков». Джейн и не мечтала, что этим кто-то будет она.

Помимо всего прочего, она работала журналистом «Сиэтл таймс» и получила известность за свою ежемесячную колонку «Одинокая девчонка в большом городе». О хоккее она ничего не знала.

— Ты отправишься с ними в путь второго, — продолжил Леонард. — Вирджил хочет уладить детали с тренерами, потом в понедельник перед отъездом он представит тебя команде.

Когда на прошлой неделе ей впервые предложили эту работу, Джейн была в шоке и более чем озадачена. Конечно, мистер Даффи хотел бы другого спортивного репортера для освещения игр. Но, как оказалось, предложение было идеей владельца команды.

— Что подумают тренеры? — она поставила кружку на стол рядом с открытым ежедневником, обклеенным цветными стикерами.

— На самом деле, это не имеет значения. С тех пор как Джон Ковальски и Хью Майнер закончили карьеру, эта арена не собирала толпы фанатов. Даффи должен платить за того крутого вратаря, которого он купил в прошлом году. Вирджил любит хоккей, но прежде всего он бизнесмен. Он сделает то, что нужно, чтобы фаны вновь заняли свои места. Вот почему он в первую очередь подумал о тебе. Он хочет привлечь больше женщин на игры.

Чего Леонард Коллэвей не сказал, так это то, что Даффи подумал о ней, потому что считал, что она пишет ерунду для женщин. Джейн было не привыкать. Ерунда помогала оплачивать счета и была дико популярна среди женщин, читавших «Сиэтл таймс». Но ерунда не оплачивала все счета. Даже и близко. Порнушка окупала большинство из них. И порно-сериалы. Она писала «Жизнь Медового пирожка» для журнала «Хим» — жутко популярного среди мужчин.

Пока Леонард говорил ей о Даффи и его хоккейной команде, Джейн взяла ручку и написала на розовом стикере: «Купить книги по хоккею». Затем оторвала записку от блока, перевернула страницу и прилепила в свой ежедневник под несколькими другими листочками бумаги.

— ...и ты должна запомнить, что имеешь дела с хоккеистами. Ты знаешь, они могут быть чертовски суеверными. Если «Чинуки» начнут проигрывать, они обвинят тебя и отправят домой.

Великолепно. Ее работа была в руках суеверных качков. Она оторвала старую записку, помеченную «срок сдачи Ханни», от ежедневника и выбросила ее в мусорную корзину.

После еще нескольких минут беседы Джейн положила трубку и взялась за свой кофе. Как большинство жителей Сиэтла, она не могла не знать хоккеистов по именам, а некоторых и в лицо. Сезон был длинным, и хоккей упоминался на «Кинг-5 Ньюс» почти каждую ночь, но на самом деле она встречала лишь одного из «Чинуков» — купленного вратаря, о котором упоминал Леонард, Люка Мартино́.

Ее представили мужчине с тридцатитрехмиллионным контрактом на вечеринке в пресс-клубе, сразу после его сделки с «Чинуками» прошлым летом. Он стоял в середине комнаты, пышущий здоровьем и прекрасно сложенный, как особа королевских кровей среди своих смиренных подданных.

Учитывая легендарную репутацию Люка на льду и вне его, он оказался ниже, чем представляла Джейн. Около ста восьмидесяти сантиметров, но состоял из одних мышц. Его темно-русые волосы закрывали уши и падали на воротник рубашки, немного растрепанные ветром и кое-как приведенные в порядок пальцами.

На левой скуле у него белел маленький шрам, и еще один был на подбородке. Но они ни в коей мере не уменьшали того ошеломляющего впечатления, которое он производил. На самом деле, они заставляли его казаться таким плохим, что в комнате не осталось ни единой женщины, которая не спрашивала себя, насколько «плох» может быть этот парень.

Между отворотами темного пиджака виднелся шелковый красный галстук. Золотой «Ролекс» обвивал его запястье, к его боку как присоска прицепилась блондинка с пышными формами.

Этот мужчина определенно любил аксессуары.

Джейн и голкипер обменялись приветствиями и рукопожатием. Его голубые глаза едва скользнули по ней, прежде чем он с блондинкой двинулся дальше. Меньше чем за секунду Джейн обнаружила себя отвергнутой и брошенной. Но она должна была бы уже привыкнуть. Мужчины, подобные Люку, обычно не обращали внимания на женщин, похожих на Джейн: чуть выше ста пятидесяти трех сантиметров, с темно-каштановыми волосами, зелеными глазами и первым размером груди. Они не слонялись поблизости, чтобы послушать, не скажет ли она чего-нибудь интересное.

Если другие игроки «Чинуков» отвергнут ее также быстро, как Люк Мартино́, она будет злиться несколько месяцев, но путешествие с командой было слишком хорошей возможностью, чтобы упустить ее. Джейн писала бы статьи о спорте с женской точки зрения. Она бы, как и ожидалось, описывала наиболее яркие моменты игры, но уделила бы больше внимания тому, что происходит в раздевалке. Не размеру члена или сексуальным предпочтениям, это ее не заботило. Она хотела узнать, встречались ли женщины с дискриминацией в двадцать первом веке.

Джейн вернулась в кресло перед своим ноутбуком и снова принялась за работу над очередной частью «Медового пирожка», которая должна была быть у редактора завтра и появиться в журнале в феврале. Хотя большинство мужчин считали ее колонку «Одинокая девчонка» чепухой и не очень-то

ее читали, но те же самые мужчины с обожанием читали сериал о «Медовом пирожке». Никто, кроме Эдди Голдмена, редактора журнала, и Каролины Мэйсон, ее лучшей подруги с третьего класса, не знал, что Джейн писала эти выгодные ежемесячные рассказы. И она хотела, чтобы все так и оставалось.

Ханни была альтер-эго Джейн. Эффектная. Раскованная. Мечта каждого мужчины. Гедонистка, которая оставляла мужчин в жаркой коме по всему Сиэтлу. Заманивая в свои сети, а затем делая из них секс-игрушки, способные только молить о большем. У Ханни имелся огромный фан-клуб, а также полдюжины фанатских сайтов в Интернете, посвященных ей. Некоторые из них были печальными, другие смешными. На одном из сайтов предполагали, что автор «Медового пирожка» на самом деле мужчина.

Джейн больше всего нравились такие слухи. Улыбка коснулась ее губ, когда она прочитала последнюю строчку того, что написала до звонка Леонарда. Затем вернулась к своей работе: заставлять мужчин умолять.

ГЛАВА 1

Отбрили: посвящение новичков

В раздевалке со всех сторон неслись насмешливые замечания, пока Люк «Счастличик» Мартино́ натягивал бандаж и застегивал свое снаряжение.

Большинство его товарищей по команде стояли рядом с Даниэлем Холстромом, новичком из Швеции, предлагая ему выбрать способ посвящения. Тот мог или позволить парням выбрить на своей голове ирокез, или вывести всю команду на ужин. Поскольку ужины обходились новичкам в десять-двенадцать тысяч долларов, Люк полагал, что молодой нападающий в итоге на какое-то время станет похожим на панка.

Взгляд огромных голубых глаз Даниэля метался по раздевалке в поисках признаков того, что парни шутят. Ни одного признака обнаружено не было. Они все когда-то были новичками, и каждый из них прошел через какой-то своеобразный обряд. В первый сезон Люка шнурки от его коньков исчезали при каждом удобном случае, а простыни в его номерах в отеле чаще всего оказывались намного короче матраса.

Люк взял свою клюшку и направился в проход, миновав нескольких парней, работающих паяльными лампами над крюками клюшек. Ближе к передней части прохода стояли тренер Ларри Найстром и главный менеджер Кларк Гамаче. Они разговаривали с маленькой женщиной, одетой в черное с ног до головы. Оба мужчины скрестили руки на груди, и, нахмурившись, смотрели на женщину, пока та что-то говорила им. Ее темные волосы были забраны назад и закреплены одной из тех заколок для волос, подобные которым носила его сестра. Не почувствовав ничего, кроме легкого любопытства, Люк не обратил на них внимания и полностью позабыл о женщине, когда вышел на лед для тренировки. Как и ожидалось, Счастличик услышал резкое ш-ш-ш-ш, поскольку потратил целый час, натачивая лезвия коньков. Сквозь маску холодный воздух коснулся его лица и наполнил легкие, когда Люк проехал несколько кругов для разогрева.

Как и все вратари, он был членом команды и все-таки выделялся из нее из-за особого характера своей работы. Для людей, подобных Люку, не существовало прикрытия. Когда он позволял шайбе попасть в ворота, огни вспыхивали как большой неоновый знак, сигнализирующий о том, что вратарь облажался, и требовалось что-то большее, чем жесткая решимость и сила воли, чтобы игру

за игрой встречаться лицом к лицу со стойками. Нужен был бойцовский характер и огромная самонадеянность, чтобы быть уверенным в своей непобедимости.

Тренер голкиперов Дон Боклер вытолкнул корзину с шайбами на лед, пока Люк исполнял небольшой ритуал, который совершал последние одиннадцать лет, будь это ночь игры или тренировка. Он объехал ворота три раза по часовой стрелке, затем еще раз против часовой. Занял свое место между стойками и ударил клюшкой по столбам слева и справа. Затем перекрестился как священник и остановил взгляд на Доне, который стоял на синей линии. Следующие тридцать минут тренер катался вокруг него, стреляя как снайпер во все семь незащищенных мест ворот и выполняя удары с точки.

В тридцать два года Люк чувствовал себя отлично. Он хорошо играл и находился в прекрасной физической форме. Сейчас травмы почти не беспокоили его, и он не принимал таблеток сильнее, чем «Адвил». Этот сезон был лучшим в его карьере, и перед финальными играми Лиги его тело находилось в превосходном состоянии. Его профессиональная жизнь не могла бы быть лучше. Очень плохо, что его личная жизнь была полным отстоем.

Тренер вратарей зарядил шайбу к верхней планке, и с громким чпок Люк поймал ее перчаткой. Полфунта вулканизированной резины обожгли его ладонь сквозь толстую набивку. Он упал на лед на колени, когда другая шайба полетела в «гамак» и ударилась о его щиток. Люк почувствовал знакомую острую боль в сухожилиях и связках, но это было не то, с чем он не смог бы справиться. Не то, с чем он бы не справился. И не то, в чем он когда-либо признался бы вслух.

Некоторые списали его со счетов. Поставили точку на его карьере. Два года назад, играя за «Ред Уингз», он разбил оба колена. После нескольких тяжелых реконструктивных операций, бесконечных часов реабилитации, пребывания в «Бетти Форд», чтобы избавиться от зависимости от болеутоляющих, и перехода в сиэтлские «Чинуки» Люк вернулся и играл лучше, чем когда-либо.

В этом сезоне ему было, что доказывать. Себе. Тем, кто вычеркнул его. Он вернул себе те качества, которые всегда делали его одним из лучших. У Люка было сверхъестественное чувство шайбы, и он мог предвидеть развитие игры за секунду до того, как все происходило. И если он не мог остановить шайбу своими быстрыми руками, в запасе у него всегда имелись грубая сила и отменный хук.

Закончив тренировку, Люк переоделся в шорты и футболку и отправился в тренажерный зал. Он провел сорок пять минут на велотренажере, прежде чем переключился на штангу и гантели и полтора часа работал над руками, грудными мышцами и прессом. Мускулы его ног и спины горели, пот катился по вискам, дыхание обжигало легкие.

Счастливчик долго принимал душ, затем обернул полотенце вокруг талии и направился в раздевалку. Другие парни уже сидели там, развалившись на стульях и лавках, слушая что-то, что говорил Гамаче. Вирджил Даффи тоже стоял посреди комнаты. Он начал рассказывать о продажах билетов. Люк полагал, что продажи билетов — не его забота. Его задачей было делать сэйвы и выигрывать матчи. И до сих пор он справлялся с этим.

Люк прислонился голым плечом к дверному косяку и скрестил руки на груди. Его взгляд опустился к маленькой женщине, которую он видел раньше. Она стояла рядом с Даффи, в то время как Люк изучал ее. Незнакомка принадлежала к тем женщинам, которые не пользуются ни каплей косметики. Две черные черточки бровей были единственной краской на ее бледном лице. Черный бесформенный пиджак и брюки скрывали даже намеки на изгибы. На одном плече висел кожаный портфель, а в

руке она держала стакан «Старбакса».

Она была не уродливой, просто обычной. Некоторым мужчинам нравился такой тип женщин. Люку — нет. Он любил женщин, которые пользовались красной помадой, пахли пудрой и брили ноги. Он любил женщин, которые прикладывали усилия, чтобы хорошо выглядеть. Эта женщина точно не прикладывала никаких усилий.

— Уверен, вы все знаете, что репортеру Крису Эвансу врачи настойчиво рекомендовали отдохнуть. Вместо него наши домашние игры будет освещать Джейн Олкотт, — объяснял владелец команды. — И путешествовать с нами в оставшейся части сезона.

Игроки сидели в ошеломленном молчании. Никто не произнес ни слова, но Люк знал, о чем они думают. О том же, о чем думал он: что лучше получить удар шайбой, чем репортера, путешествующего вместе с командой, не говоря уже о том, что репортер — женщина.

Все члены команды посмотрели на капитана, Марка «Хитмэна» (Наемный убийца, прим. переводчика) Бресслера, потом снова повернулись к тренерам, которые тоже сидели в молчании, окаменев. Ожидая, что кто-то скажет хоть что-нибудь. Чтобы спасти их от маленького, темноволосого ночного кошмара, который им пытались навязать.

— Ну, я не думаю, что это хорошая идея, — начал Хитмэн, но один взгляд ледяных серых глаз Даффи заставил капитана замолчать. Никто не отважился заговорить снова.

Никто, кроме Люка Мартино́. Он уважал Вирджила. Тот даже немного ему нравился. Но Люк проводил лучший сезон в своей жизни. «Чинуки» имели отличный шанс выиграть Кубок, и будь он проклят, если позволит какой-то журналистке испортить им все. Ему. От этого за версту несло катастрофой.

— Со всем уважением, мистер Даффи, вы что, лишились вашего чертова рассудка? — спросил Счастличик и оттолкнулся от стены. В пути случалось всякое, и никто не хотел бы, чтобы вся страна прочитала об этом за миской «Уитиз». Люк был более осмотрителен, чем некоторые из его товарищей по команде, но последнее, в чем они нуждались, это путешествующий с ними репортер. И всегда следовало учитывать фактор невезенья. Всё, выходящее за рамки обычного, могло повлиять на их удачу. А женщина, путешествующая с ними, точно не была обычным явлением.

— Парни, мы понимаем ваши проблемы, — продолжил Вирджил Даффи. — Но, после долгих раздумий и заверений со стороны «Таймс» и мисс Олкотт, мы гарантируем вам полное соблюдение тайны. Репортажи ни в коем случае не нарушат вашу личную жизнь.

«Дерьмо», — подумал Люк, но не стал тратить силы на дальнейшие пререкания. Глядя на решительное выражение, застывшее на лице владельца команды, Люк понял, что это бессмысленно. Вирджил Даффи оплачивал счета. Но это не значило, что Люку должно было нравиться такое положение вещей.

— Ну что ж, вам лучше подготовить ее к по-настоящему грубым разговорам, — предупредил он. Мисс Олкотт повернулась к вратарю «Чинуков». Ее взгляд был прямым и решительным. Один уголок ее рта приподнялся, как будто Люк ее немного забавлял.

— Я журналист, мистер Мартино́, - сказала она. Ее голос оказался нежнее, чем взгляд: удивительное смешение мягкой женственности и нетерпеливой решительности. — Ваши разговоры не шокируют меня.

Он улыбнулся ей своей «давай поспорим» улыбкой и направился к шкафчику в задней части

комнаты.

— Эта женщина, которая пышет клонки о том, как нйти парня для свидания? — спросил Влад «Цепеш» Фетисов.

— Я пишу колонку «Одинокая девчонка в большом городе» для «Таймс», — ответила журналистка.

— Я думал, что та женщина — азиатка, — прокомментировал Брюс Фиш.

— Нет, просто неудачная подводка для глаз, — объяснила мисс Олкотт.

Иисусе, она даже не была настоящим спортивным репортером. Люк читал ее колонку несколько раз или, по крайней мере, пытался сделать это. Она была женщиной, писавшей о проблемах со своими мужчинами и мужчинами своих подруг. Она была одной из тех женщин, которые любили поговорить об «отношениях и прочем», как будто им все нужно было проанализировать. Как будто большинство проблем между мужчинами и женщинами не были изобретением самих женщин.

— С кем она будет жить в дороге? — спросил кто-то слева, и смех каким-то образом уменьшил напряжение. Беседа переместилась с мисс Олкотт к четырем играм в предстоящем восьмидневном турнире.

Люк сбросил полотенце и засунул его в спортивную сумку. «Вирджил Даффи становится дряхлым», — думал он, швыряя свои белые трусы и футболку на скамью. Или это, или развод, через который прошел Вирджил, сводил того с ума. Эта женщина, вероятно, ничего не знала о хоккее. Она, скорее всего, хотела поговорить о чувствах и проблемах со свиданиями. Что ж, она могла до посинения задавать ему вопросы, он не собирался произносить ни одного проклятого слова. После всех трудностей последних нескольких лет Люк больше не говорил с репортерами. Никогда. Одно путешествие с ними не изменит этого.

Он натянул трусы, затем, прежде чем просунуть голову в вырез футболки, посмотрел через плечо на мисс Олкотт. И застал ее за разглядыванием ботинок. Женщины-спортивные репортеры не были чем-то новым в раздевалке. Когда они не обращали внимания на то, что комната полна мужиков с голыми задницами, насколько Люк мог судить, к ним относились почти также, как к их коллегам-мужчинам. Но мисс Олкотт выглядела такой же взволнованной, как старая дева. Не то, чтобы он хорошо разбирался в девственницах.

Счастливчик завершил свой наряд парой потертых «Левисов» и голубым свитером в полоску. Затем сунул ноги в черные ботинки и защелкнул золотой «Ролекс» на запястье. Часы были подарком от Вирджила Даффи в честь подписания контракта. Маленький штрих, чтобы скрепить сделку.

Люк взял свой бомбер и спортивную сумку, потом отправился в помещение администрации. Там он заглянул в маршрут на следующие восемь дней и поговорил с менеджерами, чтобы удостовериться, что они помнят о том, что он хочет жить один. В прошлый раз в Торонто произошла путаница, и они засунули Роба Саттера в его комнату. Обычно Люк мог заснуть в течение нескольких секунд после того, как ложился, но Роб храпел, как циркулярная пила.

Было уже за полдень, когда Люк покинул здание арены. Звук его шагов отдавался эхом в бетонных стенах, пока он двигался к выходу. Когда он вышел наружу, его лица коснулся серый туман, скользнувший затем и за воротник куртки. Эта дымка на самом деле не была дождем, но из-за нее становилось мрачно как в аду. Чтобы жить в Сиэтле, Люк должен был к ней привыкнуть. Поэтому он любил уезжать из города. Но не это являлось основной причиной. Основной причиной был покой, который он находил в пути. Хотя у него возникло дурное предчувствие, что в этот раз его покой

будет разрушен женщиной, которая стояла в нескольких футах от него, копясь в портфеле, висящем у нее на плече.

Мисс Олкотт закуталась в какое-то подобие легкого плаща, завязанного на талии. Он был длинным и черным, и ветер с залива надувал нижнюю часть, отчего журналистка выглядела так, как будто у нее на заднице висел балласт. В одной руке мисс Олкотт все еще держала свой стакан «Старбакса».

— Этот вылет в шесть утра на Феникс просто убийство, — сказал Мартинò, подходя к ней по пути в гараж. — Не опаздывайте. Будет стыдно, если вы пропустите это.

— Я буду там, — заверила она Люка, когда он проходил мимо. — Вы не хотите, чтобы я путешествовала вместе командой. Потому что я женщина?

Он остановился и повернулся к ней лицом. Свежий ветерок тормозил отвороты плаща, разметав несколько прядей из хвоста по ее розовым щекам. При ближайшем рассмотрении она оказалась ненамного красивей.

— Нет, я не люблю репортеров.

— Полагаю, это из-за вашей истории.

Она собирала информацию о нем.

— Какой истории? — он спрашивал себя, читала ли она эту дерьмовую книжонку «Плохие парни хоккея», в которой ему посвятили пять глав, дополненных картинками. Около половины того, о чем писал автор этой книги, было слухами и абсолютной выдумкой. И Люк не подал в суд лишь потому, что не хотел дополнительного внимания со стороны средств массовой информации.

— Ваша история с прессой, — журналистка глотнула кофе и пожала плечами. — Повсеместное освещение ваших проблем с наркотиками и женщинами.

Точно, она читала ее. И кто, черт возьми, использует слова, подобные этому «повсеместно»?

Репортеры, вот кто.

— Для протокола: у меня никогда не было проблем с женщинами. Повсеместно или как-то иначе. Вы должны прекрасно знать, что не стоит верить всему, что читаете.

По крайней мере, ничего криминального. А его зависимость от обезболивающих уже в прошлом. И там он ее и намеревался оставить.

Люк окинул взглядом гладко зачесанные волосы своей собеседницы, безупречную кожу лица и фигуру, завернутую в этот ужасный плащ. Может, если бы дамочка распустила волосы, то не выглядела бы такой фригидной.

— Я читал вашу колонку в газете, — сказал он и посмотрел в ее зеленые глаза. — Вы одинокая девчонка, которая брюзжит об обязанностях и не может найти мужика. — Ее темные брови сдвинулись, а взгляд стал жестким. — Встретившись с вами, я понял, в чем ваша проблема.

Он затронул болезненное место. Хорошо. Может быть, она будет держаться от него подальше.

— Вы все еще чистый и трезвый? — спросила она.

Люк полагал, что если не ответит, она что-нибудь придумает. Они всегда так делали.

— Абсолютно.

— Правда? — ее нахмуренные брови поднялись идеальными арками, как будто она действительно не верила ему.

Он шагнул ближе.

— Хотите, чтобы я помочился в ваш стакан, милочка? — спросил Счастливец напряженную и

возможно-пять-лет-не-имевшую-секса женщину со злыми глазами, стоящую перед ним.

— Нет, спасибо, я предпочитаю черный кофе.

Люк мог бы помолчать минутку, чтобы отдать должное ее ответу, если бы она не была репортером, и он бы не чувствовал, что она давит на него, нравится ей это или нет.

— Если передумаете, дайте мне знать. И не воображайте, что если Даффи заткнул глотки парням, ваша работа будет легкой.

— В каком смысле?

— В каком вам нравится, — сказал Мартинò и пошел прочь.

Он преодолел небольшое расстояние до парковки и обнаружил свой серый «Дукати», стоящий на опорной подножке около отсека для инвалидов. Цвет мотоцикла отлично подходил к плотным облакам, нависшим над городом, и мрачному гаражу. Люк пристегнул свою сумку к задней части «Дукати» и оседлал черное сиденье. Он больше не думал о мисс Олкотт, когда вылетел из паркинга, оставляя за собой приглушенный рев мотора: проехал мимо бара «Тини Бигс», вверх по Брод ко Второй авеню, и, миновав нескольких небольших кварталов, заехал в общий гараж кондоминиума, припарковал мотоцикл рядом со своим «Лэнд Крузером».

Двумя пальцами Люк отодвинул манжет куртки и посмотрел на часы. Взяв свою сумку, он отметил, что у него есть три часа тишины, и подумал, что может включить кассету с игрой и расслабиться перед телевизором с большим экраном. Может быть, позвонить подружке и позвать ее на ланч? У него была на примете одна длинноногая рыженькая.

Выйдя из лифта на девятнадцатом этаже, Люк прошел по коридору к северо-восточному углу кондоминиума. После перехода в «Чинуки» прошлым летом он быстренько купил эти апартаменты. Он не сходил ума по обстановке, которая напоминала ему старый мультфильм «Джетсоны» со всем этим хромом, камнем и закругленными углами, но вид... вид был отпадней.

Люк открыл дверь, и его планы на день рассыпались, когда он подошел к голубому рюкзаку фирмы «North Face», брошенному на бежевом ковре. Красная куртка для сноуборда валялась на темно-синей кожаной софе, а кольца и браслеты были свалены в кучу на отделанном металлом и стеклом столике. Рэп орал из его стереосистемы, а Шэгги подпрыгивал и вертел задом на огромном экране телевизора Люка, включенного на канале «Эм-ти-ви».

Мари. Мари вернулась домой раньше.

Люк бросил рюкзак и свою сумку на софу и пошел дальше по коридору. Постучав в первую из трех спален, он открыл дверь. Мари лежала на своей кровати, ее короткие темные волосы стояли торчком на макушке совсем как мелкая черная щетка. Тушь размазалась под глазами, а щеки были бледными. Девочка прижимала к груди лоскутного голубого Заботливого мишку.

— Что ты делаешь дома? — спросил Люк.

— Из школы пытались дозвониться до тебя. Я не очень хорошо себя чувствую.

Он зашел в комнату, чтобы лучше рассмотреть свою шестнадцатилетнюю сестру, свернувшуюся клубочком на одеяле, предположив, что она, вероятно, снова плачет из-за своей матери. Со дня ее похорон прошел всего лишь месяц, и Люк подумал, что должен сказать что-то, чтобы утешить Мари, но на самом деле не знал, что именно, и всегда, казалось, делал только хуже, когда пытался успокоить ее.

— У тебя грипп? — вместо этого спросил Люк. Она была так похожа на мать, по крайней мере, на ту,

какой он ее запомнил, что становилось жутко.

— Нет.

— У тебя начинается простуда?

— Нет.

— Тогда что не так?

— Я просто чувствую себя больной.

Люку самому было шестнадцать, когда у четвертой жены его отца родилась дочь. За исключением нескольких посещений на праздники, Люк никогда не был рядом с Мари. Он был намного старше. Они жили в Лос-Анджелесе. Он скитался по всей стране, занимался собственной жизнью и не видел девочку со времени похорон отца десять лет назад до тех пор, пока она не переехала жить к нему в прошлом месяце. Внезапно Люк оказался ответственным за сестру, которую даже не знал. Он был ее единственным живым родственником не пенсионного возраста. Он был хоккеистом. Холостяком. Парнем. И он не имел понятия, какого дьявола делать с ней.

— Хочешь супа? — спросил он.

Мари пожала плечами, и ее глаза наполнились слезами.

— Думаю, да, — она шмыгнула носом.

С облегчением Люк быстро вышел из комнаты и направился на кухню. Он вытащил большую банку лапши с цыпленком из шкафа и запихнул ее под консервный нож, стоящий на черной мраморной столешнице. Он знал, у Мари сейчас трудные времена, но, Иисусе, та сводила его с ума. Если она не плакала, то дулась. Если не дулась, то закатывала свои большие голубые глаза при виде него, как будто он был идиотом.

Люк вылил суп в две чашки и добавил воды. Он пытался отправить сестру на консультацию к психологу, но она прошла через это во время болезни матери и теперь была твердо уверена, что с нее хватит.

Он засунул ланч в микроволновку и установил время. Кроме того, что жизнь с унылой девицей-подростком в одном доме сводила его с ума, это еще наносило серьезный удар по его светской жизни. В последние месяцы Люк находил время для себя только на выездах. Надо что-то менять. Эта ситуация не была благоприятной для них обоих. Ему пришлось нанять ответственную женщину, которая приходила побыть с Мари и жила в его квартире, когда он уезжает из города. Ее звали Глория Джексон, и ей было где-то около шестидесяти лет. Она не нравилась Мари, но, кажется, Мари никто не нравился.

Лучшее, что он мог сделать — это найти сестре хорошую школу-интернат. Там она стала бы счастливой, живя с девочками своего возраста, которые разбираются в прическах и макияже и любят слушать рэп. Люк почувствовал укол вины. Причины, по которым он собирался отправить ее в интернат, не были полностью альтруистическими. Ему хотелось вернуть свою прежнюю жизнь. Возможно, он — эгоистичный ублюдок, но ублюдок, который усердно трудился, чтобы вернуть эту жизнь обратно. Чтобы выбраться из этого хаоса к относительному спокойствию.

— Мне нужны деньги.

Люк оторвался от созерцания супа, вращающегося в микроволновке, и повернулся к сестре, стоящей в дверях кухни. Они уже разговаривали об особом счете для нее.

— После того, как мы продадим дом твоей матери, и тебе начнут выплачивать социальное пособие,

ты...

— Мне надо сегодня, — перебила она его, — прямо сейчас.

Он полез за бумажником в задний карман:

— Сколько тебе нужно?

Морщинка появилась на ее лбу.

— Думаю семь или восемь долларов.

— Ты не знаешь?

— Десять будет в самый раз.

Он спросил из любопытства и потому, что считал, что должен спросить:

— Для чего тебе нужны деньги?

Ее щеки покраснели:

— У меня не грипп.

— А что же?

— У меня спазмы и ничего нет, — Мари опустила взгляд на свои ноги в носках. — Я не знаю ни одной девочки в школе, чтобы попросить, а к тому времени, как я отправлюсь к няньке, будет слишком поздно. Поэтому мне пришлось прийти домой.

— Слишком поздно для чего? О чем ты говоришь?

— У меня спазмы и ничего... — Ее лицо покраснело, и она выпалила: — Тампоны. Я поискала в твоей ванной, поскольку думала, что, может быть, одна из твоих подружек оставила что-нибудь. Но у тебя ничего нет.

Микроволновка зазвенела в то же мгновение, когда Люк наконец понял проблему Мари. Он открыл дверцу и обжег палец, выставляя суп на стол.

— О! — Вытащив две ложки из ящика, он, поскольку не знал, что сказать, спросил: — Хочешь крекеров?

— Да.

Почему-то она не казалась достаточно взрослой. Разве месячные у девочек начинаются в шестнадцать? Люк полагал, что это так, но никогда не думал об этом. Он воспитывался единственным ребенком, и все его мысли всегда вращались вокруг игры в хоккей.

— Хочешь аспирин? — одна из его давних подружек принимала его болеутоляющие, когда у нее были спазмы. Вспоминая прошлое, он понимал, что их связывали лишь его деньги и общая зависимость от таблеток.

— Нет.

— После ланча мы пойдем в магазин, — сказал Люк. — Мне не помешал бы дезодорант. — Мари, наконец, посмотрела на него, но не сдвинулась с места. — Тебе надо пойти сейчас?

— Да.

Люк смотрел на сестру, стоящую перед ним, такую же смущенную и испытывающую неловкость, как и он. Вина, которую он чувствовал секунду назад, исчезла. Отправить ее жить с девочками ее возраста, определенно, было правильным решением. В школе-интернате для девочек знали о спазмах и других женских штучках.

— Я возьму ключи, — сказал он. Теперь ему надо было лишь найти способ сообщить ей о своем решении, чтобы это не звучало так, будто он пытается избавиться от нее.

ГЛАВА 2

Обмен любезностями: схватка

— Ну-ка повтори, — вилка Каролины Мэйсон застыла на полпути ко рту. Кусочек цыпленка повис в воздухе.

— Я освещаю игры «Чинуков» и путешествую с ними, — повторила Джейн на радость своей подруге детства.

— Хоккейной команды?

Каролина работала в универмаге «Нордстром», продавая свою неизлечимую страсть — обувь. По внешнему виду они с Джейн были полными противоположностями. Каролина была высокой блондинкой с голубыми глазами — ходячая реклама красоты и хорошего вкуса. И их характеры тоже сильно отличались. Джейн была интровертом, тогда как все мысли и чувства Каролины сразу становились достоянием общественности. Джейн покупала одежду по каталогам. Каролина считала каталоги орудием дьявола.

— Да, вот чем я занимаюсь в этой части города. Я только что пришла со встречи с владельцем и командой.

Подруги были как лед и пламень, ночь и день, но у них имелось общее: их корни и история жизни, связавшие их крепче, чем «Суперклей».

Мать Каролины в свое время сбежала с дальнобойщиком и теперь то появлялась, то исчезала из жизни дочери. Джейн и вовсе росла без матери. Девочки жили рядом в Такоме, в одном из пришедших в упадок квартале. Бедные. В постоянной нужде. Они обе знали, каково это — идти в школу, надевая тряпичные кеды, тогда как большинство носило кожаные.

Теперь, повзрослев, каждая из них разбиралась с прошлым по-своему. Джейн сэкономила деньги так, как будто каждая ее зарплата была последней, в то время как Каролина выбрасывала огромные суммы денег на дизайнерскую обувь, как будто была Имельдой Маркос.

Каролина опустила вилку на тарелку и прижала руку к груди:

— Ты будешь путешествовать с «Чинуками» и брать интервью у них, пока они голые?

Джейн кивнула и покопалась в своем «особом» ланче: макароны с сыром и кусочками копченой ветчины, а также измельченными гренками, красиво запекшимися наверху. Учитывая погоду на улице, макароны с сыром определенно подходили этому дню.

— Надеюсь, они будут держать свои штаны застегнутыми, пока я не уйду из раздевалки.

— Ты ведь шутишь, правда? Какая причина, кроме как полюбоваться на мускулистых мужиков, может заставить тебя войти в вонючую раздевалку?

— Взять у них интервью для газеты. — Теперь, когда утром Джейн увидела их всех, она начала чувствовать некоторое беспокойство. По сравнению с ее ста пятьюдесятью двумя сантиметрами все они казались просто огромными.

— Думаешь, они бы заметили, если бы ты сделала пару снимков?

— Вполне могли бы, — засмеялась Джейн, — Они не кажутся такими тупыми, как ты ожидаешь.

— Облом. Я бы не отказалась посмотреть на голых хоккеистов.

И теперь, когда она познакомилась с ними, видеть их наготу было той стороной работы, которая очень беспокоила ее. Джейн должна была путешествовать с этими мужчинами. Сидеть с ними в самолете. Она не хотела знать, как они выглядят без одежды. Единственная ситуация, в которой она

хотела быть рядом с обнаженным мужчиной — это когда сама была раздета. И хотя она подробно описывала сексуальные фантазии, чтобы добыть средства к существованию, в реальной жизни чувствовала себя неуютно рядом с неприкрытой наготой. Джейн не походила на женщину, которая писала о свиданиях и отношениях в колонке «Таймс». И она совсем не походила на Медовый пирожок.

Джейн Олкотт была притворщицей.

— Если ты не можешь сделать снимки, — сказала Каролина, снова потянувшись к вилке и подцепив цыпленка из своего восточного салата, — сделай для меня записи.

— Это неэтично во всех смыслах, — сообщила Джейн подруге. Затем подумала о предложении Люка Мартино́ «помочиться» в ее кофе и решила, что в его случае могла бы пренебречь этикой. — Я видела задницу Люка Мартино́.

— Гольшом?

— Как в тот день, когда он родился.

Каролина наклонилась вперед:

— И как она?

— Хороша. — Джейн вызвала в воображении скульптурные плечи и спину Люка, ложбинку его позвоночника и полотенце, соскальзывающее по его идеально круглым ягодицам. — Действительно хороша. — Не стоило отрицать, что Люк был красивым мужчиной, очень плохо, что как личность он был полным отстоем.

— Боже, — вздохнула Каролина, — почему я не закончила колледж и не получила такую же работу?

— Слишком много вечеринок.

— О, да, — Каролина замолчала на секунду, затем улыбнулась. — Тебе нужен ассистент. Возьми меня.

— Газета не будет платить за ассистента.

— Я в пролете, — улыбка подруги увяла, а взгляд переместился на блейзер Джейн. — Ты должна купить новую одежду.

— У меня есть новая одежда, — с расстановкой ответила Джейн.

— Под словом «новая» я подразумевала соблазнительную. Ты носишь слишком много черного и серого. Люди начинают задумываться, не в депрессии ли ты.

— Я не в депрессии.

— Может, и нет, но ты должна носить цветное. Особенно красное и зеленое. Ты собираешься путешествовать с огромными, сильными, полными тестостерона мужиками весь сезон. Это прекрасная возможность завлечь парня.

Джейн должна была путешествовать с командой по работе. Она не хотела завлекать мужчин.

Особенно хоккеистов. Особенно, если все они были похожи на Люка Мартино́. Когда она отклонила его предложение относительно кофе, он почти улыбнулся. Почти. А потом сказал: «Если вы измените свое мнение об этом, дайте мне знать». Только он не сказал «об». Он сказал «а-аб». Он был придурком, который даже не полностью избавился от своего канадского акцента. Джейн посмотрела на свой черный блейзер, черные брюки и серую блузку. Ей казалось, что она выглядит хорошо.

— Это Джей Кру.

Каролина прищурила голубые глаза, и Джейн знала, что последует за этим. Джей Кру не был Донной

Каран.

— Именно. Из каталога?

— Конечно.

— И черное.

— Ты знаешь, что я дальтоник.

— Ты не дальтоник. Ты просто не можешь сказать, когда цвета не сочетаются.

— Правильно! — Вот почему ей нравился черный. Она хорошо выглядела в черном. С точки зрения моды, черный цвет — безошибочный.

— У тебя прекрасное маленькое тело, Джейн. Ты должна использовать его, показывать его. Пойдем со мной в «Норди», и я помогу тебе подобрать милые вещицы.

— Ни за что. Последний раз, когда я позволила тебе подобрать мне одежду, я выглядела как Грег Брейди. Только еще хуже.

— Это было в шестом классе, и нам приходилось ходить в «Гудвилл» за покупками. Теперь мы старше, и у нас больше денег. По крайней мере, у тебя.

Да, и Джейн хотела, чтобы это так и оставалось. У нее были планы на свою заначку. Планы, которые включали в себя покупку дома, а не дизайнерской одежды.

— Мне нравится, как я одеваюсь, — сказала Джейн, как будто они уже не говорили об этом тысячу раз.

Каролина закатила глаза и сменила тему беседы:

— Я встретила парня.

Ну, конечно, она встретила. С тех пор как они обе отметили тридцатилетие, биологические часы Каролины начали тикать, и она могла думать только о своих усыхающих яйцеклетках. Она решила, что пришло время выйти замуж, и поскольку не хотела лишать Джейн такого веселья, то постановила, что выйти замуж пришло время им обеим. Однако в плане Каролины имелся просчет. Джейн была твердо уверена, что притягивает мужчин, которые разбивают ей сердце и плохо с ней обращаются, а так как негодяи казались единственным типом мужчин, которые заставляли ее слабеть и покрываться испариной, то подумывала о том, чтобы завести кота и осесть дома. Но она попала на уловку-22. Нельзя найти новый материал для колонки «Одинокая девчонка», не выходя из дома.

— У него есть друг.

— Последний друг, которым ты меня снабдила, водил фургон серийного убийцы с диваном в задней части.

— Знаю. И ему не очень-то понравилось читать про себя в твоей колонке в «Таймс».

— Тем хуже для него. Он был одним из тех парней, которые из-за моей колонки считают меня отчаявшейся и сексуально озабоченной.

— В этот раз все будет по-другому.

— Нет.

— Он может понравиться тебе.

— В том-то и проблема. Если он понравится мне, я знаю, он будет относиться ко мне, как к дерьму, а потом выбросит меня.

— Джейн, ты редко даешь кому-либо шанс выбросить тебя. Ты всегда стоишь одной ногой за дверью, только и ожидая повода убежать, — сказала Каролина. Ей было легко так говорить. Она

избавлялась от парней, потому что те были слишком идеальными. — У тебя не было бойфренда со времени Винни.

— Да, и посмотри, чем все тогда обернулось.

Винни одалживал у нее деньги, чтобы покупать подарки другим женщинам. Насколько она могла сказать, чаще всего он покупал недорогое женское белье. Джейн ненавидела дешевое белье.

— Посмотри на светлую сторону. Избавившись от него, ты была так расстроена, что заново отремонтировала свою ванную.

Прискорбным фактом в жизни Джейн было то, что когда ей разбивали сердце, и она впадала в депрессию, то начинала изо всех сил заниматься уборкой. Когда же она была счастлива, то имела склонность не замечать, что полотенца из шкафа выпадают ей на голову.

После ланча Джейн подбросила Каролину в «Нордстром», затем поехала в «Сиэтл Таймс».

Поскольку она писала ежемесячную колонку, у нее не было стола в редакции. На самом деле, она почти не бывала в этом здании.

Джейн встретила с редактором спортивного раздела Кирком Торнтоном. Ему не было необходимости говорить ей, что он в ужасе от того, что она заменяет Криса. Его прием оказался таким холодным, что он мог бы заморозить очки на своем лбу. Торнтон представил ее трем другим спортивным репортерам, и их приветствия были ненамного теплее, чем у Кирка. За исключением Джеффа Нунана.

Хотя Джейн почти совсем не бывала в редакции «Сиэтл Таймс», она слышала о Джеффе Нунане. Он был известен среди женской части персонала как «Нунер» и находился на грани судебного процесса за сексуальные домогательства. Не только потому, что полагал, что место женщины на кухне: он был уверен, что место женщины на кухонном столе... на спине. Взгляд, которым Нунер окинул Джейн, говорил о том, что он представляет ее без одежды, а улыбнулся он так, как будто она должна была быть польщена или что-то в этом роде.

Взгляд, которым Джейн наградила его в ответ, красноречиво свидетельствовал о том, что она лучше съест отраву для крыс.

«Би-эй-си 1-11» вылетел из международного аэропорта Сиэтл-Такома в 6.23. Через несколько минут самолет пробился сквозь облака и лег на левое крыло.

Утреннее солнце светило через иллюминаторы как прожектор. Шторки опустились едва ли не одновременно, укрывая от слепящих лучей, и почти все хоккеисты откинули спинки кресел и устроились поудобней на время четырехчасового полета.

Не отводя глаз от бумаг на своих коленях, Джейн подняла руку и отрегулировала кондиционер. Она включила его на полную мощность и направила в лицо, разглядывая график команды. И заметила, что после некоторых игр они должны были улететь сразу же, тогда как после других вылет шел лишь на следующее утро. Но кроме времени отлета программа всегда была одной и той же. Команда тренировалась за день до каждой игры, а в день самой игры у них был «легкий» прокат. Это никогда не менялось.

Джейн отложила карту маршрута и взяла выпуск «Хоккейных новостей». Утренний свет упал на репортажи о командах НХЛ, и взгляд Джейн остановился на колонке, касающейся «Чинуков».

Подзаголовок гласил: «Ключ к успеху „Чинуков“ в их воротах».

Последние несколько недель Джейн впихивала в свою голову статистику НХЛ, ознакомившись с

именами игроков «Чинуков» и позициями, на которых они играли, прочитав все газетные статьи о команде, которые только смогла найти. Но у нее все еще не было четких представлений об игре или игроках. Она собиралась броситься в омут с головой и надеялась, что не захлебнется и не утонет. Ей нужно было завоевать уважение и доверие этих мужчин. Джейн хотела, чтобы они относились к ней также, как к другим спортивным журналистам.

В своем портфеле она припрятала две бесценные книги: «Хоккей для чайников» и «Плохие парни хоккея». Первая давала ей начальные знания и практические советы, а вторая рассказывала о темных сторонах игры и мужчин, которые играли в нее.

Не поднимая головы, Джейн посмотрела через проход и на ряды кресел. Ее взгляд проследил за аварийными огнями, бегущими по голубому ковролину, и уперся в сверкающие ботинки и темно-серые брюки Люка Мартинó. Со времени их беседы в «Кей Арена» она изучила его лучше, чем других игроков.

Он родился и рос в Эдмонтоне, Альберта, Канада. Его отец был франко-канадцем и развелся с матерью Люка, когда тому едва исполнилось пять лет. В возрасте девятнадцати лет Люк был выбран на драфте НХЛ под общим шестым номером командой «Ойлерз». Потом перешел в Детройт и, наконец, в Сиэтл. Самую интересную информацию Джейн получила из «Плохих парней хоккея», которая посвятила Люку целых пять глав. Книга детально описывала плохиша — вратаря, заявляя, что у него самые быстрые руки на льду и вне его. Фотографии демонстрировали вереницу актрис и моделей в его объятиях. И хотя ни одна из них прямо не утверждала, что спала с ним, ни одна также и не отрицала этого.

Взгляд Джейн поднимался по большой руке и длинным пальцам Счастливчика, постукивающим по ручке кресла. Узкая полоска золотого «Ролекса» выглядывала из-под манжеты бело-голубой рубашки. Джейн разглядывала плечо и профиль Мартинó с высокими скулами и прямым носом. Его волосы были пострижены коротко, как у гладиатора, готового к битве. Если предположить, что хотя бы половина смачных деталей из книги о плохих парнях — правда, то у Люка Мартинó имелась женщина в каждом городе, который они посещали. Джейн удивлялась, как он еще не оказался на грани истощения.

Внезапно какая-то помеха заслонила ей обзор. Джейн подняла взгляд на побитое лицо громилы Роба «Кувалды» Саттера. Сильно наклонившийся, чтобы не задеть головой низкий потолок, он казался еще ужасней, чем обычно. Она еще не запомнила лица всех игроков «Чинуков», но Роб был одним из тех парней, которых трудно забыть. Сто девяносто один сантиметр и сто тринадцать килограмм устрашающих мускулов. Сегодня он щеголял пушистой эспаньолкой на подбородке и сияющим фонарем под зеленым глазом. Кувалда снял пиджак, закатал рукава и ослабил галстук. Его каштановые волосы нуждались в стрижке, а на переносице был прилеплен кусочек лейкопластыря. Саттер смотрел на портфель, лежащий на сиденье рядом с Джейн.

— Не возражаете, если я присяду?

Джейн не хотелось признавать это, но ее всегда немного нервировали большие парни. Они занимали так много места и заставляли ее чувствовать себя маленькой и немного уязвимой.

— О, нет, — она схватила портфель за кожаные ручки и бросила его на пол к своим ногам.

Роб втиснул свое огромное тело на сиденье рядом с ней и ткнул пальцем в газету в ее руках:

— Вы читали статью, которую я написал? На шестой странице.

— Еще нет.

Чувствуя себя загнанной в ловушку, Джейн открыла шестую страницу с фото Роба Саттера в игре. Он, схватив какого-то парня за шею, бил его по лицу.

— Это я показываю Расмуссену, где раки зимуют, в его первый сезон.

Она посмотрела в сторону Роба, отмечая его почерневший глаз и сломанный нос:

— Зачем?

— Расплачиваюсь за хет-трик.

— Разве это не его работа?

— Конечно, но моя работа — это обращаться с ним грубо, — пожал плечами Роб. — Заставлять его немного нервничать, когда он видит, что я приближаюсь.

Джейн подумала, что будет благоразумнее держать свое мнение о его работе при себе.

— Что случилось с вашим носом?

— Он оказался слишком близко к клюшке. — Роб указал на газету: — Что вы думаете? — Джейн быстро пробежала глазами по статье, которая, казалось, была написана достаточно хорошо. —

Думаете, я зацепил читателя с первого графа?

— Графа?

— Так журналисты называют параграф.

Ей было известно, что значит граф.

— «Я не просто боксерская груша», — вслух прочитала она. — Вот это привлекло мое внимание.

Роб улыбнулся, демонстрируя ряд великолепных белоснежных зубов. Джейн задалась вопросом, сколько раз их выбивали и вставляли обратно.

— Я хорошо повеселился, когда писал это, — сказал он. — Подумываю о том, чтобы всерьез заняться этим делом, когда закончу карьеру. Может, вы могли бы мне дать несколько наводок?

Сделать первый шаг намного легче на словах, чем на деле. Ее собственное резюме было совсем не звездным, но она не хотела портить Робу настроение, рассказывая правду.

— Помогу, чем смогу.

— Спасибо, — он привстал, вытащил бумажник из заднего кармана и, снова опустившись на кресло, открыл его и достал фотографию. — Это Амелия, — сказал Саттер, вручая Джейн изображение малышки, спящей у него на груди.

— Такая крохотная. Сколько ей?

— Месяц. Разве она не самое совершенное создание в мире?!

Джейн не собиралась спорить с Кувалдой.

— Она просто великолепна.

— Мы снова показываем фотографии детей?

Подняв голову, Джейн встретила со взглядом пары карих глаз, смотрящих на нее из-за спинки переднего сиденья. Мужчина протягивал фотографию.

— Это Тэйлор Ли, — сказал он. — Ей два.

Джейн смотрела на фото ребенка, такого же лысого, как и тот парень, что передал ей карточку, и думала, почему все люди полагают, будто каждый хочет увидеть фотографии их детей. Она не узнавала обладателя глаз, смотрящих на нее, пока Роб не заметил:

— Она ужасно лысая, Рыбка. Когда у нее появятся волосы?

Брюс Фиш, запасной крайний нападающий, привстал и забрал фотографию обратно. Его лысина сияла, в то время как сильно отросшая щетина покрывала нижнюю часть лица.

— Я был лысым до пяти лет, а превратился в красавчика.

Джейн умудрилась сохранить серьезное выражение лица. Брюс Фиш, возможно, искусно укрощал шайбу, но привлекательным мужчиной он не был.

— У вас есть дети? — спросил он ее.

— Нет, я никогда не была замужем, — ответила она, и беседа закрутилась вокруг того, кто из игроков «Чинуков» женат, и кто сколько имеет детей. Не особо интересная тема, но она уменьшила беспокойство Джейн о том, что игроки будут при ней хранить молчание.

Она вернула Робу его фотографию и решила взять быка за рога. Чтобы поразить их своими знаниями или, по крайней мере, показать им, что она не была полной невеждой в хоккее.

— Учитывая возраст команды и нехватку купленных игроков, «Койотис» в этом году играют лучше, чем ожидалось, — сказала она, цитируя то, что только что прочитала. — Какие самые большие трудности вы предвидите в игре в среду?

Парни посмотрели на нее, как будто она заговорила на иностранном языке. Возможно, на латыни.

Брюс Фиш отвернулся и исчез за сиденьем. Роб засунул фото дочки в бумажник и сказал, вставая:

— А вот и завтрак.

Кувалда быстро удалился, ясно показав, что хоть с ней и приятно поболтать о журналистике и детях, он не собирается говорить с ней о хоккее. И чем дольше длился полет, тем очевиднее становилось для Джейн, что теперь игроки игнорируют ее. Кроме короткой беседы с Брюсом и Робом, никто не заговорил с ней. Ну что ж, они не смогут избежать ее вечно. Они должны допустить ее в раздевалку и ответить на ее вопросы. Они должны поговорить с ней, иначе получают обвинение в дискриминации.

Джейн отказалась от кексов с апельсиновым соком и подняла подлокотник между креслами. Пересев на кресло у прохода, она разложила свои статьи и книги, затем сняла серый шерстяной блейзер и взялась за дело, пытаясь понять, какие очки назначались за голы. Какое наказание давалось за нарушение, и что означал вечно мешающий свисток о пробросе. Она вытащила пачку стикеров из портфеля, нацарапала заметки и приклеила их внутри книги.

Обозначать направления своей работы и жизни с помощью записок на стикерах было не самым эффективным способом самоорганизации. Джейн попыталась использовать более современные методы: она пробовала воспользоваться программой на своем ноутбуке, но оказалось, что царапать записки — то же самое, что и писать в ней. Она купила органайзер, который использовала в настоящий момент, но только чтобы приклеивать записки на его страницы. В прошлом году Джейн купила «Палм Пилот», но так к нему и не привыкла. Без своих записок она впадала в панику и в итоге продала карманный девайс подруге.

Джейн написала записку о хоккейных терминах, значения которых не понимала, и приклеила ее к книге, а затем посмотрела в проход на Люка. Его рука лежала рядом со стаканом апельсинового сока на откидном столике. Длинные пальцы разорвали салфетку, и он перекатывал комочки бумаги между большим и указательным пальцами.

Кто-то позвал Люка по имени, он наклонился в проход и поглядел назад. Взгляд его голубых глаз остановился где-то позади Джейн, и Счастливчик засмеялся какой-то шутке, которую она не расслышала. Его белые ровные зубы и улыбка заставляли женщину думать о жарких, греховных

вещах. Затем он опустил глаза на нее, и она забыла о его зубах. Он просто смотрел, как будто не мог понять, как она оказалась здесь — вроде пятнышка на его галстук — затем скользнул изучающим взглядом по ее лицу и шее к вырезу ее обыкновенной белой блузки. По какой-то волнующей причине дыхание Джейн замерло в груди, прямо там, куда он уставился. Мгновение внезапно остановилось. Затянулось. Зависло между ними, пока брови Люка не сдвинулись в прямую линию. Затем, не поднимая глаз, он отвернулся. Джейн наконец-то вздохнула и снова почувствовала, что Люк Мартино оценил ее и признал негодной.

К тому времени как самолет приземлился в Фениксе, на улице сияло солнце, и было тридцать пять градусов. Хоккеисты поправили галстуки, надели пиджаки и двинулись к автобусу.

Люк подождал, пока Джейн Олкотт пройдет мимо, прежде чем ступил в проход позади нее. Надевая пиджак от Хьюго Босс, он изучал ее со спины.

Журналистка перекинула шерстяной блейзер через ту же руку, в которой держала свой большой портфель, набитый книгами и газетами. Ее волосы снова были забраны в хвост, а кончики завивались и терлись о ее плечи, пока они двигались вперед. Она была слишком маленькой. Макушка ее головы как раз доставала ему до подбородка, и сквозь дымку одеколona и лосьона после бриться Люк почувствовал какой-то цветочный аромат.

Край ее портфеля зацепился за сиденье, и она споткнулась. Люк схватил ее за руку, чтобы удержать на ногах, пока газеты, книги и записки падали на пол. Отпустив ее руку, Счастливчик присел на колени рядом с ней в узком проходе и поднял книгу официальных правил НХЛ и «Хоккей для чайников».

— Вы не очень-то много знаете об этой игре, а? — сказал он, передавая ей книги. Кончики его пальцев коснулись ее, и Джейн подняла на него глаза.

Ее лицо находилось в нескольких дюймах от него, и он воспользовался возможностью изучить женщину. Ее кожа была безупречна, а на гладких щеках виднелся легкий румянец. Глаза были цвета летней травы, и Люк заметил слабые линии контактных линз на границе радужки. Если бы мисс Олкотт не была репортером и не спросила бы его в первый день их встречи, не принимает ли он наркотики, он мог бы подумать, что она выглядит не так уж плохо. Может быть, он даже подумал бы, что она достаточно симпатичная. Может быть.

— Я знаю очень много, — сказала она, отдергивая руку и запихивая книгу в переднее отделение портфеля.

— Конечно, знаете, Айс, — он оторвал стикер от своих брюк. На нем было написано: «Какого черта значит блокировка?» Люк схватил запястье Джейн и шлепнул запиской по ее ладони. — Выглядит так, как будто вы ни хрена не знаете.

Они встали, и Люк забрал у нее портфель.

— Я сама могу нести это, — запротестовала Джейн, запихивая записку в карман брюк.

— Позвольте уж мне.

— Если вы пытаетесь быть милым, уже поздно.

— Я не собираюсь быть милым. Я просто хочу выбраться отсюда, прежде чем автобус уедет.

— О, — она открыла рот, чтобы сказать еще что-то, но снова закрыла его. Они двинулись дальше по проходу. Подрагивание ее хвоста рассказало ему о ее волнении. В автобусе она села рядом с главным менеджером, Люк бросил портфель ей на колени и отправился на заднее сидение.

Роб Саттер наклонился вперед, когда Люк опустился в кресло впереди громилы.

— Эй, Счастливчик, — сказал Роб, — Тебе не кажется, что она хорошенькая?

Люк посмотрел через несколько рядов на голову Джейн и ее тугий хвост. Она не была уродиной, но она была не в его вкусе. Он любил женщин в стиле Барби. Длинные ноги и большая грудь. Пышные волосы и красные губы. Женщин, которым нравилось доставлять мужчинам удовольствие, и которые не ожидали в ответ ничего, кроме удовольствия. Он знал, что это говорит о нем, и его это не волновало. У Джейн была отличная кожа, и ее волосы могли бы быть хороши, если бы она не стягивала их так туго, но грудь у нее была маленькой.

Образ ее блузки вспыхнул в его голове. Он повернулся ответить на какой-то вопрос Влада Фетисова и заметил Джейн, впервые с момента взлета. Затем он увидел два четких пятнышка спереди ее шелковой блузки. На одно короткое мгновение он задался вопросом, замерзла она или возбудилась?

— Не особенно, — ответил он Робу.

— Думаешь, это правда, что она спала с Даффи, чтобы получить эту работу?

— Это парни так говорят?

— С ним или с его другом в «Сиэтл Таймс».

При мысли о том, что такая молодая женщина, как Джейн, путается с двумя стариканами, у Люка сжался желудок. Он не знал, почему это вообще должно беспокоить его, поэтому, пожав плечами, выбросил из головы Джейн и тех, с кем она могла или не могла спать.

Он ждал важного звонка от своего агента, Хоуи. Тот жил в Лос-Анджелесе и отослал всех своих троих детей в школу-интернат в южной Калифорнии. Чем больше Люк думал об этом, тем больше убеждал себя, что интернат в Калифорнии стал бы идеальным решением для Мари. Девочка провела в южной Калифорнии большую часть своей жизни. Это было бы как возвращение домой. Она стала бы счастливей, а он бы получил свою жизнь обратно. Все в выигрыше.

«Чинуки» зарегистрировались в отеле к одиннадцати, быстро перекусили и к двум часам вышли на лед в «Америка Уэст Арена» для запланированной тренировки. Команда не проигрывала уже две недели, а Люк в этом сезоне провел пять игр «всухую». Команда не была по-настоящему грозной со времени ухода их капитана Джона Ковальски. В этом году все изменилось. В этом году они стали опасны.

К четырем часам «Чинуки» вернулись в отель. Люк поднялся на лифте в свой номер и позвонил подружке. Два часа спустя он вышел из лифта, готовый жить своей жизнью, пока может.

В первый раз он встретил Дженни Девис на рейсе в Детройт. Она принесла ему содовую и лайм, упаковку орешков и салфетку с написанным на ней своим именем и телефонным номером. Это случилось три года назад. Они встречались, когда он был в Фениксе, или когда ей случалось бывать в Сиэтле. Такая ситуация устраивала их обоих. Он удовлетворял ее. Она удовлетворяла его.

Сегодня он встретился с Дженни в фойе, они вместе поехали к Дюрану, где Люк съел свой ужин для-ночи-перед-игрой, включающий в себя отбивные из молодого барашка, салат «Цезарь» и канадский рис.

После ужина Дженни привела его к себе домой в Скоттсдейл, где он получил десерт. Она доставила его обратно в отель к комендантскому часу. Люк любил свою жизнь в пути. Возвращаясь в отель, он был полностью спокоен, расслаблен и готов принять вызов «Койотис» завтра ночью.

Поговорив несколько минут с товарищами по команде в баре, внизу, Люк отправился наверх в

номер. Его немного беспокоило правое колено, поэтому он взял пустое ведерко для льда с телевизора, спустился вниз к автомату со льдом и уже почти повернулся спиной, когда увидел стоящую у торгового автомата и скармливающую ему мелочь Джейн Олкотт. Ее волосы были забраны на макушке и свисали перепутанными локонами. Она шагнула вперед и нажала на кнопку выбора. Упаковка «M&M's» упала в нижнюю часть автомата.

Мисс Олкотт наклонилась, и тут Люк заметил ее прекрасной формы попку с коровами на ней. На самом деле, коровы были повсюду на ее голубой фланелевой пижаме. Эта штука была цельной и со спины выглядела как длинные панталоны. Джейн повернулась, и он оказался лицом к лицу с ужасом намного худшим, чем все эти пижамы. Очки в черной оправе сидели у нее на носу. Они были маленькие и квадратные, и Счастливчик предположил, что именно такие носят представительницы воинствующих женских организаций. Очки были просто ужасны.

При виде Люка глаза Джейн широко раскрылись, и она испуганно вздохнула.

— Я думала вы, ребята, уже должны быть в кроватках, — сказала она.

Черт, он не думал, что женщина могла бы выглядеть еще более бесполой.

— Что это, — спросил он и указал на нее ведерком. — Что это за я-больше-никогда-не-хочу-трахаться вид?

Она нахмурилась:

— Может быть, это шокирует вас, но я здесь работаю, а не трахаюсь.

— Отлично, — Люк подумал об их разговоре с Саттером и задался вопросом, спала ли она со старым Вирджилом Даффи, чтобы получить эту работу. Он слышал рассказы о любви Вирджила к молоденьким женщинам, которые могли бы годиться ему во внуки. На самом деле, когда Люк впервые приехал в Сиэтл, Саттер сказал ему, что в 1998 году Вирджил собирался жениться на молодой женщине, но эта женщина одумалась и бросила его у алтаря. Люк не придавал значения слухам и не знал, что из этого было правдой. Хотя он не мог представить Вирджила в роли мерзавца.

— Сомневаюсь, что вы найдете какую-то работу в таком прикиде.

Джейн раскрыла упаковку шоколадного драже.

— Кажется, у вас нет проблем с тем, чтобы найти работу, Счастливчик, — Люку не понравилось, как она произнесла «Счастливчик», и он не попросил ее уточнить. Но она все же уточнила. — Я видела, как вы уходили с этой блондинкой. Если бы меня спросили, я бы сказала, что она стюардесса. У нее тот самый «полетаем вместе» взгляд.

Люк направился к автомату со льдом и поднял крышку:

— Она моя кузина... двоюродная.

Джейн не выглядела так, как будто поверила ему, но Люку действительно было наплевать на это.

Она верила в то, во что хотела, и писала то, за что платили газеты.

— Зачем лед? Вас беспокоят колени?

— Нет.

Она была чертовски умной.

— Кто такой Гамп Уорсли? — спросила Джейн.

Гамп был звездой хоккея. Он сыграл больше игр, чем любой другой вратарь за всю историю этого вида спорта. Люк восхищался его рекордом и его преданностью делу. Много лет назад он взял номер Гампа на удачу. Это не было такой уж невидалью. Или большим секретом.

— Вы снова читали обо мне? — спросил Люк, набирая лед в ведерко. — Я польщен, — продолжил он, не беспокоясь о том, чтобы это звучало убедительно.

— Не стоит. Это моя работа, — она бросила конфетки в рот и, когда он ничего не сказал, подняла бровь. — Вы не собираетесь ответить на мой вопрос?

— Нет.

Она скоро поймет, что никто из парней не собирается сотрудничать с ней. Они обсуждали это и решили смутить ее и вывести из себя. Может быть, заставить ее отправиться домой. За пределами раздевалки они бы показывали ей фотографии детей и говорили обо всем, кроме того, о чем она до смерти хотела поговорить. О хоккее. В раздевалке они бы сотрудничали с ней ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы не получить обвинение в дискриминации, но и только. Люк не очень много думал об этом плане. Конечно, это выведет Джейн из себя, но не настолько, чтобы заставить ее отправиться домой. Нет, поговорив с ней несколько раз, он понял, что не очень многое могло сбить мисс Олкотт с ног.

— Хотя... вот что, — Люк захлопнул крышку автомата и сказал прямо ей в ухо, проходя мимо, — продолжайте копать, потому что эта история с Гампом действительно интересна.

— Копать — также моя работа, но не беспокойтесь, меня не интересуют ваши маленькие грязные секреты, — крикнула она ему вслед.

У Люка не было грязных секретов. Больше не было. В его личной жизни были моменты, о которых он не хотел бы прочитать в газетах. Например, он бы не хотел, чтобы стало известно о том, что у него есть несколько разных подружек в разных городах, хотя сама эта информация не стала бы новостью дня. Большинству людей было бы все равно. Он не был женат, его подружки тоже не были замужем.

Люк открыл дверь в номер, вошел и захлопнул ее за собой. Был лишь один секрет, который он не хотел раскрывать никому. Один секрет, от которого он просыпался в холодном поту.

Каждый раз, когда он играл, существовала вероятность того, что один хороший удар может сделать его хромым на всю оставшуюся жизнь. И даже хуже: закончить его карьеру.

Люк вывалил лед на полотенце и разделся до белых боксеров. Почесал живот, затем сел на кровать, подложил подушку под колено и обложил его льдом.

Всю свою жизнь Люк хотел играть в хоккей и выиграть Кубок Стэнли. Он жил и дышал этим, сколько себя помнил. В отличие от некоторых парней, которых завербовали уже после колледжа, его взяли в НХЛ в возрасте девятнадцати лет: перед ним расстилалось прекрасное будущее.

Через некоторое время его будущее слетело с рельсов. Он скользил в порочном круге боли и зависимости от лекарств, назначаемых по рецепту. Реабилитации и тяжелой работы. А теперь, наконец, получил шанс вернуться в игру, что заставляло его чувствовать себя живым. Но спорт, который принес ему «Конн Смайт Трофи» за год до его травмы, теперь смотрел на него со стороны и думал, хватит ли у него сил. Были люди, даже некоторые в руководстве «Чинуков», которые спрашивали себя, не заплатили ли они слишком много за их первого голкипера, может ли Люк все еще добиться чего-то в своей когда-то многообещающей карьере.

Чего бы ни стоило, не важно, через какую боль он должен будет пройти, чтобы играть, будь он проклят, если позволит чему-то встать между собой и Кубком.

Прямо сейчас он был опасен. Видел каждую игру, доставал каждую шайбу. Он был в ударе, но он

знал, как быстро полоса удач может смениться чередой провалов. Он мог потерять фокус. Пропустить несколько простых голов. Недооценить скорость шайбы, позволить слишком многим из них пролететь мимо и запутаться в сетке. Плохая ночь и замена в воротах случаются со всеми вратарями, но последствия этого не становятся менее страшными. Плохая игра не значит плохой сезон. Почти всегда. Но Люк «Счастливчик» Мартинò не мог позволить себе этого «почти».

ГЛАВА 3

Личное имущество: между ног у игрока

Рядом с компьютером Джейн зазвонил телефон, и в течение секунды она смотрела на него, прежде чем сняла трубку:

— Алло?

Но на другом конце провода никто не ответил. Уже седьмой звонок по счету. Джейн связалась с портье, и ей сказали, что не знают, откуда идут звонки, но у нее имелось подозрение, что звонили мужчины, на хоккейных свитерах которых была изображена рыба.

Положив трубку на рычаг, Джейн посмотрела на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке. До игры оставалось пять часов. Пять часов, чтобы закончить колонку «Одинокая девчонка в большом городе». Начать колонку для «Таймс» Джейн должна была еще прошлой ночью, но так измучилась из-за смены часовых поясов, что хотела просто лежать в постели, читать книги по хоккею и есть шоколад. Если бы Люк Мартинò не подкрался к ней у торгового автомата прошлой ночью, она бы купила себе еще и «Милки Уэй». Но то, что он поймал ее в пижаме с коровами, и так было очень неприятно. Ей не хотелось, чтобы он вдобавок посчитал ее прожорливой свиньей, хотя... почему ее должно было заботить, что Мартинò подумает о ней?

Джейн не знала. Разве что, полагала она, так было заложено генетически, что женщины переживали из-за того, что подумает о них привлекательный мужчина. Если бы Счастливчик был уродлив, ее бы, вероятно, это не беспокоило. Если бы у него не было таких ясных голубых глаз, длинных ресниц и тела, которое могло заставить монахиню рыдать, она бы взяла этот «Милки Уэй» и, возможно, вдобавок — большую пачку «Херши».

Если бы не дьявольская улыбка Люка, которая заставляла ее думать о греховных вещах, и воспоминание о его обнаженных ягодицах, она бы, возможно, не стала лепетать о стюардессах, как ревнивая хоккейная фанатка.

Джейн не могла позволить игрокам увидеть в себе кого-то кроме профессионала. Их отношение к ней немного изменилось со времени прибытия. Хоккеисты разговаривали с ней о кулинарных рецептах и детях, как будто из-за того, что у нее была матка, ее просто должны были интересоваться такие вещи. Но если она возвращалась к хоккею, их рты закрывались также плотно, как раковины моллюсков.

Перечитав первую часть колонки, Джейн внесла несколько изменений.

Одинокая девчонка в большом городе

Устав от разговоров о шампунях и мужчинах с боязнью серьезных отношений, я выпроводила своих подруг и сосредоточилась на «Маргарите» и кукурузных чипсах. Устроившись с комфортом, я разглядывала попугаев и декорации в стиле «сомбреро» и вдруг подумала: являются ли мужчины единственными, у кого есть фобия серьезных отношений. То есть возьмем нас: четыре

тридцатилетние женщины, которые никогда не были замужем. Кроме единственной попытки Тины жить с ее экс-боссом, ни у кого из нас никогда не было по-настоящему серьезных отношений. Так в ком же дело: в них или в нас?

Есть такое высказывание: «Если вы поместите двух неврастеников в комнате с сотней людей, они найдут друг друга». Так, может, есть что-то еще? Что-то более глубокое, чем недостаток доступных мужчин без страха и упрека?

«Нашли» ли мы четверо друг друга? Стали ли мы подругами потому, что действительно наслаждаемся компанией друг друга? Или потому, что все мы — неврастенички?

Через пять часов и пятнадцать минут с того момента, как она начала колонку, Джейн наконец нажала кнопку «отправить» на ноутбуке, затем положила записную книжку в свою большую сумку, бегом бросилась к двери, по коридору добежала до лифта, где ей почти пришлось подраться с пожилой четой за место в кабине. Когда Джейн вошла в «Америка Уэст Арена», там только что представили команду «Феникс Койотис». Толпа бесновалась, приветствуя своих любимцев.

У Джейн имелся пропуск на места для прессы, но ей хотелось находиться как можно ближе к происходящему на льду, поэтому пробралась на третий ряд, желая почувствовать и увидеть на своем первом хоккейном матче так много, как только возможно. Она действительно не знала, чего ожидать: просто чертовски хотела, чтобы «Чинуки» не проиграли и не обвинили в этом ее.

Как раз тогда, когда «Чинуки» вышли на лед, Джейн нашла себе местечко за воротами. Свист заполнил арену, и она оглядела ненормальных фанатов «Койотов». Ей однажды довелось присутствовать на игре «Маринерс», но Джейн не помнила, чтобы фаны были такими грубыми. Она снова посмотрела на лед и увидела, что Люк Мартино́ катится по направлению к ней, сосредоточенный и полностью готовый к битве. Прочитав о Люке больше, чем о других игроках, она знала, что все, что он надевал, было изготовлено на заказ. Огни арены отражались в его темно-зеленом шлеме. Тем же цветом на плечах свитера над номером легендарного Гампа Уорсли было вышито его имя. Почему мистер Уорсли был легендарным, Джейн еще не выяснила.

Люк дважды объехал ворота, повернулся и объехал их в обратном направлении. Он остановился во вратарской площадке, ударил клюшкой по стойкам и перекрестился. Джейн вытащила записную книжку, ручку и стикеры. Вверху страницы она написала: суеверия и ритуалы?

Шайба была вброшена, и внезапно все звуки игры обрушились на Джейн: стук клюшек, скрип коньков по льду, удары шайбы о бортики. Фаны орали и аплодировали, и скоро в воздухе повисли запахи пиццы и «Будвайзера».

Готовясь, Джейн просмотрела множество записей с играми. Она узнала, что хоккеем — очень скоростной вид спорта, но записи не передавали его неистовую энергию или то, как эта энергия заражала толпу. Когда игра останавливалась, по громкой связи объявляли о нарушениях, а затем на полную громкость включали музыку, пока шайба снова не вбрасывалась, и центральные нападающие команд не выбивали ее.

Отмечая все, что происходило вокруг, Джейн увидела то, что не показывали в записи и даже по телевидению. Самое важное не всегда было там, где находилась шайба. Большая часть активности наблюдалась в углах, где игроки пинали и пихали друг друга, пока шайба была на середине площадки. Несколько раз Джейн замечала, как Люк бьет по лодыжкам игроков «Феникса», которым не повезло оказаться на расстоянии удара. Казалось, Люк очень хорошо справляется с цеплянием

коньков «койотов» своей клюшкой, а когда он выставил руку на пути Клода Лемье из «Койтов», двое мужиков позади Джейн вскочили и завопили:

— Ты играешь как девчонка, Мартино́!

Раздался свисток, игра остановилась, и, когда Клод Лемье поднялся со льда, было объявлено наказание:

— Мартино́. Грубая игра, две минуты.

Поскольку голкипер не мог отбывать наказание на скамейке штрафников, его место занял Брюс Фиш. Пока Фиш катился к штрафной площадке, Люк просто взял бутылку с водой с верхней части ворот, плеснул струей сквозь маску себе в рот, затем сплюнул. Подняв плечи, он размял шею, поворачивая голову из стороны в сторону, и бросил бутылку обратно на сетку.

Игра продолжилась.

Скорость колебалась от дикой до почти прогулочной. Почти. Стоило Джейн подумать, что обе команды решили играть по-джентльменски, борьба за шайбу превратилась в настоящую драку. И ничто так не могло возбудить толпу, как вид игроков, сбросивших перчатки и схлестнувшихся в углу врукопашную. Джейн не слышала, что игроки говорят друг другу, но ей и не надо было. Она могла отчетливо прочитать это по их губам. Настоящим фаворитом оказалось слово на букву «б». Даже среди тренеров, которые стояли за скамейкой в приличных костюмах и галстуках. И хотя игроки на скамейке запасных не ругались, они плевались. Джейн никогда не видела, чтобы мужчины так сильно плевались.

Она заметила, что выкрики из толпы не были направлены лишь на вратаря «Чинуков». Каждый раз, когда сиэтлский игрок подъезжал достаточно близко, мужики позади Джейн вопили:

— Ты отстой!

После нескольких «Будвайзеров» они стали более изобретательными:

— Ты отстой, восемьдесят девятый, — или тридцать девятый, или какой бы там ни был номер у игрока.

На пятнадцатой минуте первого периода Роб Саттер впечатал игрока «Койтов» в борт, и плексиглас вздрогнул так сильно, что Джейн подумала, что он треснет. Игрок съехал на лед, и прозвучал свисток.

— Ты отстой, Кувалда, — заорали парни позади Джейн, и она подумала: слышат ли игроки крики фанов в общем шуме. Она знала, что ей потребовалось бы много спиртного, прежде чем она набралась бы мужества назвать Кувалду отстоем: слишком боялась, что после игры он подстережет ее на парковке и покажет, где раки зимуют.

После первых двух периодов счет оставался 0–0 в большей степени благодаря восхитительным сейвам обоих вратарей. Но на третий период «Койотис» вышли с более решительным настроением.

Капитан команды прорвался через защиту «Чинуков» и помчался по льду к их воротам. Люк выкатился с пятачка, чтобы встретить его, но капитан сделал бросок с небольшого замаха мимо левого плеча вратаря. Люк зацепил шайбу клюшкой, та дернулась, но влетела в сетку.

Толпа вскочила на ноги, пока Счастливчик направлялся обратно к воротам. Он спокойно положил клюшку и блокер на верхнюю часть ворот и, пока мерцающий голубой свет извещал о забитой шайбе, сдвинул маску на макушку, взял бутылку с водой и направил струю в рот. Со своего места Джейн видела профиль Люка. Его щеки слегка порозовели, мокрые волосы прилипли к вискам. Струйка

воды потекла из уголка рта по подбородку и шее и намочила воротник свитера. Вратарь опустил бутылку, бросил ее на ворота и натянул блокер.

— Трахни меня, Мартинó, - завопил один парень позади нее. — Трахни меня!

Люк посмотрел вверх, и Джейн получила ответ на один из своих вопросов. Он совершенно точно слышал мужчин позади нее. Без всякого выражения, он просто посмотрел на них. Затем взял клюшку и начал опускать взгляд, пока не остановился на Джейн. Люк смотрел на нее в течение долгих секунд, прежде чем повернулся и поехал к скамейке «Чинуков». Джейн не могла сказать, что думал он о тех двух парнях, но у нее имелись другие проблемы помимо чувств Люка. Она скрестила пальцы и стала молиться, чтобы «Чинуки» забили гол в следующие пятнадцать минут.

«...и ты должна запомнить, что имеешь дело с хоккеистами. Ты знаешь, они могут быть чертовски суеверными, — предупреждал Леонард. — Если „Чинуки“ начнут проигрывать, они обвинят тебя и отправят домой». Учитывая, как они относились к ней, Джейн решила, что нужды в еще больших поводах нет.

Им понадобилось четырнадцать минут и двадцать секунд, но они сравняли счет, играя в большинстве. Когда прозвучал последний гудок сирены, была ничья, и Джейн облегченно вздохнула. Игра закончена, по крайней мере, так думала она. Вместо этого часы отсчитали еще пять минут, пока по четыре игрока и голкипер каждой команды сражались в овертайме. Ни одна из команд не забила, и игра была отмечена в записной книжке как ничья.

Теперь Джейн могла вздохнуть свободно. Хоккеисты не могли обвинить ее в поражении и отправить паковать вещи.

Она взяла сумочку и засунула туда записную книжку и ручку. Затем направилась в раздевалку «Чинуков», размахивая репортерским пропуском. Ее желудок завязывался в узел, пока она шла по коридору. Она профессионал. Она может сделать это. Без проблем.

«Смотри им прямо в глаза», — напомнила себе Джейн, доставая маленький диктофон. Она вошла в комнату и остановилась, как будто пятки ее «Мартенсов» внезапно приклеились к полу. Мужчины разной степени раздетости стояли перед скамейками и открытыми шкафчиками, снимая одежду. Упругие мускулы и пот. Голые грудные клетки и спины. Мелькание обнаженных животов и ягодиц, и...

Боже правый! Ее щеки загорелись, а глаза были готовы вылезти из орбит, когда она не смогла удержаться от взгляда на комплектацию а-ля рюс Влада «Цепеша» Фетисова. Джейн вскинула глаза, но не раньше, чем обнаружила: то, что она слышала о европейцах, — правда. Влад не был обрезан. И эта информация оказалась немного больше того, что она хотела знать. В течение одного короткого мгновения она думала, что должна промямлить извинение, но об извинениях, конечно же, и речи быть не могло, потому что это было бы равносильно признанию того, что она что-то увидела. Джейн посмотрела на других репортеров-мужчин — те не извинялись. Тогда почему она чувствовала себя школьницей, подглядывающей за мальчишками в раздевалке?

«Ты и раньше видела пенисы, Джейн. Эка важность. Если ты видела один пенис, значит, ты видела их все... Ну, хорошо, это неправда. Некоторые пенисы лучше, чем другие. Прекрати! Прекрати думать о пенисах! — отругала она себя. — Ты здесь не для того, чтобы смотреть. Ты здесь, чтобы сделать свою работу, и у тебя столько же прав находиться здесь, как и у других репортеров-мужчин. Это закон, а ты профессионал». Да, именно это она говорила себе, пробираясь мимо игроков и

других журналистов, стараясь держать взгляд на уровне их плеч. Но единственной женщиной в комнате, полной огромных, сильных, голых хоккеистов, была Джейн. И она не могла перестать чувствовать себя не в своей тарелке.

Подняв глаза, Джейн присоединилась к репортерам, берущим интервью у Джека Линча, правого крайнего нападающего, который забил единственный гол «Чинуков». Она вытащила записную книжку, и в этот момент Линч снял шорты. Джейн была почти уверена, что он носит длинное нижнее белье, но решила не проверять это. «Не смотри, Джейн. Что бы ты ни делала, не смотри вниз». Она включила диктофон и перебила одного из коллег.

— После вашей травмы в прошлом месяце, — начала она, — поговаривали о том, что вы не сможете закончить этот сезон на том же уровне, на котором начинали его. Думаю, этот гол заставит всех изменить мнение.

Джек поставил ногу на скамейку перед собой и посмотрел на журналистку через плечо. Его щеки были все в красных пятнах, а старый шрам пересекал верхнюю губу. Линч разматывал ленту с верхней части гетры и так долго ждал, прежде чем ответить, что Джейн начала бояться, что он и вовсе не собирается разговаривать с ней.

— Надеюсь на это, — наконец произнес он. Три слова. И все.

— Что вы думаете о ничьей? — спросил репортер рядом с ней.

— «Койоты» сегодня играли очень плотно. Естественно, мы хотели победить, но получили ничью.

Когда Джейн попыталась задать еще вопрос, ее перебили и вынудили замолчать. Скоро она почувствовала, будто все вокруг сговорились против нее. Джейн пыталась убедить себя, что она, вероятно, просто параноик, но когда подошла к маленькой группе репортеров, берущих интервью у капитана «Чинуков» Марка Бресслера, тот посмотрел прямо сквозь нее и ответил на вопрос, заданный другим журналистом.

Джейн пообщалась с новичком со светлым ирокезом на голове, полагая, что тот будет благодарен за любое внимание, но его английский был так плох, что она с трудом смогла разобрать пару слов. Она пошла к Кувалде, но тот снял свою раковину, и пришлось пройти мимо. Джейн могла убеждать себя, что она профессионал, а это ее работа, но не смогла заставить себя подойти к полностью раздетому мужчине. Не в первую ночь.

Скоро ей стало очевидно, что и некоторые журналисты также избегают ее, а игроки больше не собирались отвечать на ее вопросы. Джейн не удивило отношение мужчин-журналистов.

Спортивные репортеры в «Таймс» обращались с ней не лучше.

«Отлично, я могу написать колонку с тем, что уже имею», — подумала она, направляясь к вратарю.

Люк сидел на лавке в углу комнаты, груда спортивной амуниции лежала на полу у его ног. Он снял все, кроме нижней части термобелья и гетр. Торс Счастливого был обнажен, на шею наброшено полотенце, концы которого свисали до середины груди. Глядя, как приближается журналистка, Люк сделал глоток из пластиковой бутылки. Капля воды стекла с его верхней губы, скользнула по подбородку, упала ему на грудь и, оставляя влажный след, спустилась по четко очерченным мускулам груди и живота и закатилась в ямку пупка.

В нижней части живота у Люка имелась черная татуировка в виде подковы. Затемнение в гвоздевой дорожке и гвоздьевых отверстиях придавало глубину и объем его коже, а ветви подковы загибались вверх с каждой стороны его пупка. Нижняя часть татуировки исчезала под поясом нижнего белья.

Джейн сомневалась, что Счастливчик нуждается в удаче подковы, вытатуированной над его «богатством».

— Я не даю интервью, — заявил он, прежде чем мисс Олкотт успела задать ему вопрос. — Вы столько нарыли обо мне, что я думал, вы это знаете.

Так и было, но она была настроена недружелюбно. Клуб мальчиков выгнал ее, и Джейн чувствовала, что должна пробиться обратно.

— Что вы думаете о сегодняшней игре?

Она не ждала, что он ответит, и он этого не сделал.

— Казалось, что вы зацепили шайбу клюшкой прямо перед тем, как она влетела в ворота.

Шрам на подбородке Люка побелел, но его лицо оставалось невозмутимым. Джейн лишь продолжила с упорством:

— Трудно сосредоточиться, когда фанаты кричат на вас?

Он вытер лицо краем полотенца. Но не ответил.

— Если бы я была на вашем месте, мне было бы нелегко игнорировать те отвратительные оскорбления.

Его голубые глаза продолжали смотреть на нее, но уголок рта опустился, как будто Люк считал ее очень надоедливой.

— До сегодняшней ночи я не имела понятия о том, что хоккейные фанаты так грубы. Эти мужчины позади меня были пьяны и омерзительны. Не могу представить себя, вскакивающей и кричащей «трахни меня» в толпе людей, как это делала она.

Он стащил полотенце с шеи и, наконец, сказал:

— Айс, если бы вы встали и закричали «трахни меня», сомневаюсь, что сейчас стояли бы здесь, выводя меня из себя.

— Почему это?

— Потому что, думаю, и на вас бы нашлась парочка желающих.

Понадобилось несколько секунд, чтобы смысл сказанного им стал ясен, и когда до Джейн дошло, с ее губ слетел потрясенный смешок:

— Я говорю совсем о другом.

— Не сказал бы.

Он встал и засунул большие пальцы под эластичный пояс белья.

— А теперь идите и доставайте кого-нибудь другого, — а когда она не двинулась с места, добавил:

— если, конечно, не хотите смутиться еще больше.

— Я не смущена.

— Вы покраснели, как будто ваше лицо сгорело.

— Здесь очень жарко, — солгала Джейн. Был ли он единственным, кто заметил? Вероятно, нет. —

Очень жарко.

— И станет еще жарче. — Он сказал «сты-а-анет». — Побудьте здесь, и вы вдоволь насмотритесь на впечатляющие дубинки.

Она повернулась и бросилась в поспешное отступление. Не потому, что он сказал ей сделать так, или из-за угрозы увидеть дубинки, но потому, что ей надо было сдавать статью. Да, надо сдавать статью, сказала она себе, выходя из раздевалки, стараясь, чтобы ее взгляд не упал на обнаженные части тел.

К тому моменту, как Джейн вернулась в отель, было десять часов. Прежде чем она сможет лечь в постель, ей предстояло написать и отправить колонку. Уткнувшись в компьютер, Джейн начала работать над своей первой спортивной статьей. Она знала, что спортивные репортеры в «Таймс» раскритикуют ее и будут выискивать ошибки, поэтому решила, что не позволит им найти ни одной. Она решила написать статью лучше, чем мужчины.

«„Чинуки“ и „Койотис“: ничья. Линч забивает единственный гол», — написала она, но вскоре обнаружила, что написание спортивных статей не такое легкое дело, как она ожидала. Оно было скучным. После нескольких часов страданий в поисках единственно правильного слова и ответов на повторяющиеся надоедливые телефонные звонки, Джейн сняла трубку, нажала «стереть» и начала заново.

С той секунды, как шайба была брошена в «Америка Уэст Арена», «Чинуки» и «Койоты» обеспечили фанатам дикую поездку по американским горкам, состоящую из мощных ударов и доводящего до белого каления напряжения. Обе команды поддерживали высокую скорость до самого конца, когда вратарь «Чинуков» Люк Мартино отказался принять участие в мальчишнике «Койтов» на синей линии. Когда в овертайме прозвучала финальная сирена, счет оставался ничейным...

Наряду со множеством сейвов Люка Джейн описала гол Линча и сильные удары Кувалды. До того момента, рано утром, когда она отослала статью, ей не приходило в голову, что Люк наблюдал за ней в раздевалке. Пока отовсюду ее отбрасывали, как теннисный мячик, оказалось, что не все игнорировали журналистку-новичка. И снова ее грудь сжалась от волнения, а в голове зазвенели тревожные колокольчики, сигнализируя о проблеме. О большой плохой проблеме с младенчески голубыми глазами и легендарно быстрыми руками.

Хорошо, что она не нравилась ему. И определенно ей ничего не нравилось в нем.

Ну, за исключением татуировки. Татушка рулила.

На следующий день, с утра, «Чинуки», облаченные в костюмы, галстуки и боевые шрамы, направились в аэропорт. Через полчаса полета в Даллас Люк ослабил галстук и распечатал колоду карт. Двое его товарищей по команде и тренер вратарей Дон Боклер присоединились к нему в покере. Игра в покер в длинных полетах была одним из тех моментов, когда Люк действительно чувствовал себя частью команды.

Сдав карты, он подглядел через проход «Би-эй-си 1-11» на тяжелые подошвы пары маленьких ботинок. Джейн подняла подлокотник между сиденьями и крепко спала. Она лежала на боку, и в кои-то веки ее волосы не были забраны в хвост. Мягкие каштановые завитки упали ей на щеку и на уголок полуоткрытых губ. Одна рука была прижата под подбородком.

— Думаете, мы были слишком грубыми с ней вчера?

Люк посмотрел на Бресслера, откинувшегося на спинку кресла.

— Нет, — покачал он головой, затем положил колоду на стол перед собой. Посмотрев на карты, он выложил две восьмерки. Парень, сидевший рядом с ним, Ник «Гризли» Гризелл, решил пропустить. — Она здесь не на своем месте, — добавил Люк. — Если Даффи собирался напустить на нас репортера, он мог бы, по крайней мере, выбрать кого-то, кто хоть что-нибудь знает о хоккее.

— Видели, как она покраснела вчера.

Они все посмеивались, пока оставшиеся игроки сбрасывали карты.

— Она увидела член Влада, — Бресслер бросил карты. — Один.

— Она видела кол Цепеша?

— Угу.

— Казалось, ее глаза выскочат из орбит, — Люк сдал Дону Боклеру две карты, взяв себе три. — Не думаю, что она когда-нибудь сможет прийти в себя, — заметил он. В команде было общеизвестно, что у Влада ужасный член. Единственный человек, который так не считал — это Влад, но все также знали, что русский нередко получал удары в голову.

Люк выложил три восьмерки, и Дон записал его победу.

— Как долго вы доставали ее звонками в номер? — спросил Люк.

— Около полуночи она, наконец, сняла трубку.

— В тот первый вечер я почувствовал себя немного неудобно, когда мы все вышли, а она осталась одна в баре в фойе, — признался Дон.

Все посмотрели на него, как будто он спятил. Последнее, чего хотели все игроки, это чтобы репортер — особенно женщина — слонялся вокруг, когда они расслаблялись и буянили. Будь это отдых в стрип-клубе или просто обсуждение команды-соперника в баре отеля — все должно было остаться внутри команды.

— Ну, — пошел Донни на попятный, сдавая карты, — ненавижу смотреть на женщину, сидящую в одиночестве.

— Это было так трогательно, — добавил Гризелл.

Люк посмотрел на свои карты и сделал ставку.

— Не говори мне, что ты тоже чувствовал себя неловко, Гризли.

— Проклятье, нет. Она должна убраться, — Гризелл бросил карты. — Я лучше выйду из игры.

— Не по карману ставки?

— Нет, я собираюсь расслабиться и почитать до конца полета, — все знали, что Гризли не читает то, в чем нет картинок. — Чтение совершенно необходимо.

— У тебя есть «Плейбой»? — спросил Дон.

— Я взял «Хим» вчера после игры, но не смог удержать его подальше от Урагана, — сказал он, имея в виду новичка Даниэля Холстрома. — Он учит английский, читая «Жизнь Медового пирожка».

Все смеялись, пока Дон записывал победу Бресслера. Многие из них были фанатами Медового пирожка, особенно живущие в Сиэтле. Они читали ее колонку каждый месяц, чтобы узнать, кого она затрахает до состояния комы и где оставит тело.

Люк убрал карты и посмотрел на мирно спящую Джейн. Несомненно, она была из тех женщин, которые хватались крепче за свои трусики, если видели парней, читающих порнушку.

Беседа вокруг него вернулась к вчерашней игре. Никто не был удовлетворен ничьей, особенно Люк. «Койоты» нанесли двадцать два удара в створ ворот, а он сделал двадцать один сейв. Не самая плохая ночь, но из всех ударов в прошлой игре именно тот единственный он бы хотел взять. Не потому что шайба влетела в сетку, но потому что этот гол был больше счастливой случайностью, чем искусным ударом. Хотя у Мартинò был чрезвычайно сильно развит бойцовский дух, и Люк ненавидел проигрывать, он больше не любил проигрывать из-за случайности, чем в соревновании мастерства.

Люк снова посмотрел через проход на женщину, спящую мертвым сном. Ее грудь поднималась и

опускалась, когда из приоткрытых губ вырывалось дыхание. Была ли вчерашняя ничья случайностью? Обычная потеря в сезоне? Возможно, но Люк слишком многое держал в голове в эти дни, а этот гол получился слишком простым. Не начала ли влиять его личная жизнь на игру? Он все еще ничего не услышал от своего агента, и ситуация с Мари оставалась неразрешенной.

Во сне Джейн откинула волосы с лица. Или так начинало действовать проклятие из-за женщины-репортера? Конечно, одна ничья не говорила о проклятье. Но если они проиграют в пятницу в Далласе, это может стать его началом.

Как будто прочитав мысли Люка, Бресслер сказал:

— Вы знаете, что присутствие женщины на пиратском корабле приносит несчастье?

Люк не знал этого, но то была истинная правда. Ничто не могло быстрее испортить жизнь мужчине, чем нежеланная женщина.

В пятницу «Чинуки» проиграли в напряженной борьбе со счетом четыре-три «Далласу». В субботу утром Люк, ожидая у входа в гостиницу автобус в Международный аэропорт Даллас/Форт-Уэрт, читал спортивный раздел в «Даллас Морнинг Ньюс».

Заголовок гласил: «„Чинуки“ разбрызгивали кровь и теряли кишки». И это очень хорошо отражало суть игры после того, как на первых секундах новичок «Чинуков» Даниэль Холстром получил удар шайбой в щеку. Шайба, ударившая Холстрома как камень, прилетела от клюшки игрока «Далласа». Холстрома вывели за пределы льда, и швед больше не вернулся. Самообладание улетучилось, и начались поиски отмщения. Кувалда сцепился с нападающим из «Далласа», схватив уингера в третьем периоде и ударив его перчаткой.

После этого все пошло наперекосяк, и хотя «Чинуки» выигрывали сражения в углах, они в итоге проиграли войну. Нападающие «Далласа» получали преимущество в каждой силовой схватке и обрушили на ворота Люка тридцать два удара.

Этим утром все говорили мало. Особенно после головомойки, которую им устроил тренер Найстром в раздевалке. Тренер закрыл дверь перед репортерами и продолжил сотрясать стены из шлакобетона своей громогласной тирадой. Но он не сказал ничего, чего они не заслужили. Они совершали глупые нарушения и поплатились за это.

Люк сложил газету и засунул ее под мышку. Он расстегнул свой пиджак, когда из вращающейся двери вышла мисс Олкотт. Техасское солнце окутывало ее ярким утренним светом, а легкий ветерок играл кончиками хвоста. Джейн надела черную юбку до колен, черный блейзер и водолазку.

Подошвы ее туфель были плоскими. Она несла свой большой портфель и стакан кофе. А также добавила оскорбительности своему виду, надев ужасные солнечные очки. Они были круглые и зеленые как муха. Черт бы его побрал, но ей нравилось выглядеть бесполо.

— Вчера была интересная игра, — мисс Олкотт поставила портфель на землю между ними и посмотрела Люку в лицо.

— Она вам понравилась?

— Как я сказала, она была интересной. Каков был девиз команды? Если не можешь побить их, избегай их?

— Что-то подобное, — ответил он со смешком. — Что такого особенного в этом черном и сером, которое вы все время носите?

Джейн оглядела себя.

— Я хорошо выгляжу в черном.

— Нет, милая, вы выглядите как Ангел скорби.

Она глотнула кофе и сказала с изысканной вежливостью, как будто он не затронул болезненное место:

— Я могу прожить остаток жизни без модных советов от Счастливого Люка.

Или, по крайней мере, она пыталась сказать это вежливо. Румянец на щеках и прищуренные глаза за этими ужасными очками выдавали ее.

— Хорошо, но... — Люк замолчал и покачал головой. Он смотрел на небо и ждал, когда Джейн проглотит наживку.

Ему не пришлось ждать долго.

— Я знаю, что пожалеею об этом, — вздохнула она, — но что?

— Ну, я просто подумал, что женщина, имеющая проблемы с тем, чтобы завлечь парня, могла бы иметь бóльший успех, если бы немного принарядилась. И не носила ужасные солнечные очки.

— Мои очки не ужасны, а моя одежда — не ваше дело, — сказала она, поднося стакан кофе к губам.

— Значит, только мои дела открыты для обсуждения? А ваши под запретом?

— Точно.

— Вы маленькая лицемерка.

— Да, подайте на меня в суд.

Он посмотрел ей в лицо и спросил:

— Как кофе?

— Отличный.

— Все еще предпочитаете черный?

Джейн украдкой взглянула на него и накрыла крышку ладонью:

— Да.

ГЛАВА 4

Супердубинка: удар соперника концом клюшки

Джейн чуть ли не испуганно озиралась по сторонам. Этим утром некоторые игроки «Чинуков» выглядели как жертвы железнодорожного крушения. Хоть и потрясенная, она была не в силах отвернуться. Джейн сидела недалеко от входа в салон самолета, через проход от заместителя главного менеджера Дарби Хоуга. «Даллас Морнинг Ньюс», открытая на спортивной странице, лежала у нее на коленях. Свою статью о случившемся прошлой ночью кровавом побоище она уже отослала, но ее интересовало, что об этом написали репортеры из Далласа. Вчера она вместе с другими спортивными журналистами находилась в помещении пресс-центра, ожидая своего шанса прорваться в раздевалку «Чинуков». Все пили кофе и колу, ели что-то наподобие энчилады, когда к ним наконец вышел тренер Найстром и сообщил, что никаких интервью после игры не будет.

Чтобы скрасить долгое ожидание, далласские журналисты травили анекдоты и рассказывали разные спортивные байки. Они также рассказали Джейн о том, кто из спортсменов делал им поблажки и всегда отвечал на их вопросы. А также поведали о тех, кто никогда не давал интервью. Люк Мартинò возглавлял список этих «высокомерных заноз в заднице».

Джейн сложила газету и убрала её в сумку. Возможно, далласские журналисты были милы, потому что не видели в ней угрозу и их не пугали женщины. Возможно, с ней обращались бы совсем по-другому, окажись они все вместе в раздевалке «Чинуков», сражаясь за право взять интервью. Джейн

этого не знала, и ее это не беспокоило. Ей было просто приятно обнаружить, что не все коллеги-мужчины возмущены ее присутствием. Она с облегчением узнала это и, когда писала в последней статье о своих впечатлениях, смогла отметить, что не все из изученных ею особей мужского пола рассматривали ее персону как оскорбление своего эго.

Она отослала уже две статьи в «Сиэтл Таймс». Но не услышала ни слова от своего редактора. Ни слова похвалы или критики, ничего, что можно было бы принять за добрый знак. И хотя Джейн видела, что газета с её первой статьей ходила по рукам игроков, те тоже никоим образом не высказывали свое мнение.

— Я прочел вашу первую статью, — сказал Дарби Хоуг, сидящий через проход. Джейн предположила, что ростом он был примерно сто шестьдесят восемь сантиметров. А в ковбойских сапогах — около ста семидесяти пяти. Оценив крой темно-синего костюма, Джейн предположила, что сшит тот был явно на заказ и стоил столько, сколько большинству обычных американцев удастся заработать за месяц. От геля волосы Дарби, цветом напоминавшие морковь, топорщились во все стороны, а кожа лица была даже блее, чем у самой Джейн. Хотя она знала, что ему двадцать восемь лет, выглядел он не старше семнадцати.

Его темно-карие глаза, опущенные густыми длинными темно-рыжими ресницами, светились умом и пронизательностью.

— Вы неплохо поработали, — добавил он.

— Спасибо.

Наконец хоть кто-то прокомментировал ее статью.

Хоуг перегнулся к Джейн через проход, чтобы поделиться своими соображениями на этот счет:

— Но в следующий раз вы могли бы упомянуть и о наших голевых моментах.

Дарби был самым молодым заместителем генерального менеджера в НХЛ, и Джейн читала в его биографии, что он является членом клуба «Менса». Она в этом и не сомневалась. Хотя Дарби изо всех сил старался перебороть сложившееся у окружающих мнение о нём как о «книжном черве», он все же еще не был готов отказаться от своего «стража кармана», засунутого в нагрудный кармашек его белоснежной льняной рубашки.

— Вот что я вам скажу, мистер Хоуг, — произнесла Джейн, улыбнувшись, как она надеялась, своей самой очаровательной улыбкой. — Я не буду говорить вам, как надо делать вашу работу, если вы не станете указывать мне, как делать мою.

— Это справедливо, — моргнув, ответил он.

— Я тоже так думаю.

Хоуг выпрямился и положил себе на колени кожаный портфель.

— Обычно вы сидите сзади вместе с игроками.

Джейн всегда выбирала задние ряды, потому что к тому времени, как она тут появлялась, первый ряд был оккупирован тренерами и менеджерским составом клуба.

— Ну... с некоторых пор я чувствую себя персоной нон грата, — призналась она. События прошлого вечера совершенно однозначно показали, как они все на самом деле к ней относятся.

— Случилось что-то, о чем мне следует знать? — Хоуг взглянул на неё.

Помимо надоедливых телефонных звонков вчера у двери своего номера Джейн нашла дохлую мышь. Трупик был такой ссохшийся, будто несчастный грызун умер несколько дней назад. Очевидно, кто-

то где-то нашел его и подбросил ей. Не столь символично, как отрубленная конская голова в постели, и все же Джейн не думала, что это совпадение. Но последнее, что ей сейчас было нужно, это убежденность команды в том, что она побежит жаловаться начальству.

— Ничего, с чем я бы не могла справиться самостоятельно.

— Поужинайте со мной сегодня, и мы сможем поговорить об этом.

Джейн посмотрела на него через проход. Пару мгновений она обдумывала, относился ли Дарби к тем надоедливим коротышкам, искренне убежденным в том, что она с радостью начнет с ними встречаться, раз уж и сама ростом не вышла. Её последний бойфренд был ростом сто семьдесят сантиметров и страдал самым махровым проявлением комплекса Наполеона, который столкнулся с её собственной разновидностью этой фобии. Последнее, в чем сейчас нуждалась Джейн, — это еще один коротышка, назначающий ей свидание. И особенно коротышка, входящий в менеджерский состав «Чинуков».

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему же?

— Потому, что не хочу, чтобы игроки решили, что мы с вами встречаемся.

— Я часто ужинаю со спортивными журналистами. Например, с Крисом Эвансом.

Это было совсем не одно и то же. Ни одна, даже самая пустяковая сплетня, не должна была коснуться её. Профессионализм... и более высокого уровня, чем у мужчин. Даже учитывая, что женщин допустили в раздевалку почти три десятилетия назад, спекуляции на тему того, что женщины-репортеры спят с источниками информации, по-прежнему оставались мотивом для споров. Джейн не думала, что вотум доверия и благожелательности к ней со стороны команды может пасть еще ниже, но она действительно не хотела выяснять это.

— Я просто подумал, что вам могло наскучить все время питаться в одиночку, — добавил Дарби.

О, да. Она устала есть одна. Устала смотреть на стены гостиничных номеров или внутреннюю обшивку салона частного самолета «Чинуков». Может, выбраться на люди было бы не так уж плохо?

— Деловой ужин?

— Абсолютно.

— Почему бы нам не встретиться в ресторане отеля? — предложила Джейн.

— Семь часов вам подойдет?

— В семь будет отлично, — она порылась во внешнем отделении портфеля и вытащила карту маршрута команды. — Итак, где мы остановимся сегодня вечером?

— «ЛЭКС Даблтри», — ответил Дарби. — Отель потряхивает всякий раз, когда один из этих аэробусов отрывается от земли.

— Превосходно.

— Добро пожаловать в чарующую жизнь спортсменов, — сказал ее собеседник, откинувшись назад. Джейн уже догадалась, что напряженный марафон из четырех игр можно было назвать только одним словом: изматывающий. Она пристально взгляделась в их маршрут, несмотря на то, что изучила его уже сто раз. Лос-Анжелес, затем Сан-Хосе. Они преодолели чуть больше половины пути, а она уже с нетерпением ждала, когда же сможет вернуться домой. Ей ужасно хотелось заснуть в собственной кровати, сесть за руль своей машины вместо поездок в автобусе и даже открывать дверцу собственного холодильника вместо гостиничных минибаров. Игрокам «Чинуков» предстояло

провести еще четыре бесконечных дня в дороге, прежде чем они вернутся в Сиэтл, где за восемь дней должны будут отыграть серию из четырех матчей. А потом снова Денвер и Миннесота. Еще больше отелей и одиноких трапез.

Пожалуй, обед с Дарби Хоугом был не такой уж плохой идеей. Он мог бы стать поучительным и разогнать монотонность её существования.

В семь часов Джейн вышла из лифта и направилась в ресторан «Фор сизонс». Волосы она решила оставить распущенными — они спускались ей на плечи легкими волнами — и надела черные брюки из тонкой шерсти и серый пуловер с немного расширившимися к запястьям рукавами и глубоким вырезом, оставлявшим открытой шею. До тех пор, пока Люк не ляпнул, что Джейн напоминает ему Ангела смерти, эти вещи ей очень даже нравились.

Но теперь она спрашивала себя, а не лежит ли в основе её навязчивой боязни дисгармонии цветов какая-то скрытая причина, которая заставляет ее предпочитать темные цвета в одежде? Была ли у нее депрессия, которую она сама не осознавала, как предположила Каролина? Какое-то невыявленное психическое расстройство? Неужели она и в самом деле выглядит Ангелом скорби? Или Каролина просто бредит, а Люк — высокомерная задница? Джейн больше нравился последний вариант.

Дарби поджидал её у входа в ресторан и выглядел совсем мальчишкой в брюках защитного цвета, гавайской рубашке с оранжево-красным рисунком и новой порцией геля в волосах. Их провели к столику у окна. Джейн заказала коктейль «Лемон Дроп Мартини», чтобы хоть на несколько часов прогнать усталость. Дарби попросил принести ему «Бекс», после чего у него попросили удостоверение личности.

— Что? Мне двадцать восемь, — пожаловался он.

Джейн рассмеялась и открыла меню.

— Люди еще подумают, что вы мой сын, — пошутила она.

Уголки губ Хоуга опустились.

— Вы выглядите моложе меня, — проворчал он, вытащил бумажник и протянул официанту удостоверение.

После того, как им принесли напитки, Джейн заказала лосося, а на гарнир дикий рис. Дарби остановил свой выбор на говядине с печеным картофелем.

— Как вам ваш номер? — спросил Хоуг.

Такой же, как и все другие.

— Вполне устраивает.

— Прекрасно. — Дарби отпил глоток пива. — Какие-нибудь проблемы с игроками?

— Нет. Они всеми силами пытаются избегать меня.

— Они не хотят, чтобы вы были здесь.

— Да, я в курсе, — Джейн пригубила мартини. Сахарная дорожка вдоль края бокала, безупречно выдержанная пропорция водки «Цитрон Абсолют» и ликера «Трипл Сек» и плавающий сверху тонкий ломтик лимона почти заставили ее вздохнуть, словно бывшего алкоголика. Но Джейн не беспокоила возможность превратиться в пьянчужку по двум причинам: ее похмелье протекало всегда настолько тяжело, что ей даже не приходило в голову задумываться о переходе в «профессиональную лигу». И, кроме того, стоило ей набраться, как её здравомыслие улетучивались вон. И зачастую вместе с трусиками.

Беседа Джейн и Дарби плавно свернула с хоккея на другие отвлеченные темы. Она узнала, что её собеседник закончил Гарвард в возрасте двадцати трех лет, получив диплом с отличием по специализации «магистр делового администрирования». Хоуг трижды упомянул о своём членстве в «Менса», о том, что владеет домиком площадью в пять тысяч квадратных футов на Мерсер Айленде, тридцатифутовой парусной яхтой и водит тёмно-вишневый «порше».

Вне всяких сомнений, Дарби был «гиком».

Не то чтобы это было так уж плохо. Помимо того, что мисс Олкотт была обманщицей, она иногда и сама чувствовала себя заикленной. Чтобы внести свою лепту в беседу, Джейн упомянула о своей степени бакалавра в журналистике и английском языке. Но Дарби это совсем не впечатлило.

Принесли горячее.

— А про меня вы тоже напишите в «Одинокой девчонке»? — отвлекся Дарби от намазывания маслом запеченного картофеля.

Джейн, которая в это время раскладывала на коленях салфетку, замерла. Большинство мужчин опасались прочитать о себе в ее колонке.

— Вы были бы против?

Его глаза заблестели.

— Черт, нет. — Он на секунду задумался: — Но это должно быть хорошо. В том смысле, что не хочу, чтобы потом все считали, что я «мистер-самый-плохой-ухажер».

— Не думаю, что смогу покривить душой, — соврала Джейн. Половина из написанного в ее колонке была выдумкой.

— Я бы не остался в долгу.

Если он хотел поторговаться, то меньшее, что она могла сделать, это выслушать его.

— Каким образом?

— Я мог бы сказать парням в команде, что, по-моему мнению, вы здесь не для того, чтобы писать о размерах их «Джонсонов» или о необычных сексуальных предпочтениях, — сказал Хоуг. И это немедленно заставило Джейн задаться вопросом: у кого конкретно были эти странный сексуальные предпочтения? Может, у Влада «Цепеша»? — И могу убедить их, что вы не спали с мистером Даффи, чтобы заполучить свой контракт.

Мисс Олкотт вскинула руку ко рту, когда ее челюсть упала от ужаса. Джейн была готова к тому, что в редакции новостей найдутся недалекие умы, считающие, что она спит с Леонардом Коллэвеем из-за того, что тот — главный редактор, а она — всего лишь женщина, пишущая глупые статейки о том, как трудно в одиночку устроиться в большом городе.

Джейн не была настоящим журналистом.

Но ей и в голову не приходило, что кто-то еще подумает, что она спала с Вирджилом Даффи. Боже милостивый, да этот мужчина настолько стар, что годится ей в дедушки. Конечно, у него была репутация престарелого донжуана — охотника за молоденькими женщинами. И в жизни Джейн было время, когда её моральные принципы пали столь низко, что она переспала кое с кем из мужчин, о которых теперь предпочитала не вспоминать, однако ни один из любовников не был старше её на целых сорок лет.

Дарби рассмеялся и насадил на вилку кусочек мяса.

— Судя по выражению вашего лица, эти слухи — неправда.

— Конечно, нет, — Джейн взяла бокал с мартини и одним махом прикончила его. Водка и «Трипл Сек» приятной согревающей волной прокатились по её пищеводу. — Я даже никогда не видела мистера Даффи до нашей первой встречи в раздевалке.

Ей стало так горько и обидно, что она подала знак официанту, чтобы тот принес еще одну порцию коктейля. Обычно Джейн терпеть не могла кричать: «Это несправедливо!». Она знала, что жизнь — вообще не справедливая штука, и жалобы на это сделают ее только еще хуже. Джейн Олкотт была из тех, кто своим жизненным кредо выбрал «наплюй-стисни-зубы-и-двигайся-дальше», но нынешняя ситуация и правда была вопиюще несправедливой, поскольку она ничего не могла в ней изменить. И даже если бы она подняла шумиху и стала все отрицать, то вряд ли ей кто-нибудь бы поверил.

— Если вы постараетесь и напишете обо мне, представив в самом выгодном свете, то я облегчу вам жизнь.

Джейн подхватила на вилку немного дикого риса и отправила его в рот.

— А что, у вас есть проблемы с поиском подружек? — Она шутила, но по яркому румянцу на скулах Хоуга можно было сказать, что эти слова задели его за живое.

— Когда девушки впервые видят меня, то думают, что я «ботаник».

— Хмм, я так не считаю, — соврала Джейн, рискуя испортить себе карму.

Но риск того стоил, так как Дарби довольно улыбнулся:

— Они никогда не дают мне шанса.

— Ну, может, если бы вы поменьше говорили о «Менса» и о своих ученых степенях, шансов бы прибавилось.

— Вы так думаете?

— Да. — Джейн уже наполовину управилась со своим лососем, когда ей принесли вторую порцию мартини.

— Возможно, вы могли бы дать мне пару советов.

Ну да, в этом она была докой.

— Возможно.

Хоуг, откусывая кусочек картофеля, буравил её пронизательным взглядом.

— Я не останусь в долгу, — повторил он.

— Они надоедают мне телефонными звонками. Заставьте их прекратиться.

Дарби не казался удивленным.

— Я посмотрю, что можно с этим сделать.

— Отлично, потому что это называется «преследованием».

— Смотрите на это лучше как на посвящение новичка.

Угу.

— Вчера под дверь моего номера подкинули дохлую мышь.

Он сделал глоток пива.

— Она сама могла туда приползти.

Ну конечно.

— Еще я хочу интервью с Люком Мартинд.

— Не вы одна. Люк — ужасно скрытный парень.

— Попросите его.

— Видите ли, я не тот человек, чтобы просить его о чем-либо. Я ему не нравлюсь.

Джейн пригубила свой «Лемон Дроп». Она Люку тоже не нравилась.

— Почему?

— Он знает, что я советовал не покупать его. И был действительно непреклонен в этом отношении. Вот это сюрприз.

— Почему?

— Ну, это не новость, что он получил травму, когда выступал за «Детройт». Я не уверен, что игрок его возраста может без последствий вернуться обратно в строй, перенеся сложнейшую хирургическую операцию на обоих коленных суставах. Когда-то Мартинò был хорош, возможно, даже был одним из лучших, но одиннадцать миллионов в год — слишком большая сумма, чтобы ставить ее на тридцатидвухлетнего мужчину с травмированными коленями. Из-за этого контракта мы потеряли многообещающего новичка-защитника с точным и мощным броском и отличную пару крайних нападающих. Поэтому команда осталась с более слабыми полевыми игроками. Я не уверен, что Мартинò стоит этого.

— Он проводит отличный сезон, — заметила Джейн.

— Пока. Что случится, если он снова получит травму? Нельзя строить всю игру вокруг одного игрока.

Джейн не очень много знала о хоккее и задумалась, а не был ли Хоуг прав. Была ли команда построена вокруг своего элитного голкипера? А Люк, казавшийся таким невозмутимым и спокойным, чувствовал ли он это огромное давление из-за возложенных на него ожиданий?

Из телефонного разговора с возмущенной миссис Джексон Люк узнал, что Мари не была в школе со времени его отъезда из Сиэтла. Миссис Джексон сказала ему, что ежедневно отвозит Мари в школу, и девочка входит в здание. Также он узнал, что потом сестра выходит через заднюю дверь.

Когда он спросил Мари, где она проводит свое время, та ответила:

— В торговом центре.

Когда он поинтересовался, почему, она сказала:

— В школе все ненавидят меня. У меня нет друзей. Они все идиоты.

— Ну, перестань, — сказал Люк, — ты заведешь друзей, и все будет хорошо.

Она начала плакать, и, как всегда, он почувствовал себя плохим, совершенно никудышным братом.

— Люк, я хочу домой и ужасно скучаю по маме.

Закончив разговор с Мари и миссис Джексон, он перезвонил своему личному агенту Хоуи Стиллеру и попросил, чтобы ко вторнику, когда он вернется домой, его уже ждали несколько буклетов частных школ, доставленных с «Федэкс».

Теперь фортепианная музыка долетела до лобби-бара, в углу которого сидел Люк. Он поднес ко рту бутылку «Молсона» и сделал большой глоток. Для Мари возвращение домой — не вариант. Теперь ее дом там, где он, ее брат, но ей, очевидно, не нравилось жить с ним.

Люк поставил бутылку обратно на стол и расслабился в кресле, откинувшись на подголовник. Он должен поговорить с Мари о школе-интернате, но что она ему на это ответит, Люк даже представить себе не мог. Он не был уверен, что его идея придется ей по душе, или, что девочка сумеет оценить всю разумность и ощутимые выгоды принятого им решения. Он лишь надеялся, что сестра не закатит ему истерику.

В день похорон матери она рыдала и билась в истерике, а Люк не знал, как ей помочь. Он неловко обнимал Мари и говорил, что всегда будет заботиться о ней. И так он и делал: следил, чтобы у нее всегда было все, что нужно, но оказался лишь жалкой заменой ее матери.

Как его жизнь могла настолько усложниться? Люк потер лицо руками, а когда опустил их, увидел, что к нему направляется Джейн Олкотт.

Надеяться на то, что она просто пройдет мимо, было бы с его стороны чересчур наивно.

— Ждете друга? — спросила журналистка, остановившись рядом со стулом, стоящим напротив него.

Ждал, но только что позвонил и всё отменил. После разговора с Мари ему не хотелось оставаться с кем-то один на один. Люк подумывал о том, чтобы присоединиться к парням из команды в спорт-баре в центре города. Он взял бутылку и, делая глоток, взглянул на мисс Джейн Олкотт поверх горлышка. Он смотрел на нее, она смотрела на него. Люк спросил себя, предполагала ли журналистка — и если «да», то сильно ошибалась — что из-за того, что у него была зависимость от обезболивающих, он стал еще и алкоголиком. В его случае одно никак не было связано с другим.

— Нет. Просто сижу здесь в одиночестве, — ответил Счастличик, опустив бутылку. Сегодня что-то изменилось в Джейн: несмотря на темную одежду, она выглядела мягче, не такой напряженной.

Довольно привлекательной. Ее волосы, обычно туго стянутые в хвост, буйными локонами спадали на плечи. Зеленые глаза блестели, как влажная листва, нижняя губа казалась полнее, а уголки рта — приподняты вверх.

— А у меня только что закончился деловой ужин с Дарби Хоугом, — просветила его Джейн, будто он её о чем-то спрашивал.

— Где?

Не в его ли номере? Это бы объяснило и прическу, и глаза, и улыбку. Хотя Люк никогда бы не подумал, что Дарби знает, что делать с женщиной, не говоря уж о том, чтобы оставить это нежное выражение на ее лице. И он никогда бы не поверил, что Джейн Олкотт — этот маленький черный Ангел скорби и печали — может выглядеть такой теплой и сексуальной. Черт.

— В ресторане отеля, конечно, — улыбка Джейн увяла. — А вы где думали?

— В ресторане отеля, — соврал Люк.

Но Джейн на это не купилась, и, насколько он смог узнать её за это короткое время, она ему этого просто так не спустит.

— Не говорите мне, что вы один из тех, кто думает, будто я переспала с Вирджилом Даффи, чтобы получить эту работу.

— Нет, не из них, — снова соврал Люк. Их всех интересовал этот вопрос, но ему было неизвестно, кто из парней действительно в это верил.

— Замечательно! А теперь я сплю с Дарби Хоугом.

— Это не мое дело, — Мартинò поднял руку.

Как только стихли последние звуки фортепиано, Джейн скользнула на стул напротив Счастличика и выдохнула. Черт, это слишком за минуту покоя.

— Почему женщины должны мириться с этим дерьмом? — спросила она. — Будь я мужиком, никому бы и в голову не пришло обвинять меня в том, что продвижение по службе я получаю через постель. И будь я мужчиной, ни у кого и мысли бы не возникло, что ради получения горячего материала для статьи я сплю со своими информаторами. Меня бы лишь одобрительно похлопывали

по плечу, да поздравляли, типа «дай пять», говоря... — Джейн прервала свою гневную тираду ровно настолько, чтобы насупить брови и понизить тембр голоса: — «Отличное журналистское расследование. Ты настоящий мужик. Жеребец!» — Она провела пальцами по волосам, отбросив их с лица. Рукава пуловера немного съехали вниз, обнажив тонкие голубые вены на ее узком запястье, а ткань натянулась на маленькой груди. — Никто не обвинял вас в том, что вы спали с Вирджилом, чтобы получить вашу работу.

— Это потому, что я — жеребец, — Люк поднял взгляд к ее лицу.

У каждого из них был свой крест, а под конец сегодняшнего дня у него не осталось сил на проявление притворного сочувствия и понимания. У Люка Мартинò не было ни времени, ни энергии, ни желания беспокоиться по поводу журналистки-зануды. У него имелись свои проклятые проблемы, и Джейн Олкотт была одной из них.

Джейн посмотрела на Люка и скрестила руки на груди. Свет над головой, высвечивая светлые пряди в коротко стриженных волосах Счастливики, падал на широкие плечи, обтянутые голубой хлопковой рубашкой, цвет которой подчеркивал небесную синеву его глаз. После двух мартини, выпитых Джейн за ужином, все было окружено милым веселым сиянием. Ну, или так было до тех пор, пока Люк не намекнул, что она переспала с Хоугом.

— Если бы у меня был член, — сказала она, — никто бы и не подумал, что я могла заниматься сексом с Дарби.

— Не будьте так в этом уверены. Мы вот еще не определились насчет сексуальной ориентации нашего маленького проныры.

Люк взял со стола бутылку пива, и в груди у Джейн что-то чуть сжалось: он оставил незастегнутыми две верхние пуговицы рубашки, и мягкий материал распахнулся на его груди. Обнажая ключицы, шею и верхнюю часть мускулистых плеч.

Она могла бы просветить Люка на этот счет, но не собиралась утруждать себя рассказом о том, что Дарби хотел получить советы об отношениях с девушками в обмен на ужин.

— Как ваши колени? — спросила она, положив руки на стол.

Люк поднес «Молсон» ко рту и ответил:

— На все сто.

— Совсем не болят?

Он опустил бутылку и слизнул каплю пива с нижней губы.

— Что? Неужели не знаете? А я-то думал, что копать в моем прошлом — это ваше жизненное призвание.

Его заносчивость была возмутительна, но слова — весьма недалеко от правды. По каким-то причинам, которых Джейн и сама не понимала, Люк интересовал ее больше, чем любой другой игрок «Чинуков».

— Вы действительно считаете, что у меня не найдется занятия получше, чем тратить своё время, думая о вас? Откапывая маленькие секреты среди добра Люка Мартинò?

Тонкие морщинки появились в уголках его глаз, и он рассмеялся:

— Милая, среди добра Люка Мартинò нет ничего маленького.

Джейн, которая писала в колонке «Одинокая девчонка», бросила бы ему в ответ изысканное язвительное замечание и ошеломила бы своим умом. Медовый пирожок взяла бы его за руку и

утащила в прачечную. Расстегнула бы оставшиеся пуговицы на его рубашке и припала губами к его теплой груди. Глубоко вдохнув аромат его кожи, она бы прижалась к его горячему твердому телу. Она бы сама убедилась, сказал ли он правду о своем добре. Но Джейн не была ни одной из этих женщин. Настоящая Джейн была слишком закомплексованной и застенчивой. И она ненавидела то, что мужчина, от которого у нее перехватывало дыхание, был тем самым человеком, который посмотрел на нее и счел непригодной.

— Джейн?

Она моргнула:

— Что?

Счастливчик перегнулся к ней через стол и кончиками длинных пальцев провел по её руке:

— Вы в порядке?

— Да! — Это было легчайшее прикосновение, может быть, даже не совсем прикосновение, но она почувствовала, как от него начинает покалывать ладонь и запястье, и вскочила так быстро, что стол закачался: — Нет! Я иду в свой номер.

Смесь из алкоголя, обжигающей сексуальности Люка и усталости от прошедших пяти дней плескалась у нее в голове, пока Джейн оглядывалась в поисках лифта. Пару секунд она не могла сориентироваться. Три отеля за пять дней. И вдруг она не смогла вспомнить, где находятся лифты, но, посмотрев в направлении регистрационной стойки, заметила их справа. Ни слова не говоря, Джейн вышла из лобби-бара. Как же это некстати, сказала она себе, пересекая холл отеля. Люк был таким большим и откровенно мужественным, что ее кожу покалывало, мозг отключился, а щеки покраснели. Она остановилась перед дверями лифта. Ну почему именно он? Он ей даже не нравился. Да, он интриговал её, но испытывать к нему симпатию — это совсем другое.

Люк протянул руку из-за ее спины и нажал кнопку вызова.

— Наверх? — раздался его голос рядом с ухом Джейн.

— О! Да, спасибо. — Она спросила себя, как долго стояла тут, бессмысленно пялясь на закрытые двери лифта, прежде чем до неё дошло, что она не нажала кнопку.

— Вы пили?

— А что?

— От вас разит водкой.

— Я выпила парочку мартини за ужином.

— А-а-а, — сказал Счастливчик, когда двери открылись, и они вошли в пустую кабину. — Какой этаж?

— Третий. — Джейн посмотрела на носки своих ботинок, затем перевела взгляд на его серо-голубые кроссовки. Как только двери лифта закрылись, Люк прислонился спиной к задней стенке кабины и скрестил ноги. Края штанин его «Левисов» касались белоснежных шнурков. Джейн поднимала взгляд вверх по его длинным ногам, бедрам, выпуклости его ширинки и пуговицам рубашки — к его лицу. В тесной кабине лифта он внимательно изучал ее своими голубыми глазами.

— Мне нравится, когда ваши волосы распущены.

— Ненавижу свои волосы, — Джейн заправила одну прядь за ухо. — Никак не могу с ними управиться, все время лезут мне в лицо.

— Они не так уж плохи.

Не так уж плохи? Если это и был комплимент, то из той же категории, что «у тебя не очень толстая задница». Тогда почему покалывание с запястья переключалось в её живот? Двери лифта открылись, давая ей спасительную возможность не отвечать. Она вышла первой, Люк последовал за ней.

— Какой у вас номер?

— Три-двадцать пять. А у вас?

— Я — на пятом этаже.

Джейн остановилась:

— Вы не там вышли?

— Вовсе нет, — Люк взял её под локоть своей большой рукой и повел по коридору. Сквозь ткань пуловера ощущалось тепло его ладони. — Когда вы в баре поднялись из-за столика, мне показалось, что вы и шагу не пройдёте, как навернётесь.

— Я выпила не так уж много! — Джейн бы снова остановилась, если бы он не продолжал тащить её по желто-голубой ковровой дорожке. — Вы провожаете меня в комнату?

— Ага.

Она подумала о том первом утре, когда он нес её портфель, а потом заявил, что не пытается быть милым.

— Но на сей-то раз вы пытаетесь быть милым?

— Нет, через некоторое время у меня встреча с парнями, и я не желаю думать о том, дошли вы до комнаты или вырубались по дороге.

— Это испортило бы вам всё веселье?

— Нет, но на пару секунд это могло бы отвлечь мое внимание от Кэнди Пикс с её зажигательным номером чирлидера. Кэнди так трудилась над этими помпонами, что с моей стороны было бы настоящим свинством не уделить ей всего моего внимания.

— Стриптизерша?

— Им больше нравится называть себя танцовщицами.

— А-а-а.

— Вы собираетесь напечатать это в газете? — Люк сжал ей руку.

— Нет, ваша личная жизнь мне не интересна. — Джейн вытащила из кармана свою электронную карту-ключ. Люк отобрал её и открыл дверь прежде, чем его спутница смогла возразить.

— Отлично, потому что я вешал вам лапшу на уши. На самом деле, я встречаюсь с парнями в спорт-баре неподалеку.

Она рассматривала тени на его лице, создаваемые сумраком в комнате. И не знала, чему верить.

— К чему вся эта чушь?

— Чтобы увидеть эту крохотную морщинку между вашими бровями.

Когда Люк вернул ей карту-ключ, Джейн покачала головой.

— Увидимся, Айс, — сказал он и отвернулся.

Джейн смотрела на его затылок и широкие плечи, пока он удалялся от неё по коридору.

— До завтрашнего вечера, Мартинё.

Он остановился и оглянулся на неё через плечо:

— Вы все еще намерены зайти в раздевалку?

— Конечно. Я ведь спортивный журналист, и это часть моей работы, как если бы я была мужчиной.

— Но вы не мужчина.

— Я ожидаю, что ко мне будут относиться как к мужчине.

— Тогда примите мой совет и не опускайте глаза, — сказал Люк, снова отвернувшись и удаляясь от нее. — В этом случае вы не будете краснеть и ронять челюсть на пол, как и положено женщине.

Следующим вечером Джейн сидела на местах для представителей прессы и наблюдала, как «Чинуки» сражаются против «Лос-Анджелес Кингз». «Чинуки» были сильнее и, как показывало табло, за первые два периода забили три гола. Казалось, что Люк сможет провести свой шестой «сухой» матч в сезоне, как посланная по причудливой траектории шайба, срикошетив от перчатки защитника Джека Линча, влетела в сетку позади Мартинò. В конце третьего периода счет был 3:1, и Джейн, наконец, вздохнула с облегчением. «Чинуки» победили. Она не принесла им неудачу.

По крайней мере, сегодня. У неё будет работа, когда она проснется завтра утром.

Джейн со всеми яркими подробностями вспомнила, как в первый раз зашла в раздевалку «Чинуков», и ее желудок скрутило в огромный узел, когда она открывала дверь. Остальные журналисты уже были здесь, расспрашивая капитана команды Марка Бресслера, который стоял перед своим шкафчиком и отвечал на их вопросы.

— Мы хорошо сыграли под конец, — говорил капитан, стягивая свитер через голову. — Мы чаще играли в большинстве и загнали шайбу в сетку. Сегодня вечером лед был мягким, но мы не позволили этому обстоятельству повлиять на игру. Мы вышли, зная, что нужно делать, и мы сделали это.

Не отводя взгляда от его лица, Джейн нащупала в сумочке диктофон и поднесла к глазам заметки, которые делала во время всего матча.

— Ваша защита допустила тридцать два голевых момента, — сумела вклиниться она между другими вопросами. — «Чинуки» собираются купить защитника-ветерана до окончания сроков продаж девятнадцатого марта? — Если бы ей задали этот вопрос, она бы посчитала его действительно блестящим. Заданным человеком суперосведомленным и более чем информированным.

Марк увидел ее среди других репортеров и сказал:

— На этот вопрос вам может ответить лишь тренер Найстром.

Вот вам и блестящий вопрос.

— Сегодня вечером вы забили триста девяносто восьмой гол в своей карьере. Каково это? — спросила Джейн. Она знала о голе лишь по той причине, что услышала, как об этом говорят телевизионные комментаторы на местах для прессы, но полагала, что небольшая лесть поможет разговорить капитана.

— Отлично.

Вот и весь разговор.

Она повернулась и направилась по проходу из высоченных мужчин в сторону Ника Гризелла, форварда, забившего первый гол. Длинные шорты падали и застежки щелкали именно в тот момент, когда Джейн проходила мимо. Она не опускала глаза и смотрела вперед, включив диктофон, чтобы записать вопросы, задаваемые другими журналистами. Ее редактор в «Таймс» не узнал бы, что не она задавала эти вопросы. Но она знала об этом, так же как и игроки.

Гризелл лишь неделю назад вернулся из списка травмированных игроков, и Джейн спросила его:

— Каково это — вернуться в игру и забить свой первый гол?

Гризли посмотрел на нее через плечо и снял свою раковину:

— Нормально.

Джейн почувствовала, что с нее достаточно этого дерьма.

— Отлично, — сказала она. — Я процитирую вас.

Потом посмотрела на шкафчик в нескольких футах от себя и увидела смеющегося Люка Мартинò.

Она не могла подойти и спросить, над чем он смеется. Она просто не хотела этого знать.

ГЛАВА 5

«Яичница-болтунья»: когда шайба попадает голкиперу между ног

Джейн откинулась на спинку кресла, надела очки и устала в компьютер, стоявший на откидном столике. Она читала то, что успела написать:

Сиэтл ставит шах и мат «Королям»

«Сиэтлские Чинуки» успешно противостояли хоккеистам Лос-Анджелеса все шесть раз, что те играли в большинстве, а голкипер Люк Мартинò отразил двадцать три голевых удара. Команда победила «Лос-Анджелес Кингз» со счетом 3–1. «Королям» удалось забить свой единственный гол на последних секундах матча, когда по нелепой случайности шайба отскочила от перчатки игрока «Чинуков» Джека Линча и влетела в сетку ворот.

На льду «Чинуки» ведут скоростную, бесстрашную игру, раздражая противника мастерством и грубой силой.

В раздевалке, похоже, им нравится раздражать журналистов, снимая перед ними свои штаны. И мне знаком по крайней мере один репортер, который был бы не прочь насрать на них все кары небесные. Вновь склонившись к компьютеру, Джейн удалила последний абзац. Прошло всего шесть дней, напомнила она себе. Хоккеисты были людьми мнительными и суеверными. Они чувствовали, что их насильно заставляют принять ее, и были правы. Теперь для них пришло время привыкнуть к ее присутствию, чтобы она все-таки могла делать свою работу.

Джейн взглянула на игроков, похрапывающих в самолете. Как же ей завоевать их доверие и уважение, если они с ней не разговаривают? Как разрубить этот гордиев узел, чтобы ее работа и жизнь стали легче?

На этот вопрос ответ дал Дарби Хоуг. Вечером, когда они прибыли в Сан-Хосе, он позвонил Джейн в номер и сообщил, что часть игроков решила отправиться в бар в центре города.

— Почему бы и вам не пойти? — предложил он.

— С вами?

— Ну да. И, может быть, надеть что-нибудь более девчачье, чтобы игроки могли забыть, что вы журналистка.

Джейн не взяла в поездку ничего девчачьего, и даже если бы у неё и было нечто подобное, она не хотела, чтобы игроки считали ее изнеженной дамочкой. Ей нужно было, чтобы они знали, что она уважает их и их личную жизнь, но в то же время и они должны были уважать ее также, как любого другого профессионального журналиста.

— Дайте мне пятнадцать минут, и встретимся в холле отеля, — сказала она, решив, что проведение совместного досуга с игроками скорее пойдет ей на пользу, чем во вред.

Джейн надела шерстяные брюки-стрейч, отделанные спереди двумя рядами пуговиц на морской манер, свитер-двойку из мериносовой шерсти и ботинки. Все черное. Ей нравился черный.

Она зашла в ванную и собрала волосы на затылке. Джейн не любила, когда они падали ей на лицо, и ей не хотелось, чтобы Люк вообразил, будто его мнение имеет для неё значение. Она взглянула в зеркало и опустила руку. Волосы упали на плечи тяжелыми тёмными блестящими волнами. Люк проводил её до номера. Он подумал, что она больна или пьяна, и проводил ее, чтобы удостовериться, что она благополучно добралась до своей комнаты. Этот неожиданно добрый поступок с его стороны тронул её больше, чем ей того бы хотелось. Особенно потому, что он пошел с ней вместо того, чтобы развлекаться в стрип-баре. Или вешать ей лапшу на уши. Этот ничего не значащий поступок запал в душу и согрел сердце, не важно, хотела Джейн быть согретой или нет. А она не хотела.

Даже будь она настолько глупа, чтобы влюбиться в такого мужчину, как Люк, со всеми вытекающими отсюда эмоциональными и профессиональными осложнениями, сам Счастливчик никогда бы не влюбился в женщину, подобную ей. И не потому, что Джейн считала себя недостаточно привлекательной или интересной. Она так не считала. Просто была реалисткой. У Кена была его Барби. Брэд женился на Дженнифер, а Мик встречался с супермоделями. Такова жизнь. Настоящая жизнь. А Джейн никогда не замечала за собой склонности к душевному мазохизму. И у неё не было ни малейшего желания быть отброшенной в сторону, стоило только любовной связи изжить себя. Она всегда предпочитала уходить первой. Это причиняло меньше боли. Может, Каролина была права? Поразмышляв об этом с минуту, Джейн покачала головой. Каролина слишком увлекалась доктором Филом.

Джейн снова взяла щетку и забрала волосы назад, нарисовала губы «Чап стик», схватила сумочку и спустилась в холл к ожидающему её Хоугу. Увидев его, она едва удержалась, чтобы не убежать. Джейн знала, что и сама не является богиней моды, но и не пыталась стать таковой. С другой стороны, Дарби не был богом моды, но явно всеми силами стремился попасть на модный Олимп. Вот только результат был плачевен.

Этим вечером на Дарби были черные кожаные штаны и шелковая рубашка с рисунком из ярко-красных языков пламени и пурпурных черепов. Кожаные штаны на любом мужчине, за исключением Ленни Кравица, казались огромной ошибкой, но Джейн сомневалась, что даже Ленни мог бы добиться успеха в такой рубашке. Глядя на Хоуга, мисс Джейн Олкотт начала понимать, почему у «Чинуков» существовали определенные сомнения насчет сексуальной ориентации Дарби.

Они взяли такси от отеля до «Кореша» — небольшого бара, расположенного на выезде из центральной части города. Солнце только что уступило место ночи и ветру, принесшему мелкий дождик и пыль. Когда они с Дарби выходили из такси, ночной прохладный бриз коснулся щек Джейн. Обшарпанная надпись над входом гласила: «Только у нас лучшие ребрышки». Джейн чуть не споткнулась на неровном тротуаре и удивилась, почему «Чинуки» выбрали такую забегаловку.

Внутри бара по углам висело несколько телевизоров, а на стене за барной стойкой мигала огнями красно-синяя реклама пива «Будвайзер». Рождественская гирлянда до сих пор обвивала раму зеркала. Воздух был пропитан сигаретным дымом, винными парами, соусом барбекю и ароматами жареного мяса. Если бы Джейн заранее не поужинала, то её желудок заурчал бы.

Она понимала, что, явившись сюда на пару с Дарби, рисковала еще больше подогреть слухи насчет того, что они с ним были любовниками, но также полагала, что помешать этому не в её силах. И мучилась вопросом, что хуже: прослыть любовницей парня, одевавшегося точно сутенер, или

очередной «игрушкой» Вирджила Даффи, по возрасту годившегося ей в дедушки.

Пинбольные автоматы гудели и вспыхивали огнями, и Джейн узнала двоих хоккеистов, игравших в настольный хоккей в углу. Человек пять «чинуков» сидели у барной стойки и следили за тем, как «Нью-Йорк Рейнджерс» сражаются с «Нью-Джерси Девилз». Еще шестеро устроились за столом: с пивными кружками, пустыми салатницами и кучей обглоданных ребрышек подходящего для Фреда Флинстоуна размера.

— Привет, парни! — окликнул игроков Дарби. Заслышав его голос, все повернулись к Джейн с Хоугом. Хоккеисты выглядели как пещерные люди, объевшиеся мамонтом: все сытые, довольные и вялые. Но они, казалось, были не очень рады Дарби. И еще меньше рады ей.

— Нам с Джейн захотелось выпить пива, — продолжил Дарби, будто ничего не заметив, затем выдвинул стул для Джейн, и та села рядом с Брюсом Фишем, напротив новичка с блондинистым ирокезом. Менеджер команды уселся во главе стола, по левую сторону от Джейн. Каким-то образом красные языки пламени и пурпурные черепа на рубашке Хоуга в тусклом свете стали выглядеть более мирно.

Подошедшая официантка в обтягивающей футболке с логотипом «Кореша» положила на стол две бумажные салфетки и спросила у Дарби, что тот будет заказывать. Стоило ему произнести слово «Корона», как с него тут же требовали удостоверение личности. Вытаскивая водительские права, он хмурил рыжие брови.

— Это подделка, — выкрикнул кто-то с другого конца стола. — Ему только двенадцать.

— Я старше тебя, Пелузо, — пробурчал Дарби, впихивая свои права обратно в бумажник.

Официантка перевела взгляд на Джейн.

— Спорим, она закажет «маргариту», — криво ухмыльнувшись, заявил Фиш.

— Или одну из этих винных «шипучек», — прибавил кто-то еще.

— Что-нибудь фруктовое.

Джейн взглянула на находящееся в тени лицо официантки:

— У вас есть джин «Бомбей Сапфир»?

— Уверена, что найдется.

— Превосходно. Тогда мне «Грязный мартини» с тремя оливками, пожалуйста, — и, оглядев ошарашенные лица вокруг себя, улыбнулась: — Девушкам нужно регулярно восполнять суточную потребность организма в зеленых овощах.

Брюс Фиш рассмеялся:

— Может, вам заказать «Кровавую Мэри» с сельдереем?

Джейн поморщилась и помотала головой:

— Не люблю томатный сок.

Она взглянула на сидящего напротив Даниэля Холстрома. Огни от бара отбрасывали красноватые блики на его бледно-золотистый ирокез. Джейн задумалась, отпраздновал ли парнишка свой двадцать первый день рождения: она в этом сильно сомневалась.

Подошли еще две официантки в фирменных футболках «Кореша» убрать грязную посуду и протереть столешницу. Джейн ожидала, что парни станут заигрывать с ними или выдадут пару скабрезных предложений — спортсмены были печально известны грубым отношением к женщинам — но хоккеисты не сказали ничего, кроме вежливых «спасибо». Разговоры ни о чем текли вокруг

Джейн, не затрагивая ничего более важного или насущного, чем последний увиденный ими фильм или капризы погоды. Джейн спросила себя, может, хоккеисты решили надоесть ей до смерти? Она подозревала, что так все и было, и могла честно сказать, что самым интересным из всего происходившего оказались разноцветные вспышки света на черепе Даниэля.

Брюс, должно быть заметив бросаемые ею взгляды на голову шведа, спросил:

— Что вы думаете о причёске Урагана?

Джейн отметила, что румянец, заливший щеки Даниэля, сочетается с розоватым оттенком его волос.

— Мне нравятся мужчины, уверенные в собственной мужественности настолько, что могут позволить себе быть оригинальными.

— У него просто не было выбора, — пояснил Дарби, когда принесли его пиво и мартини Джейн. — Он в команде первый год и, как любой новичок, должен был пройти посвящение. — Ураган кивнул, будто это было чем-то само собой разумеющимся. — В мой первый год, — продолжил Дарби, — мне в машину вытряхнули мешки с грязным бельем.

Парни за столом раскатисто засмеялись.

— Я провел свой первый сезон с «Рейнджерами», они обрили мне голову, а мою раковину засунули в генератор льда, — признался Питер Пелузо.

Брюс со свистом втянул воздух, и Джейн подозревала, что он мог бы защитным жестом прикрыть ладонью пах, не сиди она рядом.

— Сурово, — сказал он. — А вот я первый сезон провел в Торонто, и меня много раз выкидывали на улицу в одном нижнем белье. А там было холоднее, чем в заднице у землекопа, — в подтверждение своих слов Брюс зябко передернул плечами.

— Не хило! — сказала Джейн и отпила глоток мартини. — Теперь я чувствую себя счастливицей, потому что вы, ребятки, просто подкинули мне дохлую мышь и названивали всю ночь...

Несколько пар виноватых глаз уставились на неё, а затем все отвели взгляд.

— Как поживает Тэйлор Ли? — спросила Джейн Рыбку, решив позволить им сорваться с крючка. На первый раз. Как она и подозревала, они так и сделали: Брюс разразился рассказом о самых недавних достижениях дочери, которые начинались с приучения к горшку и заканчивались пересказом телефонного разговора, состоявшегося у него с двухлетней малышкой этим вечером.

После того как Джейн встретила Брюса в первое утро, она немного почитала о нем и обнаружила, что тот находился в процессе по-настоящему грязного развода, и это ее совсем не удивило. Теперь, разделив с «Чинуками» небольшой кусочек их жизни, она представляла, насколько трудно сохранить семью, когда они проводят в разъездах столько времени. Особенно учитывая хоккейных фанатов, ошивающихся в лобби-барах.

Поначалу Джейн их не замечала, но ей не понадобилось много времени, чтобы сообразить, кто они такие, и теперь она легко выделяла их из толпы: девицы носили тесные платья, выставляя тела напоказ, и у всех имелось то же самое выражение в глазах, что бывает у акул-людоедов.

— Никто не хочет перекинуться в дартс? — спросил Роб Саттер, приблизившись к их столу.

Прежде чем хоть кто-то успел открыть рот, Джейн была на ногах.

— Я хочу, — ответила она, и по сердитому выражению на лице Кувалды стало очевидно, что он имел в виду кого угодно, только не ее.

— Но даже не надейтесь, что я позволю себя обыграть, — сказал он.

Умение метать дротики помогло Джейн завоевать уважение в колледже. Она не ожидала, что кто-то позволит ей выиграть, но, взяв свой мартини, сделала большие глаза:

— Разве вы не собираетесь пойти на небольшие уступки, потому что я девушка?

— Я не поддаюсь девчонкам.

Взяв свободной рукой дополнительный комплект дротиков, Джейн прошла через зал. Её макушка не доставала Робу даже до плеча. Кувалда еще не знал этого, но «девчонка» собиралась надрать ему задницу. И он это полностью заслужил.

— Вы, по крайней мере, расскажете мне о правилах?

Роб быстро объяснил ей, как играть в «501», хотя Джейн, разумеется, это уже знала. Но она задавала ему такие вопросы, как будто играет впервые, и Саттер оказался достаточно великодушным, чтобы позволить ей начать первой.

— Спасибо, — сказала Джейн, поставив бокал с мартини на соседний столик, и заняла свое место у линии вброса. Прибитая к стене в чуть более чем двух метрах мишень была освещена сверху. Джейн покатала между пальцами дешевый дротик, прикидывая его вес. Она предпочитала дротики из 98 %-ного вольфрама с алюминиевым хвостовиком и жестким оперением «Рибтекс». Как в том наборе, что имелся у нее. Разница между латунным дротиком, который Джейн сейчас держала в руке, и теми, что остались дома, покоясь в изготовленном на заказ футляре, была примерно как между «Фордом таурус» и «феррари».

Неуверенно держа дротик, журналистка наклонилась вперед, взглянула на хвостовик, будто примериваясь к цели, и, в последнюю секунду перед броском, остановилась:

— Разве вы, ребята, обычно не делаете ставки или что-то такое?

— Да, но мне не хочется обирать вас, — Кувалда взглянул на нее и улыбнулся, будто придумал что-то по-настоящему забавное. — Но мы могли бы сыграть на выпивку. Кто проиграет, тот ставит для всех пиво.

— О! Хмм, — Джейн умудрилась изобразить беспокойство. — Но у меня с собой только пятьдесят баксов. Как считаете, этого хватит?

— Этого будет вполне достаточно, — ответил Саттер, с высокомерием мужчины, уверенного в собственном успехе. И в следующие полчаса Джейн позволяла ему думать, что он победит.

Несколько других хоккеистов собрались вокруг, чтобы посмотреть и почесать языками, но когда разрыв между соперниками составил двести очков, и Роб начал её жалеть, Джейн принялась за дело и побила его за четыре подхода к мишени. Дартс был серьезным занятием, и она получила настоящее удовольствие, разгромив Кувалду.

— Где вы научились так играть? — спросил тот.

— Новичкам везёт, — отшутилась Джейн, допивая свой мартини. — Кто следующий?

— Я принимаю вызов, — Люк Мартинò шагнул из темноты и забрал у Робу дротики. Свет от барной стойки отбрасывал изменчивые тени на его широкие плечи и профиль, капли дождя сияли в волосах, а пах он прохладным ночным бризом.

— Осторожней, Люк, она жульничает, — предупредил Роб.

— Это правда? — один уголок рта Счастливчика приподнялся. — Вы жульничаете, Айс?

— Раз я обыграла Кувалду, это автоматически делает меня мошенницей?

— Нет. Вы позволили бедняге Робу думать, что победа уже у него в руках, а потом опустили его. Вот

это делает вас мошенницей.

— Вас это пугает? — Джейн попыталась сдержать улыбку, но ей это плохо удалось.

— Едва ли, — Люк покачал головой, и короткая прядь темно-русых волос упала ему на лоб. — Готовы сыграть?

— Не знаю, — ответила она. — Вы ведь реально «грязный» игрок.

— Я?! — Он прижал большую ладонь к своему полосатому темно-синему свитеру, притягивая внимание Джейн к широкой груди.

— Я видела, как вы ударили по штанге ворот, когда шайба пролетела мимо вас.

— Я играю агрессивно, — Люк опустил руку, — а не грязно.

— Правильно. — Она склонила голову и посмотрела в его глаза, голубой цвет которых был едва различим в темноте бара. — Как думаете, вы можете проиграть?

— Проигрывать я не планирую, — Мартинò двинулся к линии вброса. — Женщины вперед.

Когда дело касалось дартса, Джейн пленных не брала и играла не только агрессивно, но и грязно.

Если Люк хотел, чтобы она начала первой, спорить она не станет.

— Сколько вы готовы поставить?

— Мои пятьдесят против ваших.

— Идёт. — Первым же броском Джейн послала дротик в удвоение и к тому времени, как ход перешел к ее сопернику, заработала шестьдесят очков.

Первый дротик, брошенный Люком, отскочил от мишени, и в удвоение он попал только с третьего броска.

— Вот дерьмо, — нахмутив брови, Счастливчик подошел к мишени и забрал дротики. Встав в круг света, он изучил их острие и оперенье и сказал: — Они совсем тупые. — Затем взглянул через плечо на Джейн: — Дайте-ка посмотрю ваши.

Она сомневалась, что ее были острее, и подошла к нему. Люк взял с ладони своей соперницы дротики и, склонив голову рядом с ее, проверил кончики большим пальцем:

— Ваши не такие тупые как мои.

Он стоял так близко, что если бы Джейн слегка наклонилась вперед, их лбы соприкоснулись бы.

— Отлично, — ответила она, умудряясь говорить почти нормально, как будто от чистого аромата его кожи у неё не перехватывало дыхание. — Выбирайте, какие три вам больше нравятся, а я возьму оставшиеся.

— Нет. Мы воспользуемся одинаковыми дротиками. — Люк поднял на нее глаза: — Тогда уж, после того как я с вами разберусь, вам не удастся ни в чем меня обвинить.

Джейн взглянула ему в глаза, которые оказались так близко к ее, и сердце загрохотало у нее груди:

— Я не из тех, кто при первом же неудачном броске винит во всем дротики. — Мартинò выглядел абсолютно невозмутимым, в то время как её сердце едва ли не выпрыгивало из груди. Джейн отступила назад, увеличив дистанцию между Люком и своей нелепой реакцией: — Ну что, вы собираетесь болтать всю ночь, или мы приступим к делу, чтобы я могла наконец-то надрать вам задницу?

— Вы слишком нахальны для такой маленькой штучки, — произнес он и вложил ей в руку три дротика, которые посчитал самыми острыми. — Думаю, вы одна из тех коротышек с синдромом «Дюймовочки», — добавил Люк и присоединился к другим «чинукам», которые пересели за стол в

паре метров от них.

Джейн пожала плечами, словно бы говоря «и что с того?», и направилась к линии вброса. Встав так, чтобы вес равномерно распределялся на обе ноги, освободив запястье и расслабившись, она бросила дротик в удвоение, следующий в утроение и один в «булл». Большими шагами Люк подошел к линии вброса, пока Джейн вытаскивала дротики из мишени.

— Вы были правы, — сказала журналистка, направляясь к нему. — Эти намного лучше, — и положила все три в его протянутую руку. — Спасибо.

Мужские пальцы сомкнулись на ее руке, вжимая дротики в ладонь:

— Где вы так научились играть в дартс?

— В маленьком баре рядом с Вашингтонским университетом. — Тепло, шедшее от его ладони, согрело ее. — Я работала там в ночную смену, чтобы закончить школу, — Джейн попыталась отстраниться, но хватка Люка стала крепче, и дротики впились ей в кожу.

— Там рядом находятся «Хутерс», правда? — Люк наконец-то выпустил из плена её руку, и Джейн отступила назад.

— Нет, тот бар и университет находятся на противоположных берегах озера, — ответила она, хотя полагала, что ему в точности известно, где располагались забегаловки «Хутерс». Вряд ли его машина могла оказаться там сама по себе. Он просто пытался вывести свою соперницу из равновесия.

Это не сработало, пока Мартинò не сделал шаг к ней и не сказал ей на ухо:

— Вы были одной из девушек «Хутерс»?

Несмотря на жар, разливавшийся по шее, Джейн смогла спокойно и собранно, хоть и не совсем как Медовый пирожок, ответить:

— Полагаю, самое благоразумное сказать, что я не из того теста.

Люк понизил голос, его теплое дыхание коснулось ее щеки, когда он спросил:

— Почему же это?

— Мы оба знаем почему.

Он отступил на шаг и посмотрел на ее рот, прежде чем медленно поднять взгляд к ее глазам:

— Майки оказались не того цвета?

— Нет.

— Вы не любите шортики?

— Я не похожа на тех, кого они обычно нанимают.

— Думаю, вы ошибаетесь. Я точно знаю, что они берут на работу маленьких девушек. Я видел их там, — он минуту помолчал и добавил: — Правда, это было в Сингапуре.

Оба прекрасно знали, что разговор шел не об ее росте.

— Пытаетесь вывести меня из себя, чтобы выиграть, верно?

Крохотные морщинки появились в уголках его синих глаз.

— И как? Получается?

— Нет, — соврала Джейн, направляясь ко второй линии, где стояли остальные «чинуки»: — Роб, вы уже расплатились сполна за то пиво?

Люк легонько потрепал её по макушке:

— Конечно, Роб расплатился, Шарки.

Шарки? Ну вот, она заработала прозвище, которое, Джейн была уверена, звучало более прилично, чем

то, каким игроки называли её за глаза. И он потрепал ее по голове, как будто она была собакой. «Прогресс», — подумала Джейн, увидев, как Люк поднял руку, выбросил ее вперед и загнал дротик прямо в «яблочко».

— Люк терпеть не может проигрывать, больше, чем кто бы то ни было, — сказал ей Брюс.

— Может, вам не стоит выигрывать у него? — предупредил её Питер. — Это может испортить ему игру.

— Забудьте об этом, ребята. — Джейн покачала головой, когда Люк послал второй дротик в «молоко» и выругался, как хоккейный игрок: — Я не позволю кому-то отобрать мой выигрыш.

— Поражение может заставить его играть как настоящего психа завтра вечером в «Компак-центре».

— Ага. Помните, как он проиграл в боулинг из-за одной кегли и на следующий вечер сцепился с Руа? — напомнил всем Дарби.

— Тут виноваты, скорее, взаимные оскорбления Люка и Патрика, нежели счет в боулинге.

— Голкиперы затеяли драку.

— Тем вечером там была битва титанов.

— Но какова бы ни была причина, они схлестнулись врукопашную в центральной зоне, и, Боже, это было красиво.

— Когда это случилось? — захотела узнать Джейн.

— В прошлом месяце.

Значит, в прошлом месяце, а впереди у него еще больше половины сезона. На несколько долгих мгновений Люк застыл у линии вброса, глядя на мишень так, как будто это было состязание характеров. Свет струился по дешевому красному ковровину и заливал его кожаные ботинки и нижнюю часть брюк. Потом, как будто посылая метательный снаряд, Люк загнал дротик глубоко в удвоение двадцати, набрав в общей сложности шестьдесят пять очков. Когда он подошел к Джейн и вручил дротик, его нахмуренные брови рассказали ей о том, что он не доволен тем, что не добрал до семидесяти пяти очков.

— Если бы в дартсе начисляли очки за то, что дротик пробивает мишень насквозь, то у вас был бы шанс на победу, — сказала Джейн. — В следующий раз лучше используйте свою ловкость, а не мускулы.

— Я не отношусь к ловким парням.

Так, пошутили — и будет. Джейн встала на позицию, и, как раз когда она собралась метнуть дротик, откуда-то сзади раздался голос Люка:

— Как вы так туго стягиваете волосы?

«Чинуки» рассмеялись, будто Люк сказал что-то действительно смешное.

Джейн опустила руку и посмотрела на него:

— Тут вам не хоккей. В дартсе нет никакого трепя.

Люк ослепительно ей улыбнулся:

— Теперь есть.

Ладно. Она все-таки побьет его.

Пока Люк продолжал отвлекать Джейн разговорами, она за три броска набрала всего пятьдесят.

Самый низкий результат с начала игры.

— Вы отстаете от меня на сто шестнадцать очков, — напомнила Джейн своему противнику.

— Это ненадолго, — самодовольно парировал Счастливчик, занял позицию у линии вброса и бросил два раза в «булл», а затем в двадцать.

Черт! Пришло время и ей сказануть какую-нибудь чушь:

— Эй, Мартинò, что у вас на плечах: тыква или бессодержательная голова?

— Это всё, что вы смогли придумать? — взглянул на нее Люк.

Остальные «чинуки», похоже, тоже не особо впечатлились.

Дарби склонился к ней поближе и тихо сказал:

— Это было немного наивно.

— Что это, черт побери, значит — бессодержательная? — спросил Роб.

— Это значит полая или пустая, — ответил за Джейн Дарби.

— Почему вы прямо так и не сказали, Шарки?

— Да, вы не можете говорить грубости, используя такие слова.

Джейн, нахмурившись, скрестила руки на груди: «бессодержательный» — это совершенно нормальное слово.

— Вам, парни, не понравилось, потому что оно начинается не на букву «Х»?

Люк бросил третий дротик и в сумме заработал восемьдесят очков. Пришло время заканчивать игры и браться за дело всерьез. Джейн прошла к линии, занесла руку для броска, ожидая очередного подкола. Но Люк молчал, что нервировало её больше, чем грубости. Ей удалось попасть в утроение двадцати, но когда Джейн снова прицелилась, Люк сказал:

— Вы когда-нибудь надеваете что-нибудь кроме чёрного и серого?

— Конечно, — ответила она, не глядя на него.

— Точно. — И когда Джейн уже собралась метнуть следующий дротик, добавил: — Ваша пижама с коровами синего цвета.

— Откуда ты знаешь, что у неё есть пижама с коровами? — спросил один из парней.

«Мистер Осведомленность» не сумел дать ответ, и Джейн оглядела его, стоящего в окружении товарищей по команде: руки — на бедрах, на губах — улыбка.

— Однажды ночью я вышла из номера, чтобы купить пакетик «M&M», — объяснила Джейн хоккеистам. — Я думала, вы, парни, уже в кроватках, так что надела свою пижаму. А Люк подкрался ко мне.

— Я не подкрадывался.

— Ну конечно, — она прицелилась и метким броском послала дротик в удвоение десяти.

Дождавшись момента, когда Джейн приготовилась метнуть свой третий дротик, Люк сказал:

— Она носит лесбийские очки.

Джейн вообще не попала в мишень. Этого не случилось вот уже несколько лет.

— Я не из этих! — выпалив это, она испугалась, что отрицание вышло слишком страстным.

Люк рассмеялся:

— Это такие ужасные черные квадратики, которые носят все эти современные девочки.

«Чинуки» дружно расхохотались, и даже Дарби сказал:

— О, да, точно в стиле лесби.

Джейн вынула дротики из мишени.

— Вовсе нет. Это абсолютно гетеросексуальные очки. — Черт, о чем она вообще говорит?

Гетеросексуальные очки? Эти парни сводят её с ума. Она сделала глубокий вдох и вручила дротики Люку. Она не позволит этим тупым качкам вывести себя из равновесия. — Я не из «розовых». Хотя в этом нет ничего дурного. Будь я лесбиянкой, я не скрывала бы свою «нетрадиционную ориентацию» и гордилась бы этим.

— Это бы объяснило обувь, — присоединился к ним Роб.

Джейн посмотрела вниз на свои ботинки:

— А что не так с моими «Мартенсами»?

Впервые за весь вечер решил подать голос Ураган.

— Они муузссские, — сказал он

— Мужские? — Джейн посмотрела на его юное лицо. — Учитывая, что ранее я защищала ваш ирокез, я ожидала от вас большего, Даниэль. — Парень тотчас же устался куда-то в противоположный угол зала, будто там было что-то интересное.

Люк выдвинулся на позицию и набрал сорок восемь очков. Когда наступил ее черед бросать, то языками на ее счет чесали уже все «чинуки». Их беседа стала совершенно не политкорректной, когда они решили, что Джейн носит одежду темных цветов, потому что находится в депрессии из-за своей сексуальной ориентации.

— Я не лесбиянка, — настаивала Джейн. Будучи единственным ребенком в семье, в детстве она была лишена мужского общества, кроме отца, разумеется, но он был не в счет. Папа был серьезным человеком, который никогда не шутил. У нее не имелось опыта в такого рода подначиваниях.

— Все нормально, милая, — заверил её Люк. — Родись я девчонкой, тоже стал бы лесбиянкой.

Джейн решила, что у нее есть два варианта. Или расстраиваться и возмущаться, или расслабиться.

Она путешествовала с игроками не для того, чтобы стать их подругой, и не для того, чтобы ее дразнили так, как будто они все вновь оказались в средней школе. Однако профессиональный подход до сих пор не принёс пользы, и ей пришлось признать, что поддразнивания лучше, чем пренебрежение. Кроме того, эти парни наверняка насмеялись и над репортерами мужского пола.

— Люк, вы и так уже «prima donna», — сказала Джейн.

Счастливчик усмехнулся, и она наконец-то расхохоталась вместе с остальными. До конца игры

Джейн старалась выдать лучшее, на что была способна, но куда

ей до хоккеистов, у которых в словесных баталиях имелись годы практики. В итоге Джейн победила Люка с перевесом почти в двести очков, но в словесной пикировке её разбили в пух и прах.

Каким-то образом во время всей этой болтовни и подколов Джейн удалось подняться в глазах игроков. Она, скорее всего, обошлась бы без их комментариев о своей одежде, обуви и причёске, но, по крайней мере, они не говорили о погоде, давая ей односложные ответы или вовсе игнорируя. Да, определенно, это был прогресс.

После завтрашнего матча они вполне могли начать разговаривать с ней. Она не тешила себя надеждами, что все они станут хорошими друзьями, но, может, теперь они прекратят трепать ей нервы в раздевалке. Может, даже дадут интервью. И поблажку, держа свои раковины на их законных местах, когда она проходит мимо.

Из-под забрала вратарской маски Люк смотрел, как шайба упала и, вращаясь, покатила в его сторону. Бресслер выбросил шайбу из центральной зоны вбрасывания, и битва между Сиэтлом и Сан-Хосе началась.

Люк перекрестился на удачу, однако на десятой минуте первого периода та окончательно его покинула. Крайний правый «Акул» Теему Селянне бросил шайбу верхом, и та влетела в сетку ворот. Это был легкий гол. Из тех, что Люк не должен был пропустить, и это, казалось, стало началом полного фиаско. Не только для Люка, но и для всей команды.

По окончании первого периода двоим игрокам «Чинуков» требовалось наложить швы, а Люк пропустил четыре гола. На второй минуте второго периода Гризелла жестоко прижали в центральной зоне. Он свалился на лёд и уже не смог подняться. Ника пришлось уносить с поля, а десять минут спустя мимо вратарской перчатки Люка проскользнула очередная шайба, и на табло высветился пятый забитый «Акулами» гол. Тренер Найстром подал знак, отзывая Люка из ворот, и заменил его голкипером из второго состава.

Для любого кипера путь от ворот до скамейки запасных является самым длинным. У всех вратарей, когда-либо игравших в эту игру, имелись неудачные матчи, но для Люка Мартинò сегодняшний провал значил гораздо большее. Слишком много раз ему пришлось проходить через нечто подобное в свой последний сезон с Детройтом, чтобы не чувствовать себя так, словно над его головой занесен топор палача. Люк потерял фокус, не мог войти в ритм игры. Вместо того чтобы предугадывать действия противника, он запаздывал на пару секунд. Что это было? Первая неудачная игра — вестница черной полосы? Случайность или закономерность? Начало конца?

Недоброе предчувствие и настоящий страх, который он даже не хотел признавать, заставляли его грудь сжиматься и вызвали покалывание в затылке. Люк ощущал все это, пока сидел на скамейке запасных, наблюдая за окончанием игры.

— Со всяким может случиться, — сказал ему тренер Найстром в раздевалке. — В прошлом месяце отличился Руа. Не переживай, Люк.

— Сегодня вся команда играла дерьмово, — сказал ему Саттер.

— Нам стоило лучше играть в твоей зоне, — добавил Бресслер. — Когда ты стоишь в воротах, мы иногда забываем о защите подступов к вратарской площадке.

Люк не позволил себе успокоиться так легко. Он был не из тех, кто во всем винит других, и полностью отвечал за свою игру.

Когда самолет вылетел из Сан-Франциско, голкипер сидел в темноте салона, вновь проживая свое прошлое. И совсем не лучшую его часть. Ужасный удар по коленям, операции и месяцы физиотерапии. Зависимость от обезболивающих, ужасные боли и тошноту, которые мучили его, если он не принимал таблетки. И, в конечном счете, полную неспособность продолжать играть в любимый хоккей.

«Неудачник», — противный внутренний голосок, нашептывающий, что он потерял свою реакцию, звучал в ушах Люка во время полета в Сиэтл. Экранные отсветы ноутбука Джейн Олкотт и клик-клик по клавиатуре не оставляли сомнений в том, что и все остальные тоже скоро об этом узнают. В спортивном разделе свежего номера он увидит её статью о разгромном исходе прошлого матча. В аэропорту Сиэтла Люк направился к долговременной парковке, заметив Джейн, занятую впахиванием своего багажа в «Хонду прелюд». Мисс Олкотт подняла глаза, когда он проходил мимо, но никто из них не проронил ни слова. Она выглядела так, как будто не нуждалась в его помощи со своей поклажей, а ему нечего было сказать Ангелу скорби и печали.

Капли дождя падали на ветровое стекло его «Лэнд Крузера» все время, пока длился этот

сорокаминутный путь к центру Сизтла. Люк не помнил, чтобы когда-либо настолько радовался возвращению домой.

Лунный свет лился внутрь сквозь восьмифутовые окна гостиной, когда он прошел по темной квартире. Свет над плитой был включен, освещая конверт «Федэкс», лежащий на столе. Люк прошел в спальню, включил свет, оставил дверь приоткрытой и бросил свою сумку на пол рядом с кроватью. Скинув с плеч блейзер, он повесил его в шкаф рядом с чехлом для одежды. Остальное распакует завтра.

А сейчас он устал и был рад оказаться дома. И его единственным желанием было упасть на кровать, зарывшись лицом в подушку.

Едва Люк ослабил узел галстука, как в приоткрытую дверь постучалась Мари и распахнула её настежь. На ней были пижамные фланелевые штаны на завязках и футболка с изображением Бритни Спирс. Выглядела она сейчас лет на десять.

— Люк, угадай, что?

— И тебе привет! — Он посмотрел на часы. Было уже за полночь, и чего бы Мари ни хотела, она определенно решила, что это не может ждать до утра. Он спросил себя, не выгнали ли её из школы за то время, что прошло с их последнего разговора, поэтому поинтересовался почти с опаской:

— Что такое?

Девочка улыбнулась, её голубые глаза засияли:

— Меня пригласили на танцы.

— Что за танцы?

— Дискотека у нас в школе.

Люк потянул за узел галстука, вспомнив о лежавшем на кухне конверте «Федэкс». Он подумает об этом завтра.

— Когда это будет?

— Через пару недель.

Возможно, тогда она уже не будет жить здесь. Но пока ей не следовало об этом знать.

— Кто же тебя пригласил?

Ее глаза засияли еще ярче, а сама она прошла дальше вглубь его спальни.

— Зак Андерсон. Он из выпускного класса.

Дерьмо.

— Представляешь, он рокер! У него колечко в губе и носу, и брови проколоты. У него есть тату. Он та-а-а-акой крутой!

Дерьмо в квадрате.

Люк ничего не имел против татуировок. Но пирсинг? Иисусе!

— Как называется его группа?

— «Разболтанные винты».

Просто великолепно.

— Мне нужно купить платье. И туфли. — Мари присела на краю постели и засунула ладошки между коленок. — Миссис Джексон сказала, что возьмет меня. — Девочка подняла на брата умоляющий взгляд: — Но она старая.

— Мари, я же парень. Я ничего не знаю о том, как выбрать платье.

— Но у тебя полно подружек. Ты должен знать, что лучше всего смотрится.

На женщинах. Не на девочках. Не на его сестре. Хотя, скорее всего, у неё не будет возможности отправиться на эту дискотеку. А если и будет, то уж точно не с Заком из «Развинченных шурупов». Парнем, расхаживающим с кольцами в губе и носу.

— Я еще ни разу не была на свидании, — призналась Мари.

Его руки бессильно упали, и он пристально посмотрел на сестру. На ее брови, которые были слишком густыми, и волосы, которые выглядели немного сухими. Черт, она нуждалась в матери. Женщине, которая могла бы ей помочь. Не в нем.

— Какая одежда на девочках нравится парням? — спросила Мари.

«Чем меньше, тем лучше», — подумал Люк.

— Длинные рукава. Мы считаем, что длинные рукава и высокие закрытые воротники очень сексуальны. И длинные платья с широкими пышными юбками, такими, знаешь, чтобы нельзя было встать к девушке вплотную.

— Это неправда, — рассмеялась сестра.

— Клянусь Богом, это правда, Мари, — сказал Люк, наконец сорвав галстук с шеи и отбросив его на прикроватную тумбочку. — Мы не любим того, что обнажает слишком много женского тела. Нам нравится одежда, которую бы могла надеть монашка.

— Теперь я точно знаю, что ты врешь.

Девочка снова засмеялась, а Люк подумал, что ему должно быть стыдно, что он так плохо знает ее.

Она была его единственной сестрой, а он совсем ее не знал. И существовала вероятность того, что этого так никогда и не произойдет. Часть его хотела, чтобы все можно было изменить. Хотела, чтобы он мог больше времени проводить дома. И чтобы он знал, что нужно его сестре.

— Завтра после школы я дам тебе свою кредитку. — Люк сел рядом с девочкой и начал развязывать шнурки. — купишь все, что нужно, а потом, когда вернешься домой, я посмотрю твои обновления.

Мари встала, ее плечи ссутулились, а нижняя губа обиженно оттопырилась.

— Ладно, — сказала она и вышла из комнаты.

Иисусе, он снова умудрился её обидеть. Но не могла же она всерьез ожидать, что он пойдет с ней по магазинам, пока она будет выбирать себе новое платье? Как будто он был ее подружкой? Разве можно злиться на него из-за этого? Ему не нравилось ходить за покупками даже с девочками своего-то возраста.

ГЛАВА 6

Похмелье: отстранение от игры

Когда на следующее утро Джейн наконец заставила себя выбраться из постели, то собрала все белье для стирки, натянула спортивный костюм и потащила грязную одежду в прачечную самообслуживания. Пока машина стирала и отжимала, Джейн открыла журнал «Пипл» и стала наворачивать упущенное в чтении новостей.

Сегодня ей никуда не нужно было идти. Ни один срок сдачи материала не дышал ей в затылок. У нее не было ничего, связанного с работой до завтрашней игры. Джейн купила «коку» в автомате, села на жесткий пластиковый стул и стала наслаждаться земными удовольствиями, наблюдая за отжимом своего белья. Открыв раздел о недвижимости, она изучила список домов, выставленных на продажу, и подсчитала, что благодаря гонорарам, получаемым за хоккейную колонку, к лету сможет накопить

достаточно денег, чтобы внести первые двадцать процентов за собственный дом. Но чем больше Джейн думала об этом, тем больше расстраивалась. На двести тысяч в наши дни хоромы не купишь. По дороге домой она зашла в бакалейную лавку, чтобы запастись едой на неделю. Сегодня у Джейн был выходной, но завтра «Чинуки» играют с «Чикаго Блэкхокс» в «Кей Арена». Они проведут домашние игры в четверг, субботу и среду. Затем три выходных, и снова в путь. Снова в самолет. Снова в автобус, и снова спать в номерах отеля.

Работа над статьей о поражении «Чинуков» со счетом 6–4 от «Акул» стала одним из самых сложных дел за всю жизнь Джейн. Она чувствовала себя немного предательницей, после того как перешучивалась с хоккеистами и играла с ними дартс. Но ей нужно было делать свою работу. А Люк... наблюдать за кошмаром, разворачивающимся в воротах, было почти также мучительно, как смотреть на Счастливого, сидящего на скамье запасных. Он глядел прямо перед собой, его привлекательное лицо было лишено всякого выражения. Джейн было больно за него. Ей было больно, потому что она оказалась той, кто должен был сообщить о деталях, но опять же — это была работа, и Джейн Олкотт выполнила ее.

Вернувшись домой, Джейн обнаружила на автоответчике сообщение от Леонарда Коллэвея с просьбой встретиться с ним завтра утром в его офисе в «Таймс» и подумала, что это сообщение не сулит ничего хорошего ее будущему в качестве спортивного репортера.

И оказалась права. Леонард уволил ее.

— Мы решили, что будет лучше, если ты больше не станешь освещать матчи «Чинуков». Джефф Нунан заменит Криса, — сказал редактор.

Газета отпускала Джейн на все четыре стороны и отдавала ее работу Нунеру.

— Почему? Что случилось?

— Думаю, будет лучше, если мы не станем вдаваться в детали.

«Чинуки» играли не очень хорошо всю последнюю неделю, что закончилось впечатляющим поражением Люка.

— Они думают, я сглазила их. Ведь так?

— Мы понимали, что есть такая вероятность.

Прощай ее шанс написать солидную статью. Прощай двадцатипроцентный взнос за собственный дом. И все потому, что какие-то тупые хоккеисты решили, что она принесла им неудачу. Что ж, Джейн не могла сказать, что ее не предупреждали, или что она совсем этого не ожидала. И все же понимание произошедшего не облегчало ее положение.

— Кто именно считает, что я принесла им несчастье? Люк Мартинò?

— Давай не будем копать в этом, — сказал Леонард, но отрицать не стал.

Увертки редактора ранили Джейн сильнее, чем должны были бы. Мартинò ничего не значил для нее, и она, определенно, ничего не значила для него. Меньше, чем ничего. Прежде всего, он не хотел, чтобы женщина-репортер путешествовала с командой. И Джейн была уверена, что именно он стал причиной того, что ей дали пинка под зад. Она приподняла уголки рта в улыбке, когда на самом деле ей хотелось орать и визжать, и подать в суд за неправомерное увольнение или сексизм, или... или... еще чего-то там. Она даже могла бы выиграть дело. Но «могла бы» не являлось достаточной гарантией, а Джейн давным-давно научилась не позволять своему темпераменту сжигать мосты. Все-таки у нее оставалась в «Таймс» колонка «Одинокой девчонки».

— Что ж, спасибо за предоставленную возможность вести спортивную колонку, — сказала Джейн и пожала руку Леонарда. — Путешествие с «Чинуками» дало мне такие впечатления, которые я никогда не забуду.

Она удерживала улыбку на лице, пока не покинула здание. Она была такой злой, что хотела побить кого-нибудь. Кого-нибудь с голубыми глазами и подковой, вытатуированной над его гениталиями. Ее предали. Она думала, что добилась какого-то улучшения отношений с игроками, но те сдали ее. Может быть, если бы она не побила их в дартс, не пререкалась с ними, и они не называли ее Шарки, она бы не чувствовала сейчас так сильно, что ее предали. Но она чувствовала. Она ведь даже ощутила вину за то, что выполнила свою работу и написала отчет об их последней игре. И вот как они отплатили ей! Она надеялась, что они заразятся грибком. Все разом.

В следующие два дня Джейн не выходила из квартиры. И была в такой депрессии, что вычистила все шкафчики для посуды. А замазывая плиточные швы в ванной, включила громкость телевизора на полную мощность и почувствовала лишь слабое удовлетворение, услышав, что «Чинуки» проиграли «Блэкхокам» 4–3.

Ну и кого они теперь обвинят?

На третий день ее гнев не уменьшился, и Джейн знала, что есть только один способ избавиться от него. Ей нужно было посмотреть в лицо «Чинукам», чтобы вернуть себе самоуважение.

Джейн знала, что они будут разминаться перед игрой в «Кей Арена», и прежде чем могла сказать себе, что все это не стоит ее внимания, надела джинсы, черный свитер и отправилась в Сиэтл.

Она зашла в бельэтаж, и ее взгляд тут же упал на пустые ворота. Лишь несколько игроков тренировались внизу на льду. Джейн, чувствуя, как желудок завязывается в узел, спустилась по лестнице и направилась в раздевалку.

— Привет, Рыбка, — сказала она Брюсу Фишу, неспешно идя по проходу. Хоккеист держал в руке паяльную лампу и нагревал крюк своей клюшки.

Брюс поднял глаза и выключил паяльник.

— Парни в раздевалке? — спросила Джейн.

— Большая часть.

— А Люк там?

— Не знаю, но он не любит разговаривать в день игры.

Чертовски плохо. Подошвы ботинок Джейн поскрипывали по резиновым коврикам в коридоре. Все головы повернулись к ней, когда она зашла в раздевалку. Джейн подняла руку.

— Натяните штаны, джентльмены, — сказала мисс Олкотт, проходя дальше, чтобы оказаться в самом центре комнаты, полной полуголых игроков. — Я займу лишь несколько секунд вашего времени, и мне бы хотелось, чтобы вы не исполняли ваше синхронное сбрасывание амуниции.

Джейн повернулась лицом к хоккеистам и встала, распрямив плечи и подняв голову. Люка не было видно. Трусливый ублюдок, наверное, прятался.

— Уверена, вы все слышали о том, что я больше не освещаю игры «Чинуков», и я хотела, чтобы вы знали: я не забуду время, проведенное с вами. Путешествие с вами, парни, было... интересным. —

Она подошла к капитану Марку Бресслеру и протянула руку: — Удачи в сегодняшней игре, Хитмэн. Секунду он смотрел на нее так, будто она заставляла центр-форварда весом в сто четырнадцать килограмм немного нервничать.

— Э-э, спасибо, — сказал Марк и, наконец, пожал ее ладонь. — Вы будете сегодня на трибуне? Джейн опустила руку.

— Нет. У меня другие планы. — Она последний раз встала лицом к игрокам: — Прощайте, джентльмены, удачи, и, надеюсь, в этом году вы выиграете Кубок Стэнли.

Она даже смогла улыбнуться, прежде чем повернулась и пошла к выходу.

«Я сделала это», — думала Джейн, идя по коридору. Они не заставили ее убежать с поджатым хвостом. Она показала им, что у нее есть гордость и класс, и что она к тому же еще и великодушна. И надеялась, что их пенисы поразит чесотка. Очень-очень сильная чесотка.

Джейн смотрела на резиновые коврики, пока шла по проходу, но вдруг остановилась, уткнувшись лицом в обнаженную грудь со скульптурными мышцами, мускулистым животом и татушкой в виде подковы, виднеющейся над хоккейными шортами. Люк Мартинò. Взгляд мисс Олкотт скользил вверх по его мокрой груди до подбородка и рта, по глубокой ложбинке над его верхней губой, мимо его прямого носа к прекрасным младенчески голубым глазам, уставившимся на нее.

— Ты! — сказала Джейн.

Одна его бровь медленно поползла вверх, и Джейн взорвалась.

— Ты сделал это со мной, — заорала она. — Я знаю, что ты. Догадываюсь, что тебе наплевать на то, что я в самом деле нуждалась в этой работе. Ты облажался в воротах, а выкинули меня, — она почувствовала, как глаза защипало, и это еще сильнее разозлило ее. — Кого вы обвинили в поражении прошлой ночью? А если сегодня вы проиграете, кого будете обвинять? Ты... ты... — Джейн запнулась. Одна рациональная часть ее мозга приказывала ей заткнуться, уйти, пока она еще могла это сделать. Просто обойти его и уйти, пока у нее еще оставалось чувство собственного достоинства.

Как плохо, что она совсем не собиралась слушать эту часть мозга.

— Ты назвала его большим тупоголовым придурком? — спросила Каролина, когда позже, тем же вечером, они вдвоем сидели на диване у Джейн, наблюдая, как языки пламени в газовом камине лижут фальшивые поленья. — Почему ты не пошла ва-банк и не назвала его какашкой?

Джейн застонала. Хотя прошло уже достаточно времени, ее все еще передергивало от смущения.

— Не надо, — взмолилась она и поправила очки на переносице. — Меня утешает только то, что я никогда больше не увижу Люка Мартинò.

Но она не думала, что когда-нибудь забудет выражение его лица. Что-то типа ошеломленного удивления, за которым последовал смех. Джейн хотелось провалиться сквозь землю, но она даже не могла винить Люка за то, что он смеялся над ней. Его наверняка не называли большим тупоголовым придурком со времен начальной школы.

— Вот черт, — сказала Каролина, поднося бокал вина к губам. Сегодня она забрала свои блестящие светлые волосы в идеальный хвост и, как всегда, выглядела восхитительно. — Я-то думала, что ты могла бы познакомить меня с Робом Саттером.

— С Кувалдой? — Джейн покачала головой и глотнула свой джин-тоник. — У него вечно сломанный нос и синяк под глазом.

— Я знаю, — Каролина улыбнулась, и ее глаза немного затуманились.

— Он женат, и у него ребенок.

— Хмм, ну, тогда с кем-нибудь одиноким.

— Я думала, у тебя есть парень.

— Да, но это не увенчается хеппи-эндом.

— Почему?

— Не знаю, — вздохнув, сказала подруга и поставила бокал на кофейный столик из вишни. — Ленни симпатичный и богатый, но о-о-очень скучный.

Сие означало, что он, вероятно, был нормальным и не нуждался в том, чтобы его улучшали. А лучшая подружка Джейн была прирожденным «улучшателем» парней.

— Хочешь посмотрим игру? — спросила она.

— Нет, — Джейн покачала головой.

Это было соблазнительно, действительно соблазнительно, взять пульт и найти канал с игрой, чтобы посмотреть, кто выигрывает. Но это только сделает все еще хуже.

— Может быть, «Чинуки» проиграют. Их проигрыш заставил бы тебя почувствовать себя лучше. Не заставил бы.

— Нет, — Джейн откинула голову назад на цветную спинку софы. — Я больше никогда не захочу смотреть хоккей. — Но она хотела. Она хотела сидеть на местах для прессы или поближе к площадке. Она хотела почувствовать энергию, пронзающую ее, наблюдать за безупречной игрой, за борьбой, разворачивающейся в углах, или за Люком, делающим идеальный сейв. — Как только я подумала, что наладила отношения с игроками, меня уволили. Я обыграла Роба и Люка в дартс, и они все подшучивали над моими лесбийскими очками. И той ночью мне не надоедали телефонными звонками. Знаю, мы не стали друзьями, но я думала, они начинают верить мне и принимать меня в свою стаю. — Джейн подумала секунду и добавила: — Как собаки динго.

Каролина взглянула на часы:

— Я пробыла здесь пятнадцать минут, а ты все еще не сказала ничего стоящего.

Джейн не надо было уточнять, о чем говорит подруга. Она слишком хорошо знала Каролину.

— Я думала, ты пришла, чтобы развеселить меня, но ты просто хочешь услышать о раздевалке.

— Я пришла не для того, чтобы веселить тебя, — Каролина повернулась к Джейн и положила руку на спинку софы. — Позже.

Джейн не задолжала ни грамма преданности хоккеистам. Не теперь. И она ведь не собиралась выложить все это в книге откровений.

— Ладно, но это было не так, как ты думаешь. Не так, как будто я оказалась одна среди по-настоящему мускулистых тел. Ну, вообще-то так, но я не опускала глаз, и каждый раз, когда я проходила мимо игроков, они снимали свои раковины.

— Ты права, — сказала Каролина, наклоняясь и забирая свое вино со столика. — Это не то, что я себе представляла. Это еще лучше.

— Разговаривать с голым мужиком, когда ты полностью одета, гораздо труднее, чем ты думаешь.

Они все потные и разгоряченные и не хотят общаться. Задаешь им вопрос, а они фыркают в ответ.

— Очень похоже на трех моих последних бойфрендов во время секса.

— Это не так весело, как секс, поверь мне, — Джейн покачала головой. — Некоторые из них совсем не говорили со мной, и это делало мою работу на самом деле трудной.

— Да, я знаю эту часть, — Каролина пренебрежительно отмахнулась. — Итак, у кого самое лучшее тело?

Джейн подумала минуту.

— Ну, они все потрясающе сложены. Мощные ноги и торсы. У Марка Бресслера, наверное, самые большие мускулы, но у Люка Мартинò есть татуировка в виде подковы в нижней части живота, которая заставляет тебя желать упасть на колени и поцеловать ее на удачу. А его задница... совершенство, — Джейн прижала холодный бокал ко лбу. — Как ужасно, что он придурок. — Звучит так, будто он нравится тебе.

Джейн опустила бокал и уставилась на Каролину. Нравится ей? Люк нравится ей? Парень, из-за которого ее уволили? Боль, которую она чувствовала от предательства Люка, была сильнее, чем от предательства остальных игроков вместе взятых. Что, когда она поразмыслила над этим, вероятно, оказалось совсем не разумным, учитывая, что она на самом деле не знала его, а он не знал ее. Просто Джейн подумала, что между ними наметилась какая-то дружба, и, если быть честной, ей бы следовало признать, что она также чувствовала слабое влечение к Люку. Нет, влечение было слишком сильным определением. Интерес — вот это гораздо лучше описывало то, что она ощущала. — Он мне не нравится, — сказала Джейн, — но у него тот самый канадский акцент, который проявляется только в определенных словах.

— Ну-ну.

— Что значит «ну-ну»? Я сказала, что он мне не нравится.

— Я поняла, что ты сказала, но ты всегда была любительницей мужчин с акцентом.

— С каких это пор?

— Со времен Балки из «Идеальных незнакомцев».

— Ты имеешь в виду ситком?

— Ага, ты была без ума от Балки, и все из-за его акцента. Не важно, что он оказался лузером, живущим с кузеном.

— Нет, я была без ума от Бронсона Пинчота, а не от Балки, — Джейн засмеялась. — А в тот же год ты ходила с ума от Тома Круза. Как думаешь, сколько раз мы смотрели «Топ ган»?

— По крайней мере двадцать, — Каролин сделала глоток вина. — И даже тогда тебя привлекали лузеры.

— Я называю это: иметь реалистичные ожидания.

— Больше похоже на: продать себя задешево, потому что у тебя типичная боязнь быть покинутой.

— Ты что, под кайфом?

Каролина покачала головой, и ее хвост коснулся плеч.

— Нет, я прочитала об этом в журнале, пока была на приеме у своего гинеколога на прошлой неделе. Поскольку твоя мать умерла, ты боишься, что все, кого ты любишь, покинут тебя.

— Что доказывает: в журналах полно законченного дерьма. — Уж Джейн-то знала это наверняка. — Как раз на прошлой неделе ты сказала, что у меня проблемы с завершением отношений, потому что я боюсь, что меня бросят. Определись наконец-то.

Каролина пожала плечами:

— Это явно одна и та же фобия.

— Точно.

Они смотрели на камин еще несколько минут, затем Каролина предложила:

— Давай прогуляемся.

— Сегодня же четверг.

— Знаю, но никому из нас завтра не надо на работу.

Может быть, ночь выноса мозга гаражным роком именно то, что ей нужно, чтобы отвлечься от хоккейного матча, который она должна была освещать, но не освещает. Выйти из квартиры, чтобы она не могла включить телевизор и найти канал с игрой.

Джейн посмотрела на свою зеленую футболку, черную кофту и джинсы. Кроме того, нужно было найти новый материал для колонки «Одинокая девчонка».

— Хорошо, но я не буду переодеваться.

Каролина, которая оделась простенько, в свитер «Томми» с флагом на груди и обтягивающие джинсы, посмотрела на Джейн и закатила глаза:

— Надень хотя бы контактные линзы.

— Зачем?

— Ну, я не хочу что-то говорить, потому что люблю тебя, и потому что я всегда говорю тебе, что надеть, и не хочу, чтобы ты смущалась, и твоя самооценка упала, но эти ужасные люди в магазине оптики солгали тебе.

Джейн не думала, что ее очки были настолько плохи. У Лизы Лоэб была точно такая же пара.

— Ты уверена, что они плохо смотрятся на мне?

— Да, и я говорю тебе это только потому, что не хочу, чтобы люди подумали, что я девушка, а ты парень.

И Каролина туда же?

— Почему ты думаешь, что люди тебя посчитают девушкой, а меня парнем? — спросила Джейн, вставая и направляясь в ванную. — Может быть, эти люди решат, что ты парень. — Ответа не последовало, и она просунула голову в дверь: — Ну?

Подруга стояла у камина, нанося на губы красную помаду перед зеркалом, висящим над каминной полкой.

— Что «ну»? — Каролина убрала помаду в свою маленькую сумочку.

— Ну, что заставляет тебя думать, что люди посчитают тебя девушкой, а меня парнем? — снова спросила Джейн.

— А-а, так ты на самом деле спрашиваешь? Я-то думала, что ты пытаешься сострить.

На следующее утро телефон Джейн зазвонил в девять часов. Это оказался Леонард, который хотел сообщить ей, что они с Вирджилом и руководство «Чинуков» пересмотрели свое «поспешное решение». Они хотели, чтобы она возобновила работу и как можно скорее. Это значило, что они хотели видеть ее на местах для прессы на завтрашней игре против Сент-Луиса. Джейн оказалась так потрясена, что могла лишь лежать в постели и слушать, как Леонард меняет свое мнение на 180 градусов.

Оказалось, что после ее разговора с командой все хоккеисты выступили блестяще. Бресслер, после того как она пожала ему руку, сделал хет-трик, а Люк снова был в ударе. Он сохранил счет 6–0 и теперь превосходил Патрика Руа по количеству матчей, сыгранных «всухую».

Внезапно оказалось, что Джейн Олкотт приносит удачу.

— Я не знаю, Леонард, — сказала Джейн, откидывая желтое пуховое одеяло и садясь на край кровати. Ее голова и рот были как будто набиты ватой — результат чрезмерного веселья вчерашней

ночью — и ей пришлось сильно постараться, чтобы собрать мысли в кучу. — Я не могу согласиться на эту работу, если буду думать, что меня будут увольнять каждый раз, когда «Чинуки» проиграют игру.

— Тебе больше не надо об этом беспокоиться.

Джейн не поверила редактору. Если она решит снова взяться за эту работу, то не хотела подпрыгивать каждый раз от подобной вероятности. И, честно говоря, Джейн все еще злилась.

— Мне надо подумать.

Положив трубку, она сварила кофе и съела немного гранолы, чтобы прогнать это сосущее ощущение в желудке. Предыдущей ночью ей удалось добраться до кровати только к двум часам после полуночи, и было жаль, что на эту гулянку ею были потрачены деньги и время. Джейн не могла думать ни о чем кроме того, что ее уволили, и оказалась плохой компанией для своей подруги.

Во время завтрака она обдумывала новое предложение Леонарда. «Чинуки» относились к ней как к прокаженной и винили в своих поражениях. Теперь они внезапно решили, что она приносит удачу? Хочет ли она ввязываться еще глубже в их суеверное безумие? Их синхронное сбрасывание раковин и надоедливые звонки?

Закончив есть, Джейн забралась в душ и закрыла глаза, ощущая, как по коже струится теплая вода. Хотела ли она путешествовать с вратарем, который смотрит сквозь нее? Даже если он заставляет ее сердце учащенно биться? Хотела ли она, чтобы оно билось быстрее или нет? Скорее всего, нет. Даже если бы они с Люком нравились друг другу, что очевидно было не так, он смотрел только на высоких эффектных женщин.

Обернув волосы полотенцем, Джейни надела очки и вытерлась. Она натянула бюстгальтер без бретелек, белую футболку с эмблемой Вашингтонского университета и старые джинсы с дырками на коленях.

Раздался звонок в дверь, и, посмотрев в глазок, Джейн увидела, что на ее маленьком крыльце стоит мужчина в серебристых солнечных очках «Окли», весь такой растрепанный и великолепный. И выглядящий в точности как Люк Мартино́. Она открыла дверь, потому как только что думала о нем и не была уверена, что это не часть ее фантазий.

— Привет, Джейн, — сказал он. — Можно войти?

Смотрите-ка, вежливый Люк! Теперь она точно знала, что это все фантазии.

— Зачем?

— Я надеялся, что мы сможем поговорить о том, что произошло. — Он сделал это. Сказал «а-а-а том» вместо «о том», и Джейн поняла, что говорит с настоящим Люком.

— О том, что ты меня уволил, ты это имеешь в виду?

Люк снял солнечные очки и засунул их в карман своей кожаной куртки. Его щеки покраснелись, волосы были спутаны, а позади на тротуаре он припарковал свой мотоцикл.

— Я не увольнял тебя. Ну, во всяком случае, не лично я. — Когда она не ответила, Люк спросил: — Ты не собираешься пригласить меня в дом?

Ее волосы были завернуты в полотенце, и холодный воздух вызывал мурашки. Джейн решила позволить ему войти.

— Присаживайся, — сказала она, когда он прошел за ней в гостиную. Потом оставила его одного на минутку, чтобы снять с головы полотенце и расчесать запутавшиеся волосы. Из всех мужчин в мире

Люк был последним, кого она могла представить в своей гостиной.

Джейн расчесалась и высушила волосы полотенцем так хорошо, как только смогла, и на секунду подумала о том, чтобы наложить немного туши и блеска для губ. Но тут же отмела ту мысль. Однако все же сменила очки на линзы.

С мокрыми волосами, кончики которых начали завиваться, Джейн вернулась в гостиную. Люк, повернувшись к ней спиной, изучал фотографии, стоявшие на каминной полке. Его куртка лежала на диване. Он был одет в белую рубашку, манжеты которой были закатаны на его мощных предплечьях. Широкая складка спускалась вниз посередине спины и была заправлена в джинсы «Лаки Брэнд». Бумажник оттопыривал карман, и джинсовая ткань обтягивала ягодицы. Люк посмотрел на Джейн через плечо, взгляд голубых глаз прошелся по всему ее телу: от голых ступней вверх по джинсам и футболке к ее лицу.

— Кто это? — спросил он, указывая на фото, где были изображены Джейн с Каролиной в их шапочках и мантиях, стоявшие на крыльце дома ее отца в Такоме.

— Моя лучшая подруга Каролина и я в тот вечер, когда закончили среднюю школу Такомы.

— Значит, ты всю свою жизнь живешь здесь?

— Да.

— Ты не сильно изменилась.

Джейн встала рядом с ним:

— Сейчас я намного старше.

— Сколько тебе лет? — Люк снова посмотрел на нее через плечо.

— Тридцать.

Он сверкнул белозубой улыбкой, которая обошла ее защиту, согрела ее и заставила пальцы ног на бежевом берберском ковре поджаться.

— Такая старая? Ты выглядишь очень хорошо для своего возраста.

О, Боже. Джейн не хотела видеть в этом заявлении больше, чем он имел в виду. И она была абсолютно уверена, что он ничего не имел в виду. Она не хотела, чтобы он ослеплял ее улыбкой. Она не хотела чувствовать покалывание или теплые вспышки, или чтобы у нее появлялись плохие грешные мыслишки.

— Зачем ты здесь, Люк?

— Мне позвонил Дарби Хоуг, — Счастливчик засунул руку в карман этих джинсов «Лаки» и переступил с ноги на ногу. — Он сказал мне, что тебе предложили вернуться к работе, но ты отказалась.

Она не отказалась. Она сказала, что подумает.

— Какое отношение это имеет к тебе?

— Дарби думает, что я мог бы уговорить тебя вернуться.

— Ты? Ты считаешь меня Ангелом скорби и печали!

— Ты симпатичный Ангел скорби.

О, Боже.

— Дарби зря выбрал тебя. Я не... — она замолчала, потому что не могла солгать и сказать, что он ей не нравится. Он ей нравился. Даже если она не хотела, чтобы он ей нравился. Так что Джейн остановилась на полуправде. — Я даже не знаю, нравишься ли ты мне.

Люк тихо засмеялся, как будто знал, что она лжет.

— Именно это я и сказал Дарби. — Уголки его рта скользнули вверх в улыбке, полной очарования, и он качнулся назад на пятках. — Но он подумал, что я могу заставить тебя передумать.

— Сомневаюсь.

— Я решил, что ты так и скажешь. — Люк подошел к дивану и вытащил что-то из кармана своей кожаной куртки. — Так что я принес тебе искупительную жертву.

Он протянул ей тонкую карманного размера книжку в мягком переплете, перевязанную розовой ленточкой: «Диалоги о хоккее: жаргон, практические знания, то, что вы никогда не узнаете из телевизора».

Потрясенная, Джейн взяла книгу у Люка.

— Ты сделал это?

— Да, и я попросил девушку в книжном магазине завязать на ней бантик.

Он принес ей подарок. Искупительную жертву. Что-то, что она действительно могла использовать. Не то, что обычные мужчины дарят женщинам, типа цветов или шоколада, или дешевого белья. Он подумал над подарком. Он уделил ей внимание. Ей.

— У них не было черной ленточки, так что ей пришлось взять розовую.

Сердце Джейн сжалось, и она поняла, что у нее проблема.

— Спасибо.

— Не за что.

Она смотрела на его улыбку и в его голубые глаза. Большая плохая проблема. Та, что носит белую рубашку и джинсы «Лаки». Та, что встречается с куклами Барби, потому что может делать это.

ГЛАВА 7

Финт: перехитрить соперника

Люк смотрел в зеленые глаза Джейн и знал, что его подарок сработал. Она смягчилась. Люк добился именно того, чего хотел. Но как раз тогда, когда он решил, что получил ее полностью, и она сейчас упадет в его руки как шайба с небес, взгляд Джейн стал осторожным. Она сделала шаг назад и скептически нахмурила брови.

— Дарби посоветовал тебе подольститься ко мне с этим? — спросила она и указала на книгу.

Черт.

— Нет. — Глупый коротышка посоветовал принести ей цветы, но книга была идеей Люка. — Нет, это была моя идея, но все хотят, чтобы ты вернулась обратно и продолжила делать отчеты об играх.

— Верится с трудом, что все хотят, чтобы я вернулась. Особенно тренеры.

Она была права. Не все хотели снова видеть ее, а уж тем более руководство. После позорного поражения в Сан-Хосе команда искала, кого бы обвинить в этом. Что-то такое в воздухе или в расположении звезд... Что-то другое, а не их жалкое выступление. Этим «что-то» оказалась Джейн. Игроки ворчали и скулили в раздевалке, но никто из них не думал, что журналистку уволят.

Особенно Люк. После того как она сказала ему, что нуждалась в работе, он не мог думать ни о чем ином, кроме как о Джейн, оказавшейся на улице из-за каких-то его слов. И судя по размеру ее квартиры, мисс Олкотт, вероятно, на самом деле нуждалась в деньгах. Жилье было чистым, и, что удивительно, не все в нем оказалось черным, но вся квартира легко могла вписаться в гостиную Люка. Он был рад, что пришел.

— Я сказал руководству, что ты наш счастливый талисман, — сказал он. И это было правдой. Джейн назвала его большим тупоголовым придурком, и он, подумать только, провел одну из лучших игр в жизни. А Бресслер сделал свой первый хет-трик в сезоне, после того как она пожалала ему руку.

Губы Джейн сжались:

— Ты действительно веришь в это?

Счастливчик никогда не задавался вопросом об источнике удачи.

— Конечно, но основная причина моего прихода в том, что я знаю, как это, когда нуждаешься в работе, а тебя лишают такой возможности.

Джейн опустила взгляд на свои босые ноги, а Люк разглядывал прядки ее мокрых волос. Кончики начали завиваться у плеч, как будто она накручивала их на палец. Люку стало интересно, что бы он почувствовал, если бы эти локоны обвили вокруг его пальца. Стоя так близко к ней, он вновь понял, какой маленькой она была. Какие у нее узкие плечи, и какой юной она выглядит в футболке Вашингтонского университета. И уже не в первый раз заметил, как ее соски выпирают из-под футболки, и спросил себя, она замерзла или возбудилась? Жар разлился по его венам и сгустился в паху. Люк почувствовал, что стал почти твердым, и чертовски удивился отклику своего тела на Джейн Олкотт, которая была маленькой и плоскогрудой, и слишком умной. Несмотря на все это, он неожиданно для себя самого предложил:

— Может, мы смогли бы начать сначала? Забыть о том, как в нашу первую встречу я предложил помочиться в твой кофе.

Джейн снова подняла глаза. Ее кожа была гладкой и безупречной, а губы полными и розовыми. Люк подумал, были ли ее щеки такими же нежными, как выглядели, и опустил взгляд к ее рту. Нет, она не была его типом женщины, но было в ней что-то, что интриговало его. Возможно, ее чувство юмора и стойкость характера. Возможно, это был не более чем его внезапный интерес к ее мягким кудрям. И напрягшиеся соски.

— Вообще-то, тогда мы встретились не в первый раз, — сказала Джейн.

Люк уставился ей в глаза. Дерьмо. В его жизни было несколько месяцев, которые сейчас казались ему размытым пятном. Когда он делал то, о чем потом только слышал или читал. В то время он жил не в Сиэтле, но точно приезжал сюда с «Детройтом». Он почти боялся ответа, но должен был спросить:

— Когда мы встречались?

— Прошлым летом на вечеринке для прессы.

Люка затопило облегчение, и он чуть не засмеялся. Он бы запомнил, если бы переспал с Джейн прошлым летом. Тогда уже его память не выкидывала коленца.

— Вечеринка для прессы в «Фор сизонс»?

— Нет, в «Кей Арена».

Он наклонил голову и посмотрел на Джейн.

— Тем вечером там было много людей, но я удивлен, что не запомнил тебя, — сказал Люк, хотя на самом деле его это совсем не удивляло. Джейн была не из тех женщин, кого он запомнил бы с первой встречи. И да, он знал, как это характеризует его, и все-таки ему действительно было наплевать. Он вел свою жизнь по определенному пути, смотрел на вещи определенным образом. Он жил так очень долго и чувствовал себя в мире с самим собой. — Хотя, может быть, совсем не удивительно,

поскольку ты, наверное, была в черном, — пошутил он.

— Я точно помню, во что был одет ты, — сказала Джейн, проходя по комнате к кухне. — Темный костюм, красный галстук, золотые часы и блондинка.

Люк позволил своему взгляду скользнуть по ее спине вниз до округлой попки. Все в Джейн было маленьким, но пропорциональным.

— Ты завидовала?

Она посмотрела на него через плечо:

— Из-за часов?

— И из-за них тоже.

Вместо ответа, она зашла на кухню и спросила:

— Хочешь чашечку кофе?

— Нет, спасибо. Я не употребляю кофеин, — Люк пошел за ней, но остановился в дверях узкой кухоньки. — Ты собираешься снова вернуться к работе?

Положив книгу, которую Люк подарил ей, на столешницу, Джейн налила кофе в высокую кружку «Старбакс», затем открыла холодильник и вытащила кварту молока.

— Возможно. — Дверь холодильника была просто увешена стикерами с записями, напоминающими хозяйке дома купить все: от уксуса и крекеров до «Кометы». — Насколько это важно? — спросила Джейн, отставляя молоко и закрывая холодильник.

— Для команды или лично для меня?

Она поднесла кружку к губам и посмотрела на него:

— Лично для тебя.

Джейн собиралась воспользоваться изменившейся ситуацией. Выжать из этого все возможное для себя. Люк не мог сказать, что не сделал бы то же самое, если бы был на ее месте.

— Я принес тебе искупительную жертву.

— Знаю и ценю этот жест.

Она была хороша. Может, стоит уволить Хоуи и нанять мисс Олкотт вести переговоры о его следующем контракте.

— Чего ты хочешь?

— Интервью.

Люк сложил руки на груди.

— Со мной?

— Да.

— Когда?

— После того, как у меня будет время провести кое-какие исследования и собрать все вопросы вместе.

— Ты знаешь, что я терпеть не могу интервью.

— Знаю, но я сделаю это безболезненным.

Качнувшись на пятках, он посмотрел вниз на ее футболку:

— Насколько безболезненным?

— Я не буду задавать личные вопросы.

Она все еще мерзла, и, наверное, ей следовало бы надеть толстовку или что-то еще.

— Что ты подразумеваешь под словом «личные»?

— Не беспокойся, я не буду спрашивать о твоих женщинах.

Его взгляд скользил по изящной впадинке ее горла, мимо губ к глазам.

— Кое-что из того, о чем ты, вероятно, читала, неправда, — сказал Счастливец, не понимая, почему защищается перед ней.

Джейн подула на кофе.

— Кое-что?

Опустив руки, Люк пожал плечами:

— Я бы сказал, по крайней мере, пятьдесят процентов из этого было придумано ради продаж книг и газет.

— Какие же пятьдесят процентов правда? — она улыбнулась уголком рта поверх чашки с кофе.

Джейн выглядела так привлекательно, глядя на него, улыбаясь, что Люк почти почувствовал желание сказать ей.

— Не для записи?

— Конечно.

Почти.

— Не твое дело. Я не говорю о женщинах в своем прошлом или о периоде моей реабилитации.

— Достаточно справедливо, — Джейн опустила кружку. — Я не буду спрашивать ни о чем, касающемся твоего восстановления или твоей сексуальной жизни. Об этом было достаточно написано, и все это сплошная скука.

Скука? Его сексуальная жизнь не была скучной. За последнее время он был не очень активен в этом деле, но то, что он делал, не было скучным. Ну... может быть совсем немного. Нет, «скука» — неправильное определение. Слишком сильное. В последнее время что-то исчезло из его сексуальной жизни. Кроме самого секса. Люк не знал, что было этим «что-то», но когда он разрешит ситуацию с Мари, у него появится больше времени, чтобы выяснить это.

— И кроме того, — добавила Джейн, — я не хочу, чтобы то, что ты расскажешь мне о себе, разбило мои иллюзии о тебе.

— Какие иллюзии? — он прислонился плечом к дверному косяку. — Что у меня каждую ночь секс втроем?

— Разве нет?

— Нет, — Люк посмотрел на нее, стоящую здесь и рассуждающую о том, что его сексуальная жизнь — полнейшая скука, и решил немножко смутить ее. Совсем чуть-чуть тем, о чем она, вероятно, все равно прочитала бы. — Я однажды пробовал это, но девушки больше интересовались друг другом, чем мной. Что не очень хорошо влияло на мою самооценку.

Джейн начала смеяться, и Люк не смог вспомнить, когда в последний раз был наедине с женщиной в ее квартире, смеялся и разговаривал, не пытаясь подтолкнуть свою собеседницу к спальне. Это оказалось даже приятно.

Вечером после визита Люка Джейн сидела рядом с Дарби в ложе прессы на игре «Чинуков» против «Ванкувер Кэнакс». Под крышей арены, построенной в виде пирамиды, в центре висело восьмиугольное табло с четырьмя видеэкранами. Огни высвечивали зеленый логотип «Чинуков» внизу в центре льда. Лазерное шоу перед игрой должно было вот-вот начаться. Оставалось полчаса

до вброса шайбы, но Джейн уже держала наготове пачку бумаги и диктофон в портфеле. Она вернулась и была взволнована этим сильнее, чем хотела показать. Все руководство, за исключением Дарби, еще должно было прийти, и Джейн спрашивала себя, окатят ли они ее холодным душем. Она посмотрела на Хоуга:

— Спасибо за то, что вернули мне работу.

Его руки лежали на коленях, пока он смотрел за пределы арены. Сегодня Дарби использовал немного меньше геля для волос, чем обычно, но под его голубым пиджаком все-таки имелся верный «страж кармана».

— Это был не только я. Игроки чувствовали себя неловко, после того как вы пришли в раздевалку и пожелали им удачи. Они думали, что тот, кто так отважен, должен получить свою работу обратно.

— Они захотели вернуть меня, потому что решили, что теперь я приношу им удачу.

— И это тоже, — сказал Хоуг и, улыбнувшись, посмотрел на лед внизу. — Что вы делаете в следующую субботу?

— Разве мы не будем в пути?

— Нет, мы уезжаем на следующий день.

— Тогда ничего, — пожала Джейн плечами. — А что?

— Хью Майнер устраивает банкет по поводу выхода в отставку в «Спейс-Нидл».

Имя звучало знакомо, но она не могла вспомнить почему.

— Кто такой Хью Майнер?

— Голкипер «Чинуков» с 1996 года до завершения карьеры в прошлом году. Я бы удивился, если бы вы не захотели пойти.

— С вами? На свидание? — спросила она, как будто Дарби был сумасшедшим.

Его бледные щеки покраснели, и Джейн поняла, что все получилось не так.

— Это не обязательно должно быть свидание, — сказал Хоуг.

— Эй, я имела виду не то, что сказала, — она похлопала его по плечу. — Вы знаете, что я не могу встречаться ни с кем, кто связан с «Чинуками». Это лишь вызовет еще больше разговоров и слухов.

— Да, я понимаю.

Теперь Джейн чувствовала себя по-настоящему неудобно. У него, вероятно, были проблемы со свиданиями, а она посыпала соль на рану.

— Думаю, мне надо будет принарядиться.

— Да, нам велено явиться в смокингах, — менеджер, наконец, посмотрел на нее. — Я подъеду за вами на лимузине, так что вам не придется садиться за руль.

Как она могла сказать нет?

— Во сколько?

— В семь. — Зазвонил мобильный телефон Дарби, и он отвлекся на звонок. — Да, — сказал Хоуг. — Прямо здесь. — Он взглянул на Джейн. — Прямо сейчас? Хорошо. — Нажав на отбой, он убрал телефон в чехол, висящий на ремне. — Тренер Найстром хочет видеть вас в раздевалке.

— Меня? Зачем?

— Он не сказал.

Джейн засунула ноутбук в сумку и вышла из ложи для прессы. В лифте нажала кнопку нулевого этажа и прошла по коридору в раздевалку, раздумывая, не будет ли снова уволена. Если так

случится, она боялась, что в этот раз просто придет в ярость.

Когда Джейн вошла в раздевалку, «Чинуки» уже экипировались и выглядели впечатляюще в своих доспехах. Они сидели перед шкафчиками, слушая тренера, и журналистка остановилась прямо в дверях, пока Ларри Найстром говорил о слабости во второй линии «Ванкувера» и о том, как нужно вести игру против их вратаря. Джейн нашла взглядом Люка. Тот надел свои огромные вратарские щитки и белый свитер с зелено-голубым логотипом спереди. Его перчатки и шлем лежали рядом, а он смотрел на что-то под коньками. Затем Счастливчик поднял взгляд, и его глаза встретились с ее. В течение нескольких ударов сердца он просто смотрел на нее, затем его голубые глаза начали медленное путешествие вниз по ее серому свитеру, по черной юбке и чулкам к ее черным грошовым мокасинам. Его интерес был вызван скорее любопытством, а не сексуальным желанием, но этот осмотр пригвоздил ее к месту и заставил почувствовать тяжесть в груди.

— Джейн, — обратился к ней Ларри Найстром. Она оторвала взгляд от Люка и посмотрела на тренера. Тот жестом подозвал ее вперед, и она подошла, чтобы встать рядом с ним.

— Давайте повторите то, что вы сказали игрокам в прошлый раз.

Джейн сглотнула.

— Я не могу вспомнить, что я говорила, тренер.

— Что-то о том, чтобы мы натянули штаны, — подсказал Фиш — И что путешествие с нами было опытом.

Все игроки выглядели такими серьезными, что Джейн чуть не засмеялась. До сегодняшнего дня она никогда по-настоящему не верила, что они так суеверны.

— Хорошо, — сказала она, изо всех сил напрягая память. — Натяните штаны, джентльмены, я хочу кое-что сказать, и это займет всего несколько минут. Больше я не буду путешествовать с вами и хочу, чтобы вы знали, что путешествие со всеми вами было опытом, который я не забуду.

Они все заулыбались и закивали. Все, кроме Петера Пелузо.

— Вы говорили что-то о синхронном сбрасывании раковин. Я это помню.

— Точно, Шарки, — согласился Роб Саттер. — Я тоже это помню.

— И вы сказали, что надеетесь, что в этот год мы выиграем Кубок, — добавил Джек Линч.

— Да, это важно.

Это действительно имело значение? Тьфу!

— Мне начать с самого начала?

Все игроки кивнули, и Джейн закатила глаза.

— Натяните штаны, джентльмены, я хочу кое-что сказать, и это займет всего несколько минут, и мне не надо этого вашего дерьма с синхронным сбрасыванием штанов, — или чего-то в этом роде. — Больше я не буду путешествовать с вами и хочу, чтобы вы знали, что путешествие со всеми вами, парни, было опытом, который я не забуду. Надеюсь, в этом году вы выиграете Кубок Стэнли.

Они все выглядели довольными, и Джейн решила, что лучше уйти, прежде чем они сведут ее с ума.

— Теперь вы должны подойти и пожать мне руку, — сообщил ей капитан Марк Бресслер.

— О, точно, — она подошла к нему и взяла его ладонь. — Удачи в игре, Марк.

— Нет, вы сказали Хитмэн.

Это было просто невероятно.

— Удачи в игре, Хитмэн.

Он улыбнулся:

— Спасибо, Джейн.

— Всегда пожалуйста. — Она услышала, что снаружи началась развлекательная программа перед игрой, и снова направилась к двери.

— Ты не закончила, Джейн.

Она повернулась и посмотрела через комнату на Люка. Тот встал и поманил ее пальцем.

— Подойди.

Ни за что. Ни за что она не будет называть его придурком перед парнями.

— Ну же.

Джейн посмотрела на лица других игроков. Если вратарь сыграет плохо, они обвинят ее. Она тащилась по плотному ковру с логотипом «Чинуков» в центре так, как будто ее ноги были налиты свинцом.

— Что? — спросила она, остановившись перед Люком. В коньках он был еще выше, чем обычно, и Джейн пришлось задрать голову.

— Ты должна сказать то, что сказала мне в прошлый раз. На удачу.

Именно этого она и ожидала, но попыталась отказать:

— Ты так хорош, что не нуждаешься в удаче.

Счастливчик взял ее за руку и мягко притянул ближе:

— Ну же, давай.

Его горячая ладонь согревала ее через свитер.

— Не заставляй меня, Люк, — сказала Джейн так, чтобы слышал только он. Она почувствовала, как ее лицо запылало. — Это слишком неудобно.

— Шепни мне на ухо.

Скрип кожаных щитков наполнил исчезающее пространство между ними, когда он склонился к ней. Аромат его шампуня и крема для бритья, смешавшийся с запахом кожи его защитной амуниции, наполнил ее ноздри.

— Ты тупоголовый придурок, — прошептала она рядом с его ухом.

— Неправильно, — он покачал головой, и его щека на секунду коснулась ее. — Ты забыла большой.

О, Боже. Прежде чем все закончится, она или умрет от стыда, или грохнется в обморок, или взорвется от сдерживаемой страсти. На самом деле Джейн не хотела ни одного из трех возможных вариантов. Особенно последнего, но уровень тестостерона Счастливчика подобно мощному силовому полю притягивал ее против воли. Джейн закрыла глаза и сжала колени, чтобы не прижаться к нему.

— Ты большой тупоголовый придурок.

— Спасибо, любимая. Я тебе очень признателен.

Любимая. Джейн открыла глаза. Он повернул голову так, что его губы оказались в миллиметре от ее, и улыбнулся.

— Мне надо будет делать это перед каждой игрой? — выдавила она, хотя ее голос звучал более хрипло, чем ей бы хотелось.

Казалось, Люк этого не заметил. Он выпрямился, и тоненькие морщинки появились в уголках его глаз.

— Боюсь, да.

Наконец-то она почувствовала, что снова может дышать.

— Я прошу повысить мне зарплату.

Он скользнул своей большой теплой ладонью вверх по ее руке до плеча, легко погладил по щеке и потом отпустил руку.

— Попроси также об увеличении представительских расходов. В следующий раз, когда мы будем в пути, я собираюсь отыграть те пятьдесят баксов, которые проиграл в дартс.

Джейн покачала головой и повернулась, чтобы уйти.

— Даже не мечтай, Люк, — бросила она через плечо.

Она прошла обратно в ложу для прессы и снова села рядом с Дарби. «Кинг-5» были здесь, также как и «И-эс-пи-эн», ведущие трансляцию о битве «Чинуков» с «Ванкувером». С Люком Мартино́, надежно защищающим ворота, Сиэтл вышел победителем со счетом 3–1 в этой схватке. Казалось, Счастливчик без всякого напряжения ловил шайбы из воздуха и напомнил всем, кто смотрел на это, почему именно он считается главным вратарем команды.

После игры в раздевалке игроки отвечали на вопросы Джейн. Хотя они не перестали снимать свои штаны, их раздевание уже не казалось таким точно рассчитанным.

Той ночью, отправив статью в газету, Джейн позвонила Каролине и осчастливила подругу на день, неделю и на год вперед всего четырьмя простыми словами.

— Мне нужен новый облик, — сказала она, как только Каролина сняла трубку.

— Кто это?

— Очень смешно. На следующей неделе я должна отправиться на фантастический банкет, и мне нужно хорошо выглядеть.

— Спасибо тебе, Боже, за этот подарок, который я вот-вот получу, — прошептала Каролина. — Я ждала этого столько лет. Первое, что нужно сделать, это встретиться с Вондой.

— Кто такая Вонда?

— Женщина, которая обработает тебя горячим воском и придаст форму твоей шевелюре.

Джейн посмотрела на трубку в своей руке.

— Горячий воск?

— И волосы.

— Последний раз, когда я позволила тебе дотронуться до своих волос, я выглядела как Билли Томас.

— Это было в десятом классе, и в этот раз прическу буду делать не я. После этого мы отведем тебя к Саре, которая работает в «Нордстроме», у витрины МАС. Это женщина — настоящий художник.

— Я думаю, хватило бы немного туши и блеска для губ. Милого черного коктейльного платья и какой-нибудь дешевой обуви.

— И мы получили сегодня фантастические туфли Феррагамо, — быстро заговорила Каролина, как будто не слышала Джейн. — Красные. Они будут идеально смотреться вместе с платьем от Бетси Джонсон, которое я видела наверху.

ГЛАВА 8

Бумер: удар рукой

Люк одернул манжеты на запястьях, затем застегнул запонки из оникса. Этим утром на тренировке он услышал, что вечером на банкете Джейн будет вместе с Дарби. Ему стало любопытно посмотреть,

что же она наденет. Несомненно, что-нибудь черное.

Он не разговаривал с ней после матча с «Ванкувером». Две последние игры проводил второй голкипер, давая Люку столь необходимую тому передышку, поэтому у него не было шанса поговорить с Джейн. Не то чтобы у него было что-то, что он хотел сказать ей. Но ему нравилось разговаривать с этой занудой-репортером, нравилось слегка подначивать ее и наблюдать за реакцией. Чтобы увидеть, засмеется Джейн, или зеленые глаза сузятся, а губы сожмутся. Или, может, он вызовет румянец на ее щеках.

Пристегивая темно-серые подтяжки к поясу брюк с защипами, Люк размышлял, не свидание ли сегодня у Джейн с Дарби. Да нет, он так не думал. По крайней мере, ему не нравилось так думать. Джейн была вспыльчивой и острой на язык, и заикленные всезнайки ей совсем не подходили. Особенно этот заикленный всезнайка. Не секрет, что Дарби возражал против покупки Мартинò «Чинуками», и что эти двое терпели друг друга только потому, что должны были. Насколько Люк понимал, Дарби Хоуг был бесхребетным, тогда как у Джейн имелся характер. Люк подозревал, что именно это ему нравилось в ней. Она не бежала от неприятностей. Она встречала их с высоко поднятой головой. Всеми своими ста пятьюдесятью двумя сантиметрами.

Взяв черный галстук-бабочку, Люк подошел к зеркальным дверцам шкафа, аккуратно положил ленту под воротничок и продел один конец в другой. Неудовлетворенный длиной концов с каждой стороны, развязал галстук и начал сначала. Понадобились три попытки, прежде чем бабочка была завязана идеально. Обычно Люк не утруждался надеванием смокинга и посещением банкетов — особенно в честь своих коллег-голкиперов — но в сегодняшнем вечере не было ничего обычного. Сегодня его маленькая сестренка собиралась на танцы в школу с парнем, у которого был проколот нос.

Люк взял свои часы с прикроватной тумбочки и застегнул их на запястье, направляясь в комнату Мари. Он не собирался уходить, пока ее парень не явится за ней. Люк знал, что творится в мозгах у подростков, и планировал пообщаться с этим Заком и дать ему понять, что когда Мари вернется, ее старший брат будет дома. Он должен быть здесь, чтобы чуть сильнее, чем нужно пожать Заку руку, наградить его не-путайся-с-моей-сестрой взглядом и вселить в парня страх. Люк Мартинò, возможно, не был хорошим братом, на самом деле, он даже рядом не стоял с хорошим, но пока Мари с ним, он будет защищать ее.

Все разговоры о школе-интернате Люк решил отложить до какого-нибудь подходящего момента после танцев. Сестренка так радовалась, выбирая платье и туфли, что он просто не мог сейчас говорить с ней об этом.

Постучав в дверь, Люк, когда Мари промямлила что-то в ответ, вошел в комнату. Он ожидал увидеть сестру в черном бархатном платье с квадратным вырезом, пышными рукавами и маленькими вышитыми розами. Вчера она показала ему свой наряд, и Люк подумал, что платье на самом деле очень милое для девочки ее возраста. Вместо того чтобы одеваться, Мари лежала на кровати в пижаме. Ее волосы были забраны в конский хвост. И она плакала.

— Почему ты не собираешься? Твой парень будет здесь через несколько минут.

— Нет, не будет. Он позвонил вчера вечером и все отменил.

— Он заболел?

— Он сказал, что забыл, что должен кое-что сделать с семьей и не может пойти со мной. Но это

вранье. У него теперь есть подружка, и он идет с ней.

Что-то белое и горячее вспыхнуло у Люка в глазах. Что-то, от чего он стиснул зубы и сжал кулаки.

Никто не имеет права продинамить его сестру и заставить ее плакать.

— Он не может так поступать, — Люк прошел дальше в комнату и посмотрел на Мари. — Где он живет? Я поговорю с ним. Я заставлю его пойти с тобой.

— Нет, — Мари, задохнувшись от обиды, села на край кровати. Глаза девочки были огромными, когда она подняла их на Люка. — Это так стыдно!

— Хорошо, я не буду заставлять его взять тебя на танцы. — Сестренка была права. Если ее навяжут парню, она окажется в неловком положении. — Я просто пойду туда и надеру ему задницу.

Темные брови Мари взлетели до волос.

— Он несовершеннолетний.

— Дельное замечание. Ну, хорошо, я надеру задницу его отцу. Тот, кто учит сына обманывать девочек, заслуживает хорошего пинка под зад просто из принципа, — Люк говорил серьезно, но по какой-то причине это вызвало улыбку у Мари.

— Ты бы надрал задницу мистеру Андерсону из-за меня?

— Я имел в виду попу. Не задницу. Конечно, я бы сделал это. — Люк сел рядом с сестрой. — И если бы я не смог справиться с этим делом, я знаю несколько хоккеистов, которые бы показали ему, где раки зимуют.

— Это точно.

Люк взял сестру за руку и посмотрел на ее короткие ногти.

— Почему ты не сказала мне, что он позвонил и все отменил?

Мари отвернулась:

— Я не думала, что это действительно волнует тебя.

Свободной рукой Люк повернул голову девочки к себе:

— Как ты можешь говорить такое? Конечно, волнует. Ты же моя сестра.

— Я просто не думала, что тебя заботит такая мелочь, как танцы, — Мари пожала плечами.

— Ну, ты, наверно, права. Я не особо волнуюсь о танцах и плясках. Я никогда не ходил на дискотеки в своей школе, потому что... — он остановился и подтолкнул ее руку локтем. — Из меня никудышный танцор. Но меня волнуешь ты. — Уголок ее рта опустился, как будто она не верила ему. — Ты моя сестра, — снова сказал Люк, как будто здесь нечего было объяснять. — Я говорил тебе, что всегда буду защищать тебя.

— Знаю, — она смотрела на свои колени. — Но защищать и заботиться — разные вещи.

— Для меня нет, Мари. Я не защищаю людей, о которых не забочусь.

Мари выдернула руку из ладони брата, встала и прошла через комнату к столику с кучей браслетов, плюшевых мишек и четырьмя засохшими розами наверху. Люк знал, что белые розы были с гроба ее матери. И не понимал, почему девочка взяла их или почему хранила до сих пор, особенно когда они заставляли ее плакать.

— Я знаю, что ты хочешь отослать меня, — сказала Мари, повернувшись к нему спиной.

Черт! Люк не знал, как Мари это обнаружила, но полагал, что это не важно.

— Я думаю, что ты могла бы быть счастливей, если бы жила с девочками своего возраста, а не со мной.

— Не ври, Люк. Ты хочешь избавиться от меня.

В самом деле? Было ли желание избавиться от нее, чтобы он мог вернуться к своей жизни, основной причиной для поисков школы-интерната? Может быть, это оказалось немного ближе к правде, чем ему хотелось признавать. От чувства вины, которое Люк больше не мог игнорировать, у него по шее пробежали мурашки, когда он встал и подошел к сестре.

— Не буду врать тебе, — он положил руку на ее плечо и повернул лицом к себе. — Правда в том, что я не знаю, что делать с тобой. Я ничего не знаю о девочках-подростках, но знаю, что ты несчастна. И хочу исправить это, но не знаю как.

— Я несчастна, потому что моя мама умерла, — тихо сказала Мари. — И никто, и ничто не сможет исправить это.

— Знаю.

— И я никому не нужна.

— Эй, — Люк сжал ее плечо. — Ты нужна мне, и я знаю, что ты нужна тете Дженни.

Вообще-то Дженни хотела, чтобы Мари приезжала «только на лето», но девочке не нужно было этого знать.

— На самом деле, она угрожала обратиться в суд по семейным делам, чтобы потребовать опеку. Я думаю, она представила вас обеих в одинаковых халатах.

Мари сморщила носик:

— Как получилось, что я никогда не слышала об этом?

— В то время у тебя было достаточно других проблем, — уклонился от ответа Люк. — У меня больше денег, чем у тети Дженни, и если бы дело дошло до суда, она бы проиграла.

Мари нахмурилась:

— Дженни на пенсии и живет в деревне.

— Да, но давай найдем в этом и что-то хорошее: она бы готовила тебе свой особый сливовый пудинг каждый вечер.

— Фу!

Люк улыбнулся и отогнул манжету рукава, чтобы посмотреть на часы. Банкет вот-вот начнется.

— Мне надо идти, — сказал Люк, но не мог заставить себя оставить Мари одну. — Почему бы тебе не надеть свое новое платье и не пойти со мной?

— Куда?

— На банкет в «Спейс-Нидл»

— К старикам?

— Ну, не совсем к старикам. Будет весело.

— Разве тебе не нужно уже идти?

— Я подожду тебя.

— Ну, я не знаю, — сестра пожала плечами.

— Пойдем. Там будет пресса, и, может быть, в газете появится твоя фотография, такая красивая, что старина Зак сам себе надерет задницу.

— Ты имел в виду попу? — засмеялась Мари.

— Точно. Попу, — он подтолкнул сестру к шкафу. — Шевели своей попой, — сказал Люк, выходя из комнаты и закрывая за собой дверь. Потом взял смокинг и направился в гостиную, чтобы там

подождать Мари. Застегивая пиджак, Люк надеялся, что сестренка в самом деле пошевелит своим хвостовым оперением, но, как и всем женщинам, которых он знал, ей требовалось время, чтобы подготовиться.

Люк стоял перед восьмифутовыми окнами и смотрел на город. Дождь прекратился, но капли все еще висели на стекле, делая расплывчатым блистающий вид ночного Сиэтла: возвышающиеся небоскребы и бухта Эллиота внизу. Люк купил эту квартиру только из-за вида: а если пройти через кухню или через спальню на другую сторону, окажешься на балконе, откуда открывалась панорама «Спейс-Нидл» и северной части Сиэтла.

Вид из множества окон был впечатляющим, но Люку пришлось признать, что он не воспринимает это место как свой дом. Возможно, из-за современной архитектуры или, может быть, из-за того, что он никогда прежде не жил на верхнем этаже и поэтому чувствовал себя как в отеле. Если бы он открыл окна или вышел на балкон, звуки машин и автобусов добрались бы до девятнадцатого этажа и тоже напомнили бы ему об отеле. Хоть ему и начинал нравиться Сиэтл и все, что город мог предложить, иногда у Люка возникало неясное беспокойство, желание поехать домой.

Когда Мари, наконец, появилась из своей спальни, на ней было маленькое ожерелье из горного хрусталя и подходящий к нему ободок, убравший локоны с ее лица. Волосы оказались очень красивыми, но платье... платье смотрелось на ней ужасно. Примерно на два размера меньше. Черный бархат слишком сильно обтягивал ее грудь и спину, а узкие рукава врезались в кожу. Хотя обычно Мари носила огромные футболки и свитера, Люк знал, что она не была толстой. И все же в этом платье казалась жиртрестом.

— Как я выгляжу? — спросила сестра, поворачиваясь кругом.

Шов на задней части платья съехал по спине влево.

— Ты просто красавица.

Выше плеч она выглядела отлично. Ее серебристые тени казались немного странными, хотя их блеск напоминал тот тип глиттера, который Люк использовал в начальной школе.

— Какого размера это платье? — спросил он и по взгляду, которым сестра наградила его, тут же понял свою ошибку. Ведь знал же, что лучше не спрашивать женщину о размере ее нарядов. Но Мари не была женщиной. Она была девочкой. И она была его сестрой.

— А что?

— Ты всегда носишь большие футболки и брюки, и я не знаю, какой у тебя размер, — сымпровизировал он, помогая ей надеть шерстяной пиджак.

— А-а, сороковой. Можешь поверить, что мне подошел сороковой размер?

— Нет. Сороковой — это даже не размер. И если у тебя сороковой, тебе надо потолстеть, может быть, съесть немного картофельного пюре с подливкой. Запивая его какими-нибудь взбитыми сливками.

Мари засмеялась, но Люк не шутил.

Поездка до «Спейс-Нидл» была короткой, но к тому времени, как Люк заглушил двигатель своего «Лэнд Крузера», они опаздывали уже на целый час. Уровень «Скайлайн» в «Нидл» находился на отметке ста футов внутри здания. В «Скайлайне» был панорамный обзор города на триста шестьдесят градусов. Люк с Мари прибыли как раз к началу основного торжества. Когда они вышли из лифта, их ударило волной разнообразного шума: гул сотен голосов, звон очищаемых тарелок и

звуки, издаваемые группой из трех человек, настраивающих инструменты. Море черных смокингов и ярких платьев, которые смешались в беспорядке в приглушенном свете помещения. Люк бывал здесь прежде. Не в этом месте, не по этому поводу, но на сотне или около того подобных банкетов, которые он посетил за время своей карьеры в НХЛ.

Вешая пиджак Мари, Люк заметил Саттера, Фиша и Гризелла и представил сестру своим товарищам по команде. Те начали расспрашивать Мари про школу, но чем больше говорили с ней, тем больше девочка пряталась за спину брата, пока не спряталась за него почти совсем. Люк не знал, была она испугана или смущена.

— Ты видел Шарки? — спросил Фиш.

— Джейн? Нет, я не видел ее. А что? — Тот поднял свое пиво и пожал плечами. — Где она?

Фиш оторвал палец от стакана и указал на женщину, стоящую спиной к Люку в нескольких футах от него. У нее были короткие локоны. Вырез на платье без бретелек, глубокого красного цвета, спускался до поясицы, а между лопатками свисала тонкая золотая цепочка, переливаясь в свете ламп и отбрасывая золотые блики на белую кожу. Платье свободно спускалось по бедрам незнакомки и доходило ей до икр. На ногах у нее были блестящие красные туфли с восьмисантиметровыми шпильками. Она разговаривала с двумя другими женщинами. В одной Люк узнал жену Хью Майнера, Мей. В последний раз они виделись в сентябре, когда та была на девятом месяце беременности. Другая женщина показалась ему смутно знакомой, и он подумал, не мог ли видеть ее в «Плэйбое». Ни одна из женщин не походила на Джейн.

— Кто та женщина в черном? — спросил Люк, указывая на девушку с обложки.

— Жена Ковальски.

Люк повернулся к товарищам по команде. Теперь он знал, почему она казалась знакомой. Их с Джоном фотография висела на стене в офисе тренера Найстрома.

— Ковальски здесь?

Джон Ковальски был легендой хоккея и являлся капитаном «Чинуков» до самого завершения карьеры. Ковальски не только подавлял своими размерами, но после его щелчка с дальней дистанции шайба летела со скоростью сто миль в час. На планете не было голкипера, который хотел бы встретиться со Стеной один на один.

Люк оглядывал зал, пока не увидел Хью и Джона, стоящих с группой менеджеров. Они все над чем-то смеялись, и Люк снова обратил внимание на женщину в красном. Он пробежал взглядом по ее гладкой спине и шее до темных локонов на голове. Фиш ошибся. Джейн носила черное или серое, и у нее были волосы до плеч.

Люк потянулся к верхней пуговице своего пиджака, когда Дарби Хоуг подошел к женщине в красном и сказал что-то ей на ухо. Она повернулась в профиль, и рука Счастливого застыла. Ангел скорби и печали сегодня не надел черное. И она постригла волосы.

— Я хочу тебя познакомить еще кое с кем, — сказал Люк Мари. Они начали пробираться через толпу гостей, но их остановила Бека Браммет, которая была королевой красоты ростом сто семьдесят восемь сантиметров и иногда подружкой Люка. Он встретил ее на благотворительном вечере прошлым летом и за несколько часов узнал о ней три вещи: ей нравилось белое вино, мужчины с деньгами, и она была натуральной блондинкой. Он не видел ее с тех пор, как Мари стала жить с ним. Люк быстро познакомил Беку с сестрой и снова повернулся к Джейн. Та смеялась над какими-то

словами Дарби, и Люк не мог себе представить, что маленький проныра в состоянии сказать что-нибудь хоть отдаленно напоминающее смешное.

— Я давно тебя не видела, — сказала Бека, привлекая внимание Люка. Она выглядела так же эффектно, как и обычно, в шелковом платье, которое обнажало ложбинку между ее грудями. В жизни Счастливики было много таких вот Бек. Красивых женщин, которые хотели быть с ним, потому что он был Люком Мартино́ — знаменитым вратарем. Некоторые из них стали подругами, другие нет. Но он стоял рядом со своей сестрой, одетой в платье не по размеру, пытающейся спрятаться за его спиной, и не хотел, чтобы она открыла для себя эту часть его жизни.

— Я много времени провожу в дороге. — Люк положил руку на спину Мари. — Рад был увидеть тебя, — сказал он и пошел дальше, оставив Беку с тоской смотреть ему вслед. Он побыстрее утащил сестру, прежде чем та смогла понять истинную природу их отношений с Бекой. Ему не хотелось, чтобы Мари хоть на одну секунду решила, что случайный секс — хорошая вещь. Он хотел, чтобы она знала, что достойна лучшего. И да, он понимал, что это делает из него ханжу, но ему было наплевать.

— Джейн, — сказал он, подходя к женщине в красном. Та посмотрела через плечо, и мягкий завиток упал ей на глаз. Она отбросила его назад и улыбнулась. Короткие волосы делали Джейн юной и такой чертовски привлекательной. Люк не смог удержаться от ответной улыбки. Новая стрижка заставляла глаза Джейн выглядеть больше, и она нанесла макияж, который сделал ее взгляд соблазнительным, сексуальным, а губы были накрашены темно-красной помадой, его любимой. Температура в комнате, казалось, увеличилась на несколько градусов, и Люк расстегнул пиджак.

— Привет, Люк, — ее голос тоже был соблазнительным.

— Мартино́, - сказал Дарби.

— Хоуг. — Держа руку на спине Мари, Люк заставил сестру стоять на месте. — Это моя пара, Мари, — произнес он. Взгляд Джейн ясно сказал ему, что она подумала о том, что его следует арестовать. — Мари — моя сестра.

— А-а, тогда беру обратно свои мысли о тебе, — Джейн протянула руку и улыбнулась Мари. — Мне нравится твое платье. Черный — мой любимый цвет.

Люк решил, что это сильное преуменьшение.

— Вы уже встречались с Мей Майнер и Джорджиной Ковальски? — спросила Джейн и пододвинулась, чтобы Мари и Люк смогли оказаться в их группе.

Люк повернулся к жене Хью, маленькой блондинке с большими карими глазами и очень легким макияжем. Она была одной из этих «естественных» девушек. Как Джейн. За исключением сегодняшнего вечера. Сегодня Джейн накрашила губы. Он пожал руки обеим женщинам, затем сказал:

— Я встречался с Мей в прошлом сентябре.

— Тогда я была на девятом месяце беременности, — миссис Майнер покопалась в своей черной сумочке и вытащила фото. — Это Натан.

Джорджина протянула ему свой снимок:

— Это Лекси, когда ей было десять, а это ее младшая сестра Оливия.

Люка не особо интересовали фотографии детей — серьезно — но он удивлялся, почему родители всегда считают, что он хочет посмотреть на них.

— Милые детки, — он изучил картинки, затем вернул фотографии женщинам.

Все снова начали обсуждать выступления, которые он пропустил, опоздав, и у Люка появилась возможность изучить платье Джейн. Спереди было глубокое декольте, открывающее ее маленькую грудь, и Люк мог поспорить, что если бы она слегка пожала плечами, он смог бы увидеть еще больше. В комнате было жарко, и все же ее соски натянули ткань платья, как будто Джейн сильно замерзла.

— Люк, — сказала Мари, отвлекая его от созерцания платья. Он взглянул на сестру через плечо. — Ты знаешь, где здесь туалет?

— Я знаю, — ответила за него Джейн. — Пойдем, я провожу тебя. — В своих туфлях с огромными каблуками Джейн была примерно одного роста с Мари. — По пути ты можешь рассказать мне все грязные секреты брата, — добавила она, когда они уходили.

Люк решил, что находится в полной безопасности, поскольку Мари не знала ни одного его секрета. Грязного или какого-то другого. Девушек вскоре поглотила толпа народа, и когда Люк повернулся обратно, Мей и Джорджина извинились и оставили его наедине с Дарби.

Хоуг заговорил первым:

— Я заметил, как ты смотришь на Джейн. Она не в твоём вкусе.

— А что же у меня за вкусы? — Люк отодвинул полу смокинга и засунул руку в карман.

— Хоккейные фанатки.

Люк никогда не общался с хоккейными фанатками, и он вообще больше не был уверен, кто в его вкусе. Не тогда, когда смотрел на Джейн Олкотт и спрашивал себя, что бы она делала, если бы он затащил ее в прачечную и поцелуями стер с губ красную помаду. Если бы пробежал пальцами по позвоночнику, скользнул рукой вперед и обхватил ее маленькую грудь. Конечно, он никогда не смог бы сделать это. Не с Джейн.

— А тебе-то что?

— Мы с Джейн друзья.

— Разве не ты позвонил мне и попросил уговорить ее снова вернуться на работу?

— Это был всего лишь бизнес. Если ты спутаешься с ней, она может потерять работу. Навсегда. Я сильно разозлюсь, если ты сделаешь что-то, что причинит ей боль.

— Ты мне угрожаешь? — Люк посмотрел сверху вниз на бледное лицо Дарби и почти почувствовал уважение к этому парню.

— Да.

Счастливчик улыбнулся. Может быть, Дарби и не был бесхребетным чудилой, которым он его всегда считал. Зазвучали первые аккорды музыки, и Люк отошел. Звуки какого-то подобия джазового дерьма, действующего ему на нервы, наполнили помещение, и он направился к главному гвоздю вечера — Хью Майнеру. Джон Ковальски присоединился к ним, и мужчины заговорили о хоккее, обсуждая шансы «Чинуков» на победу в Кубке в этом году.

— Если в команде никто не заболит, — предсказал Хью, — у нас есть отличная возможность выиграть Кубок.

— И если снайпер сумеет обойтись без травм, — добавил Стена.

Они заговорили о том, чем занимались после завершения карьеры. Хью вытащил бумажник из заднего кармана брюк и открыл его:

— Это Натан.

Люк не стал утруждаться, сообщая ему, что уже видел эту фотографию.

ГЛАВА 9

Лед тронулся: неожиданный бросок

Джейн вытерла руки бумажным полотенцем и бросила его в мусорную корзину. Посмотрев в зеркало над раковиной, она едва узнала себя. И не была уверена, что это хорошо.

Потом открыла маленькую сумочку, которую позаимствовала у Каролины, и вытащила тюбик красного блеска для губ. Мари присоединилась к ней у раковины, и Джейн изучала сестру Люка, пока та мыла руки. У брата и сестры не было никакого сходства, если не считать их глаз одинакового оттенка голубого.

Ранее, когда, повернувшись, она увидела Люка с такой молодой девушкой, то испытала потрясение. Ее первой мыслью было, что его нужно арестовать, но секундой позже Люк поверг ее еще в большее изумление, когда представил девушку как свою сестру.

— У меня это не очень хорошо получается, — призналась Джейн, наклоняясь к зеркалу и размазывая блеск по губам. Перед банкетом Каролина наложила на ее губы какую-то стойкую помаду, и Джейн теперь надо было лишь обновлять блеск. Она подумала, что получилось неплохо, но поскольку опыта у нее не было, Джейн не была в этом уверена.

— Скажи мне правду: мои губы выглядят аморальными?

— Нет.

— Огромными? — Надо было признать, что наносить этот макияж оказалось довольно весело. Хотя она не хотела бы заниматься этим каждый день. Или даже хотя бы просто часто.

— Нет, — Мари бросила бумажное полотенце в мусорную корзину. — Мне нравится твое платье.

— Я купила его в «Нордстроме».

— Я тоже!

Джейн протянула Мари блеск.

— Мне помогла его выбрать подруга. Я не очень хорошо разбираюсь в цветах.

— Я отыскала свое сама, но купил его Люк.

В таком случае было непонятно, почему Люк позволил своей сестре купить слишком маленькое платье. Джейн, может, и не была большим знатоком моды, но даже она могла заметить это.

— Очень мило с его стороны. — В зеркало она увидела, что Мари наредила губы слишком сильно. — Ты живешь в Сиэтле?

— Ага, я живу с Люком.

Шок номер три за вечер.

— В самом деле? Это, должно быть, сущий ад. Тебя за что-то наказали?

— Нет, моя мама умерла полтора месяца назад.

— О, нет, — сердце Джейн сжалось. — Мне так жаль. Я пыталась пошутить и ляпнула бестактность. Чувствую себя такой ослицей.

— Все нормально, — Мари слегка улыбнулась. — И жизнь с Люком не всегда сущий ад.

Джейн забрала свой блеск обратно и повернулась к девочке. Что тут можно было сказать? Ничего. И все же она попыталась.

— Моя мама умерла, когда мне было шесть. Прошло уже двадцать четыре года, но я знаю... — она

замолчала, подыскивая правильные слова. Хотя таких не существовало. — Я знаю, какую пустоту это оставляет в сердце.

Мари кивнула, глядя на свои туфли:

— Иногда я все еще не могу поверить, что ее нет.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — Джейн бросила тубик обратно в сумочку и обняла Мари за плечи. — Если ты когда-нибудь захочешь поговорить с кем-нибудь об этом, ты можешь поговорить со мной.

— Было бы здорово.

Слезы собрались в уголках глаз Мари, и Джейн легонько сжала ее плечи. Прошло двадцать четыре года, но она ясно помнила чувства, грозившие вырваться наружу.

— Но не сегодня. Сегодня мы собираемся повеселиться. Чуть раньше я встретила племянников Хью Майнера. Они из Миннесоты, и я думаю, они твоего возраста.

— Они секси? — Мари промокнула глаза кончиками пальцев.

Джейн задумалась. Если бы ей было столько же лет, что и Мари, она могла бы решить, что они секси, но она была старше, и подобные мысли о парнях-подростках заставляли ее чувствовать себя неуютно. Она почти слышала песенку «Миссис Робинсон» в своей голове.

— Ну, они живут на ферме, — начала Джейн, когда они вышли из уборной. — Думаю, они — настоящие буйволы.

— Фу!

— Нет, это значит, что они накачанные, и, насколько я могу судить, от них не пахнет навозом.

— Это хорошо.

— Очень хорошо, — Джейн посмотрела на Мари через плечо. — Мне нравятся твои тени. Они так блестят.

— Спасибо. Можешь иногда одалживать их у меня.

— Думаю, я уже слишком стара для блестящих теней.

Пока они пробирались через толпу, Джейн отпустила руку девочки и, обнаружив, что племянники Хью Майнера смотрят на город, представила Мари двум подросткам. Джек и Мак Майнер были семнадцатилетними близнецами, одетыми в одинаковые смокинги с алыми кушаками. У них были короткие, торчащие во все стороны волосы и большие карие глаза, и Джейн пришлось признать, что они оказались довольно симпатичными.

— Ты в каком классе? — спросил Мари Мак. А может, это был Джек.

Румянец залил щеки девочки, и она ссутулила плечи. Вид Мари воскресил в памяти Джейн пугающую неуверенность подросткового возраста, и она возблагодарила Бога за то, что ей никогда не придется пережить это снова.

— В десятом, — ответила Мари.

— Мы были в десятом в прошлом году.

— Да, все придираются к десятиклассникам.

Мари кивнула:

— Они смешивают десятиклассников с грязью.

— Мы не такие. По крайней мере, с девчонками.

— Если бы мы были в твоей школе, мы бы приглядывали за тобой, — сказал один из близнецов,

поражая Джейн своей обходительностью. Парни оказались по-настоящему милыми молодыми джентльменами, а родители правильно воспитали их и, должно быть, гордились сыновьями. — Десятый класс сосет, — добавил он.

А может и нет. Наверное, кто-то должен сообщить ему, что не стоит так выражаться при девочках. — Да, сосет, — согласилась Мари. — Не могу дождаться следующего года.

Ну, ладно, может быть, Джейн просто становится старой. И она предположила, что если хорошенько поразмыслить, то выражение, что что-то сосет, то же самое, как если бы ты сказал, что это что-то — отстой.

Чем больше подростки разговаривали, тем более спокойной казалась Мари. Они болтали о том, где ходили в школу, каким спортом занимались, и какая музыка им нравилась. Все они согласились, что джаз-бэнд, играющий на противоположной стороне зала, тухлятина.

Пока Мари и близнецы болтали о том, что «сосет», а что является «тухлятиной», Джейн оглядывала комнату, ища более взрослого собеседника. Ее взгляд скользнул по Дарби, увлеченному разговором с главным менеджером Кларком Гамаче, и остановился на Люке, который, прислонившись к барной стойке, разговаривал с высокой блондинкой в обтягивающем белом платье. Ладонь женщины лежала на его руке, а он наклонил голову, прислушиваясь к словам своей собеседницы. Люк отодвинул в сторону полу смокинга и засунул руку в карман брюк. Темно-серые подтяжки ровными линиями лежали на белых складках его рубашки, и Джейн знала, что под этой официальной одеждой скрыт мужчина с телом бога и татуировкой в виде подковы на плоском животе. Люк засмеялся над тем, что сказала женщина, и Джейн отвернулась. Что-то тянущее, что очень походило на ревность, угнездились в ее животе, и рука, державшая сумочку, сжалась крепче. Она не могла ревновать. У нее не было на него прав, и он ей даже не нравился. Ну, по крайней мере, не сильно. «Это просто злость», — успокоила себя Джейн. Пока она нянчится с сестрой Люка, тот подцепил двойника Ванны Уайт.

Роб Саттер пригласил Джейн на танец, и она оставила Мари на попечение близнецов Майнер. Кувалда вывел ее на середину танцплощадки и удивил тем, как хорошо двигается. Положив руки на талию своей партнерши, он вел ее по танцполу. Если бы не почерневший синяк под глазом, Саттер выглядел бы очень rispetабельно в своем черном смокинге.

После Роба Джейн танцевала с Ураганом, который покрасил свой ирокез в светло-голубой цвет, подходящий к его смокингу. Сначала общаться с молодым шведом было трудно, но чем дольше она слушала его, тем лучше понимала его тяжеловесный акцент. Когда группа сделала перерыв между песнями, Джейн поблагодарила Даниэля и направилась к Дарби, который поджидал ее на краю танцплощадки.

— Прости, Джейн, — начал Хоуг, когда она подошла к нему, — но сейчас я должен отвезти тебя домой. Сегодня ночью наконец-то состоится сделка, над которой мы долго работали. Кларк уже уехал в офис. Я должен встретиться с ним там.

«Спейс-Нидл» находился в двух шагах от «Кей Арена» и, в зависимости от времени дня, примерно в полчаса езды от квартиры Джейн.

— Иди. Я возьму такси.

Он покачал головой:

— Я хочу удостовериться, что ты добралась домой.

— Я удостоверюсь, что она добралась домой, — Джейн обернулась при звуке голоса Люка. — Мари наверху на смотровой площадке вместе с близнецами Майнер. Когда она спустится вниз, я отвезу тебя домой.

— Это было бы очень кстати, — сказал Дарби.

Джейн взглянула за спину Люка в поисках блондинки, но он был один.

— Ты уверен?

— Да. — Он посмотрел на заместителя главного менеджера: — Кто участвует в сделке?

— Сможешь поддержать язык за зубами до утра?

— Конечно.

— Дион.

— Серьезно? — Люк улыбнулся.

— Да. — Дарби повернулся к Джейн: — Спасибо за то, что пошла со мной сегодня.

— Спасибо за то, что пригласил меня. Гонка на лимузине была необыкновенной.

— Увидимся утром в аэропорту, — сказал Дарби и направился к лифту.

Глядя, как он уходит, Джейн спросила:

— Кто такой Дион?

— Боже, ты действительно совсем ничего не знаешь об этой игре, — Люк взял Джейн под локоть и, не позаботившись о том, чтобы спросить ее, затащил на заполненный людьми танцпол. Забрал сумочку и засунул в карман своего пиджака, затем взял руку Джейн в свою и положил теплую ладонь ей на талию.

Благодаря каблукам новых туфель глаза Джейн оказались на уровне его рта. Она положила руку Люку на плечо. Свет на площадке отбрасывал косые тени на его лицо, и Джейн следила за его губами, пока он говорил:

— Пьер Дион — опытный снайпер. Он знает лед. А когда бьет из своей активной зоны, шайба жалит как гадюка.

Наблюдение за губами Люка творило удивительные вещи с нервными окончаниями Джейн, и она подняла взгляд к его глазам. Может быть, лучше было не говорить об активных зонах.

— Твоя сестра кажется очень милой девочкой.

— Правда?

— Кажется, ты удивлен.

— Нет, — он посмотрел вверх ее головы. — Просто она грустная и непредсказуемая, а сегодня для нее был по-настоящему плохой вечер. Ее пригласили на танцы в школе, но в последнюю минуту парень решил взять кого-то другого.

— Ужасно. Маленький ублюдок.

Люк взглянул на нее:

— Я предложил надрать парню задницу, но Мари подумала, что это поставит ее в неудобное положение.

По какой-то странной причине Джейн почувствовала, что начинает все больше увлекаться им. Она не могла сопротивляться этому. И все потому, что он предложил надрать кому-то задницу ради блага своей сестры.

— Ты хороший брат.

— Вообще-то, нет, — его большой палец погладил тыльную сторону ее ладони. Люк притянул Джейн немного ближе. — Она много плачет, и я не знаю, что с этим делать.

— Она только что потеряла мать. Ты ничего не сможешь сделать.

Его колено столкнулось с ее.

— Она рассказала тебе об этом?

— Да, и я знаю, что она чувствует. Я тоже потеряла мать. Поэтому сказала ей, что если она захочет поговорить с кем-то, то может позвонить мне. Надеюсь, ты не возражаешь.

— Совсем не возражаю. Я думаю, ей действительно нужна женщина, с которой можно поговорить. Я нанял одну, чтобы она была с Мари, когда меня нет дома из-за матчей, но, кажется, она не очень ей нравится. — Люк на секунду задумался, потом сказал: — Что Мари действительно нужно, так это чтобы кто-то взял ее за покупки. Каждый раз я даю ей свою кредитку, но она возвращается с пакетом сладостей и одеждой на два размера меньше.

Вот чем объяснялось тесное платье.

— Я могу познакомить ее со своей подругой Каролиной. Она прекрасно умеет преображать людей.

— Это было бы великолепно, Джейн. Я ничего не знаю о девочках.

Даже если бы она не собирала информацию о нем, то все равно бы через пять секунд после знакомства поняла, что Люк знает о девочках очень много. Это было в его глазах и в уверенном изгибе его улыбающихся губ.

— Ты имеешь в виду, что ничего не знаешь о сестрах.

— Я ничего не знаю о своей маленькой сестре, — ответил он с озорной улыбкой. — Но однажды я ходил на свидание с близняшками.

— Да, — нахмурилась она. — Ты и Хеф.

Счастливчик засмеялся, сильно позабавленный собой.

— Ты такая доверчивая, — сказал он, когда музыка закончилась, и Джейн отступила назад. Вместо того чтобы отпустить, он притянул ее к своей груди. Группа заиграла новую мелодию. — Что ты делала с Хоугом в лимузине? — спросил Люк, уткнувшись ей в волосы.

— Что?

— Ты поблагодарила Дарби за необыкновенную поездку на лимузине.

Они с Дарби пили шампанское и забавлялись с телевизором, пока водитель вез их по городу, как будто они были Биллом и Мелиндой Гейтс. Но Джейн была уверена, что это не то, что на самом деле хотел услышать Люк. У Мартино было ограниченное ум, она решила дать ему повод призадуматься:

— Мы отрывались.

Он остановился:

— Ты отрывалась с Хоугом?

Джейн чуть не рассмеялась и подняла взгляд на его лицо. Единственное, что в ней сорвалось с привязи, было ее воображение.

— Под гелем для волос скрывается дикий мужчина.

Люк снова начал двигаться.

— Расскажи мне об этом, — его дыхание коснулось ее виска, и она сжала пальцы на его плече.

— Тебе нужны детали?

— Да, пожалуйста.

Тогда она засмеялась. Он, вероятно, занимался таким, чего не придумала бы даже Медовый пирожок. Джейн сомневалась, что смогла бы шокировать его, даже если бы очень постаралась.

— Боюсь, ты обречен на разочарование, если только я не потребую компенсации.

— Так попроси чего-нибудь.

Осмелится ли она? Прямо здесь, на танцполе? Если она закроет глаза, сможет ли стать Медовым пирожком? Женщиной, которая одной своей улыбкой заставляла мужчин желать себя. Мужчин, подобных Люку.

— Что-нибудь приятное — добавил он. — Только не хлысты. Мне не нравится боль.

Это было соблазнительно. Соблазнительно прижаться к его груди и притвориться, что она была женщиной, способной удовлетворить такого мужчину, как Люк. Женщиной, которая шепчет греховные слова и заставляет мужчин умолять. Она подумывала о том, чтобы в следующей статье для «Хим» описать фантазии Хани о сексе втроем. Мужчины любят секс втроем.

— Тебе нравится смотреть?

— Я больше люблю делать, — прошептал он ей на ухо. — Это намного интересней.

Но Джейн не могла пойти на это. Одно дело, когда она одна в своей квартире, и совсем другое, когда стоишь в объятиях Люка в «Скайлайне». Она не могла зайти еще дальше, и все, что ей пришло на ум, было:

— Дарби — зверь. Никто из нас никогда уже не оправится. На самом деле, мне лучше присесть. Я измучена.

Люк отодвинулся и посмотрел ей в лицо.

— Не говори мне, что это все, на что ты способна. Ты мастерица вешать лапшу на уши. А сейчас ты облажалась.

— Давай поговорим о чем-то еще.

О чем-нибудь безопасном.

Он помолчал секунду, потом сказал:

— Ты хорошо выглядишь сегодня.

— Спасибо. Ты тоже очень хорошо выглядишь. — Люк снова притянул ее ближе, и она коснулась пальцами его плеча, ощущая ткань пиджака. Если бы Джейн наклонилась еще чуть-чуть, то смогла бы почувствовать запах его одеколона и накрахмаленной рубашки. — Очень хорошо.

— Мне нравятся твои волосы.

— Я постригла их сегодня утром. Сейчас они выглядят хорошо, но настоящая проверка будет завтра, когда мне придется вымыть их.

Когда он снова заговорил, его голос мягко пророкотал у самого ее уха:

— Значит, утром я не буду на них смотреть, а просто вымою свои и уйду.

Она закрыла глаза. Прекрасно: отличная, безопасная, скучная тема. Уход за волосами.

— Мне нравится твое платье.

Еще одна безопасная тема.

— Спасибо. Оно не черное.

— Я заметил, — он скользнул рукой от ее талии до спины, его теплая ладонь и пальцы коснулись ее голой кожи. — Как думаешь, ты смогла бы когда-нибудь надеть его задом наперед?

Его прикосновение, казалось, согревало ее изнутри, и с губ Джейн слетел нервный смешок:

— Нет, вряд ли.

— Очень плохо. Я бы не возражал увидеть его задом наперед.

Музыка струилась вокруг Джейн, как будто все внутри нее замерло. Люк Мартинò, с его порочной улыбкой и татушкой в виде подковы, хотел увидеть ее обнаженной. Невероятно. Прямо под его ладонью ее кожу покалывало, горячую и трепещущую от непривычных ощущений. Желание и нужда сплелись воедино внизу ее живота, и Джейн подумала, заметил ли Люк, что она прижалась к нему. Как раз настолько, чтобы уткнуться носом в его шею. Прямо над черной лентой его галстука и накрахмаленного воротника.

— Джейн?

— М-м?

— Мари возвращается. У нас ранний вылет, так что лучше пойти домой.

Джейн взглянула на тени, ласкающие его лицо. В то время как греховные мысли затуманивали ее разум, он казался равнодушным. «Я бы не возражал увидеть его задом наперед», — сказал он. Без сомнения, он снова вешал ей лапшу на уши.

— Я возьму свой плащ.

Он убрал руки с ее спины, и холодный воздух занял место теплого прикосновения. Люк взял ее за руку, и когда они вышли с танцплощадки, вручил ей сумочку Каролины.

— Давай твой номерок. Я возьму плащ вместе с пиджаком Мари.

Джейн порылась в сумочке и вытащила кусочек бумаги. Пока Люк разыскивал верхнюю одежду, она болтала с Мари, но ее мысли занимал брат девочки, и отрицать это было нельзя. Она хотела его. Сильно. «Заметил ли он?» — спрашивала она себя. Джейн искренне надеялась, что нет. Она надеялась, он никогда не обнаружит этого. Она могла счастливо прожить всю жизнь, не сообщая никому, что Джейн Олкотт хотела переспать с плохим парнем из хоккейной команды, Люком Мартинò. Если бы он заподозрил это, то, без сомнения, долго и упорно бежал бы в противоположном направлении.

Люк вернулся и помог ей надеть черный плащ. Его пальцы сзади коснулись ее шеи, когда он поправлял воротник, и Джейн подумала, каково бы это было — почувствовать, как его рука обнимает ее, если бы она прислонилась к нему. Но даже если бы у нее хватило смелости поддаться этому импульсу, было уже слишком поздно: Люк отошел и распахнул пиджак для своей сестры. Пока они ждали на крыльце «Спейс-Нидл» служащего, который должен был пригнать «Лэнд Крузер» Люка, тот застегнул четыре пуговицы смокинга и засунул руки в карманы: его широкие плечи напряглись от холода. Все говорили о погоде и о раннем вылете завтра утром. Ничего важного. Мари рассказывала им о виде со смотровой площадки, а Джейн бросала взгляды на темный профиль Люка. Свет от «Нидл» заливал одну сторону его лица, широкие плечи и отбрасывал длинную тень на бетон.

Когда служащий вернулся, Люк открыл переднюю дверцу для Джейн и заднюю для сестры. Затем занял место водителя, и они направились к Бельвью. Через несколько кварталов Люк нарушил тишину.

— Миссис Джексон знает, что она должна прийти завтра до того, как ты вернешься из школы, — сказал он сестре. — Тебе нужны деньги на что-то?

Джейн уголком глаза взглянула на него. Его профиль казался лишь черным контуром в темном

интерьере. Золотистые блики освещали циферблат его часов и отбрасывали золотые лучики на смокинг. Джейн отвернулась и посмотрела в окно.

— Мне нужны деньги на обеды, и я не заплатила за уроки по керамике.

— Сколько тебе нужно?

Джейн, сидя в роскошном кожаном интерьере внедорожника, слушала их беседу, чувствуя себя незванным гостем. Люк говорил со своей сестрой об их каждодневной жизни. Жизни, в которой ей не было места. Это была его жизнь. Не ее. У нее была своя жизнь. Та, которую, она сама создала. А в жизни Люка Джейн не было места.

Когда машина замерла перед ее домом, Джейн потянулась к двери и сказала:

— Большое спасибо за то, что довели меня.

Люк потянулся к ней и схватил ее за руку через тонкий плащ.

— Не двигайся. — Он взглянул на заднее сиденье: — Я сейчас вернусь, Мари, — и вышел из машины.

Уличные фонари едва освещали его, пока он обходил «Лэнд Крузер», а затем открывал дверцу. Люк помог Джейн выйти, и они вместе пошли по дорожке к дому. На освещенном крыльце Джейн открыла сумочку и вытащила ключи, но совсем как в ту ночь, когда Люк проводил ее в номер отеля в Сан-Хосе, он забрал у нее ключи и вставил в замок.

Внутри она оставила торшер включенным, и свет разливался по ковру и освещал входную дверь.

— Еще раз спасибо, — сказала Джейн, заходя внутрь, и протянула руку, чтобы забрать ключи. Люк взял ее за запястье и вложил ключи в ладонь. Вместо того чтобы отпустить ее, он вошел в дом.

— Это плохая идея, — сказал он и прижал большой палец к жилке на ее шее, где бился пульс.

— Что? Привезти меня домой?

— Нет, — Люк притянул Джейн к себе и склонился к ее лицу. — Ты сводишь меня с ума. С этими волосами, которые заставляют меня думать, каково это, чувствовать, как они обвивают мои пальцы. — Он сжал ее плащ на спине, сминая ткань в кулаке и прижимая к себе еще крепче. — Твои алые губы и маленькое красное платье дарят мне кучу сумасшедших идей. Черт! Я не должен думать о тебе, но я думаю. Лучше не задавать вопросов, — его голубые глаза, пылающие и напряженные, смотрели в ее. — Но я не могу не спросить, — прошептал он рядом с ее ртом. — Скажи же мне, Джейн, ты замерзла? — его губы коснулись ее, и он жарко выдохнул: — Или возбудилась? — А потом поцеловал ее. И на несколько секунд она была ошеломлена. Джейн могла лишь просто стоять, пока он нежно целовал ее губы.

Что он имел в виду, спрашивая, замерзла она или возбудилась? Она определенно не замерзла.

Теплый рот Люка прижался к ее губам, и он поднял свободную руку к ее лицу, лаская щеку, пробегая пальцами по волосам на ее висках. Тихий стон замер в горле Джейн, ключи выпали из руки, и ее больше не волновало, что же он имел в виду, говоря о том, что она замерзла. Джейн провела ладонью вверх по пиджаку к его шее. Это не могло случиться. Не с ней. Не с ним.

Его губы дразнили и давили сильнее, пока она не открыла рот. Его язык скользнул внутрь и коснулся ее, влажный и, о-о-о, такой желанный.

Для мужчины, который тратил свое время на то, чтобы бить клюшкой по людям и шайбам, его прикосновение оказалось удивительно мягким. Тихий стон вырвался на свободу и слетел с ее губ. И Джейн отпустила себя. Она позволила себе скользить в жаркой страсти, разливающейся по коже,

грохочущей в ее груди и ноющей между бедер. Она позволила себе с головой окунуться в страстное желание, которое пыталась не подпустить. Его большая рука сжала ее грудь через слои одежды, и Джейн прикинула к нему. Его большой палец потер ее сосок, и она привстала на кончики пальцев. Больше не существовало мыслей о том, что позволить, только о том, что сделать. Просто целовать его, как будто она хотела поглотить его целиком. Ее язык скользил по его, как будто она хотела съесть Люка Мартино́.

Он отстранился и посмотрел ей в лицо изумленными глазами. Его голос был хриплым от потрясения: — Ты заставила меня захотеть оставить на тебе засос, чтобы потом унять боль поцелуями. — Джейн облизала свои влажные губы и кивнула. Она тоже этого хотела. — Проклятье, — выдавил Люк между хриплыми вздохами. Затем повернулся и ушел. Оставив Джейн ошеломленной и сбитой с толку. Потрясенной в четвертый раз за эту ночь.

ГЛАВА 10

Застигнутый врасплох: удар в спину

Джейн закрыла свой лэптоп на очередной истории о Медовом пирожке и последней её жертве, хоккеисте, которого Ханни встретила на смотровой площадке «Спейс-Нидл». Хоккеисте, который очень походил на Люка Мартино́.

Поднявшись со стула, Джейн раздвинула тяжелые шторы и посмотрела из окна отеля на деловой центр Денвера, штат Колорадо. У нее явно развивалось безумное увлечение Люком. Вероятно, также и нездоровое. В прошлом она иногда описывала реальных людей в качестве прототипов жертв Медового пирожка. Джейн изменяла их имена, но читатели все же могли их распознать. Несколько месяцев назад она довела до комы Брендана Фрейзера, чтобы потрафить любителям фильмов «Обезьянья кость», «Справедливый Дадли» и «Взрыв из прошлого». Но в этот раз Джейн впервые написала в своей колонке о ком-то, кого знала лично.

Когда в марте журнал доберется до прилавков, люди могут узнать Люка. Читатели из Сиэтла уж точно. Он, возможно, тоже услышит об этом. Джейн задалась вопросом, привлечет ли это его внимание?

Большинство мужчин не стало бы волноваться, но Люк не был большинством. Ему не нравилось читать о себе в книгах, газетах или журналах. Независимо от того, насколько лестно о нем писали. А история в «Медовом пирожке» была чрезвычайно лестной для него. Более жаркая и страстная, чем все, что Джейн когда-либо писала. На самом деле, это был лучший рассказ, когда-либо придуманный ею. Она еще не решила, действительно ли собирается отправить его в редакцию. И чтобы принять решение, у нее оставалось несколько дней до срока сдачи.

Шторы выскользнули из рук Джейн, и она отвернулась от окна. Прошло около шестнадцати часов с тех пор, как Люк зацеловал ее до потери дыхания. Шестнадцать часов переживаний и анализа каждого слова и действия. И спустя шестнадцать часов она все еще не знала, что и подумать. Он поцеловал ее и этим изменил всё. Ну, на самом деле, Люк сделал гораздо больше, чем просто поцеловал ее. Он касался ее груди и говорил, что она свела его с ума. И если бы его сестра не сидела в машине, Джейн могла бы наброситься на него и проверить ту татушку, приносящую удачу, которая сводила ее с ума каждый раз, как она видела ее в раздевалке. А это было бы плохо. Очень плохо. По целому ряду причин.

Джейн скинула туфли, стащила через голову свитер, швырнула его на кровать и направилась в душ.

У нее болели глаза, а голова была как в тумане. И вместо того, чтобы запереться в комнате, работая над историей «Медового пирожка», ей следовало быть в «Пепси Центр» и общаться с тренерами и игроками перед завтрашней ночной игрой. Дарби упоминал, что наилучшее время для беседы с тренерами и руководством — во время тренировки. А Джейн хотела спросить у них про новое приобретение «Чинуков», Пьера Диона.

Она забралась в душ и подставила голову под теплую воду. Этим утром, когда Люк поднялся на борт самолета, в темных очках, одетый в синий костюм, с галстуком в полоску, желудок Джейн сжался от волнения так, будто ей снова тринадцать, и она переживает свою первую школьную влюбленность. Это было ужасно. А Джейн была уже достаточно взрослая, чтобы знать, что подобное увлечение самым популярным мальчиком в школе принесет ей только боль в сердце.

Спустя пятнадцать минут Джейн вышла из душа и взяла два полотенца. Если бы она была честна с собой, чего всегда старалась избегать, если было возможно, то не смогла бы и дальше дурачить себя, думая, что ее чувства к Люку не более чем влечение. Это было намного большим. Настолько, что пугало ее. Ей тридцать лет. Не девочка. Она уже и любила, и вожделела, и испытывала что-то среднее между этими чувствами. Но она никогда не позволила бы себе влюбиться в такого парня, как Люк. Никогда. Не сейчас, когда ей есть что терять. Не сейчас, когда на карту поставлено нечто большее, чем просто ее своенравное сердце. Нечто поважнее: ее работа.

Разбитое сердце излечится: она смогла бы это пережить. Но не думала, что сможет пережить, если упустит блестящую возможность, которая ей в кои-то веки дарована. Из-за мужчины. Это было просто глупо, а Джейн глупой не была.

Стук в дверь прервал ее размышления, и Джейн направилась к ней. Она посмотрела в глазок: по ту сторону стоял Люк, весь такой растрепанный и совершенный.

Он смотрел вниз, уткнувшись взглядом в пол, и у Джейн появилась возможность изучить его. Люк был одет в кожаную куртку и свитер из серой шерсти и, наверное, только пришел с улицы, потому что на щеках у него играл румянец. Подняв взгляд, Счастливчик уставился голубыми глазами на Джейн сквозь глазок, словно мог ее видеть.

— Открывай, Джейн.

— Секундочку, — крикнула та, чувствуя себя глупо.

Затем подошла к шкафу, вытащила оттуда махровый халат, завязала пояс на талии и открыла дверь. Его взгляд поднялся к полотенцу, обернутому вокруг головы Джейн, спустился к ее губам, а затем не торопясь — вниз до кончиков босых ног.

— Похоже, я снова застал тебя прямо после душа.

— Так и есть.

Люк скользнул взглядом вверх по ее ногам и халату и посмотрел на Джейн безо всякого выражения. Либо ему было все равно, либо он это действительно здорово изображал.

— Найдется свободная минутка?

— Разумеется. — Джейн отступила в сторону, пропуская его внутрь. — Что тебе нужно?

Широкими шагами Люк прошел на середину комнаты и повернулся к Джейн:

— Когда я увидел тебя утром, мне показалось, ты чувствовала себя неловко. Я не хочу, чтобы тебе было неудобно рядом со мной, Джейн. — Люк глубоко вздохнул и засунул руки в карманы куртки. — Так вот, я подумал, может, мне следует извиниться.

— Извиниться за..?

Но она-то знала за что и хотела, чтобы Люк ничего не говорил.

— За то, что поцеловал тебя прошлой ночью. Я до сих пор не очень понимаю, как это произошло. — Он посмотрел вверх ее головы, как будто ответ был написан на стене. — Если бы ты не подстригла волосы и не выглядела так классно, я думаю, этого бы не случилось.

— Подожди, — Джейн вскинула руку наподобие регулировщика движения. — Ты обвиняешь мои волосы? — Она спросила это только затем, чтобы удостовериться, что правильно расслышала его. Надеясь, что была права.

— Возможно, больше повлияло твое платье. Оно шито со скрытыми мотивами.

Люк целовал ее, а она так глубоко увязла в своем влечении к нему, что не была уверена, оставалось ли это все еще влечением. А сейчас он стоит здесь, обвиняя ее волосы и платье, будто она нарочно дразнила его. Как будто он и не поцеловал бы ее, если бы его не поддразнивали. Понимание того, что он чувствовал, ранило Джейн сильнее, чем следовало. Без сомнения, он был придурком, но она оказалась душой. Последний факт принять было труднее всего.

Боль и ярость переплелись в ее сердце, но Джейн решила не выдавать своих чувств.

— Это просто обычное красное платье.

— У него вырез во всю спину, а спереди оно держится только на двух полосках ткани. — Люк качнулся на пятках и снова заскользил взглядом с полотенца, обернутого на голове Джейн, вниз по халату до ее босых ног. С прошлой ночи он думал об этом поцелуе у нее дома и не был уверен, что же именно сподвигло его поцеловать ее. Платье? Губы? Любопытство? Все вместе взятое? — А та маленькая золотая цепочка вдоль спины висит только по одной причине.

— И зачем же? Чтобы гипнотизировать тебя?

Джейн не удержалась от сарказма, но слишком далеко заходить не стала.

— Может, и не гипнотизировать, но цепочка висела так, что каждый мужик, смотря на нее, думал лишь о том, как бы ее расстегнуть. — Подняв бровь, Джейн посмотрела на него как на идиота. Он и ощущал себя в некотором роде идиотом. — Я правду тебе говорю. Все парни прошлой ночью думали о том, как бы расстегнуть твое платье.

Никто из парней не упомянул про это Люку, но тот полагал, что раз сам думал об этом, то и остальные тоже.

— Ты так извиняешься или пытаешься найти оправдание тому, что произошло?

Джейн стащила с головы полотенце и швырнула на кровать.

— Это факт.

И пальцами начала приводить в порядок волосы.

— Это бред. — Будь она парнем, то увидела бы в этом логику. — И это глупо. — Ее влажные завитки запутались между пальцами, когда Джейн отбросила их от лица. — Ты сваливаешь всю вину на меня, а ведь это не я пришла прошлой ночью в твою квартиру и поцеловала тебя. Это ты поцеловал меня.

— Ты не возражала. — Люк не знал, что потрясло его больше. То, что он поцеловал ее, или ее отклик. Он никогда бы не предположил, что так много страсти могло содержаться в такой маленькой упаковке.

Джейн протяжно вздохнула, как будто ей было скучно:

— Я не хотела ранить твои чувства.

Люк засмеялся, в то время как ему хотелось пересечь комнату и прижаться ртом к ее губам.

Скользнуть рукой в вырез халата и обхватить грудь, даже если он знал, что это чертовски плохая идея. Прислонившись бедром к столу, Счастливчик отвел взгляд ото рта Джейн, думая о том, каковы были ее губы на вкус прошлой ночью. Он решил глядеть куда-нибудь побезопаснее, вниз, на лэптоп Джейн.

— Ты целовала меня так, что я подумал, будто ты пытаешься оказаться у меня внутри.

Рядом с лэптопом лежал открытый ежедневник. На странице было приклеено несколько стикеров. Пара записок имела отношение к хоккейным пустякам и вопросам, которые она хотела задать для своей спортивной колонки.

— Ну вот, опять бред.

На одной розовой записке было написано: 16 февраля/срок сдачи «Одинокой девчонки». На следующей значилось: «Медовый пирожок/ принять решение не позднее среды». Медовый пирожок? Джейн читала истории о Медовом пирожке? Нимфоманке, которая доводила мужчин до комы? Он просто не мог представить себе Джейн, читающую порно.

— Ты была т-а-ак горяча в тот момент, — намеренно растягивая слова, сказал Счастливчик, оглянувшись на нее. — Я мог бы в два счета раздеть тебя.

— Ты не только невероятно самодовольный и смехотворный, ты... ты ненормальный! — прошипела Джейн.

— Возможно, — признал Люк, проходя мимо нее к двери. Он и чувствовал себя ненормальным.

— Подожди-ка. Когда я получу от тебя интервью, которое ты обещал?

Положив ладонь на дверную ручку, он обернулся и посмотрел на нее:

— Не сейчас.

— Когда? — настаивала Джейн.

— Когда-нибудь.

— Когда-нибудь завтра? — Она подняла руки и заправила волосы за уши.

— Я сообщу тебе.

— Ты не можешь забрать свои слова назад.

Люк и не собирался. Он просто не намеревался делать это сейчас. Здесь. В комнате отеля с кроватью королевских размеров и женщиной, одетой в халат, только и умолявший его доказать, насколько ненормальным он был.

— И кто это сказал?

Джейн нахмурилась и пригвоздила его взглядом:

— Я.

Люк вновь засмеялся. Ничего не мог с собой поделать. Она выглядела так, будто собиралась дать ему пинка под зад.

— Ты мне обещал.

В течение секунды он подумывал о том, чтобы заставить ее замолчать своими губами. Целовать до тех пор, пока она не станет податливой и не расплавится под ним. До тех пор, пока не подарит ему свой тихий стон, который сподвиг его прошлой ночью на то, что он почти отпустил тормоза.

Касаться ее там, куда заводила Люка его фантазия с того первого утра в самолете, когда он оглянулся

и увидел ее.

— Когда, Люк?

Вместо того чтобы поддаться зову плоти, он открыл дверь и бросил через плечо:

— Когда ты купишь лифчик, Джейн.

Люк до конца расстегнул молнию на куртке, пока шел по коридору. Повтора прошлой ночи быть не должно. Целуя Джейн, он за секунду пришел в полную боевую готовность, чего не случилось с ним очень давно. Если бы Мари не ждала в машине, Люк не знал — смог бы он остановиться. Ему нравилось думать, что смог бы. Ему нравилось думать, что он зрелый и опытный достаточно, чтобы остановиться прежде, чем совершит что-то, о чем пожалеет, нечто колоссально глупое. Но уверен он не был. За свои тридцать два года Люк целовал множество женщин. Множество женщин целовало и его, но никогда так, как Джейн. Он не знал, что же такого было в ней, и действительно не хотел тратить время, чтобы выяснять это. Она и так уже проводила слишком много времени у него в голове.

Последнее, в чем он нуждался в своей жизни прямо сейчас, была женщина. Любая женщина.

Особенно эта женщина. Репортер, путешествующий с командой. Шарки, их счастливый талисман.

Существовало только одно решение его проблемы с Джейн. Ему следовало по возможности избегать ее. Ладно, проще сказать, чем сделать. Не тогда, когда она ездила вместе с командой, сидела на каждой игре и должна была называть его «большим тупоголовым придурком» на удачу.

За время спортивной карьеры у Люка появилась особая энергия, которая помогала ему противостоять давлению овертаймов и ударам с близкого расстояния. В течение следующих нескольких дней он планировал использовать эту энергию, чтобы сосредоточиться на выигрыше. Он должен сконцентрироваться на своей игре и делать то, что необходимо.

Той ночью против Колорадо он отразил двадцать восемь голевых ударов из тридцати, и «Чинуки» поднялись на борт самолета с победой 3:2 над своими самыми сильными соперниками в борьбе за Кубок Стенли. Как только «Би-эй-си 1-11» выровнялся, свечение ноутбука Джейн озарило пространство трех рядов. Люк не нуждался в освещении, чтобы понять, где она сидела — он знал. Но это не означало, что он что-либо предпримет на сей счет только потому, что знал. На протяжении полета из Денвера в Филадельфию он замечал, как некоторые из парней болтают с Джейн. Даниэль сказал что-то, заставившее ее рассмеяться, и Люк заинтересовался, что же такого сказал молодой швед, что было так чертовски смешно. Схватив подушку, Счастливчик проспал оставшуюся часть пути.

Избегать Джейн оказалось намного легче, чем ожидалось, но не думать о ней было совершенно невозможно. Казалось, чем решительней он избегал ее, тем больше о ней думал. Чем больше старался не думать о ней, тем сильнее его интересовало, что она делала и с кем. Возможно, с этим «зверем» Дарби Хоугом.

Только однажды Люк увидел Джейн в Филадельфии: в ту же секунду, как она зашла в раздевалку в «Фёрст Юнион Центр», заметил ее красные губы.

И он точно знал, что она намеренно покрасила губы, просто чтобы свести его с ума. Она произнесла свою речь на удачу, затем прошествовала к открытому шкафчику, у которого сидел вратарь «Чинуков».

— Удачи тебе, большой тупоголовый придурок, — сказав это, она понизила голос до едва

слышимого шепота. — И к твоему сведению, у меня есть несколько лифчиков.

Наблюдая за тем, как она улизнула из раздевалки, Люк забеспокоился, что полные красные губы Джейн свели на нет всю его сосредоточенность. На несколько напряженных минут его внимание было приковано к ее губам и воображаемому кружевному черному лифчику. Люк закрыл глаза, выкинул все мысли из головы и, исключительно благодаря силе воли, настроился на игру за десять минут до выхода на лед.

Той ночью «Чинуки» побили «Флайерсов», но прежде парни из Филадельфии показали все, на что были способны, и отправили Саттера в больницу с сотрясением мозга. Роб все еще числился в списке травмированных игроков, когда «Чинуки» приземлились в Нью-Йорке, чтобы померяться силами с «Рейнджерами». В раздевалке перед игрой Люк подождал, пока Джейн пожелает ему удачи, прежде чем сказать:

— Если у тебя есть несколько лифчиков, ты могла бы надеть хоть один.

Склонив голову набок, она посмотрела на него:

— Зачем?

Зачем? Он точно мог ей сказать — зачем, но не в раздевалке, набитой хоккеистами. И потом, это не его дело говорить ей, что соски у нее торчат как на параде. Он должен избегать ее. Он должен прекратить разговаривать с ней и думать о ней, говорил себе Люк, когда катился по направлению к сетке, пытаясь сосредоточить все внимание для победы над «Рейнджерами». Но без своего главного вышибалы «Чинуки» получили трепку у бортиков и в углах и в итоге проиграли, когда капитан «Рейнджеров» прорвался сквозь оборону и сделал бросок по воротам с дальней дистанции.

Следующая игра проходила в Теннесси, месте рождения Элвиса и «Нэшвилл Предаторз». Той ночью в раздевалке не было никакого упоминания о лифчиках.

Молодая многообещающая команда из Теннесси легко пала жертвой более опытных «Чинуков», и когда хоккеисты садились в самолет для долгого перелета в Сиэтл, Люк был рад, что летит домой. Правое колено беспокоило его, и он сильно вымотался.

Как только «Би-эй-си 1-11» выровнялся, Люк сбросил куртку с плеч, протянул руку между сидениями и, подхватив спортивную сумку, засунул ее в боковой отсек над головой и откинулся на спинку кресла. Переплетя пальцы и сложив руки на животе, он сидел в темноте и через проход смотрел на Джейн. Свет сверху лился прямо ей на голову, просачиваясь сквозь пряди распущенных волос, пока она печатала. Кончики ее пальцев легонько касались клавиатуры. Приостановившись, она несколько раз нажала на клавишу «стереть», затем вновь принялась за работу. Счастливчик поразмыслил о некоторых местах на своем теле, на которых хотел бы почувствовать поглаживание этих умелых рук.

Локон упал Джейн на щеку, и она заправила его за ухо, привлекая взгляд Люка к своим губам и шее. Через пару рядов от нее несколько парней играли в покер, но остальные спали, и их храп смешивался со звуком, который издавали клавиши ноутбука, когда Джейн печатала.

Все прошедшие семь дней Люк заставлял себя трудиться, отвлекаться. Сейчас же, когда ничто не занимало его мысли, он не торопясь рассматривал Джейн. Чтобы точно выяснить, почему же неожиданно посчитал Джейн Олкотт настолько интересной. Что в ней было такого, что не отпускало его и не оставляло в покое? Небольшого роста, с маленькой грудью и острая на язык. На самом деле она была просто чертовски умной. Люк не любил эти качества в женщине. И все же... ему нравилась

Джейн. Сегодня вечером она надела один из тех вязаных свитеров, что носили старухи и девочки из Лиги плюща. Черный. Никакого жемчуга. Серые шерстяные брюки. И она сняла ботинки.

В темноте Люк рассматривал ее мягкие волосы и гладкую белую кожу. В первый раз, когда он увидел Джейн, то посчитал ее слишком обыкновенной. Обычная женщина. Теперь он с трудом мог вспомнить, почему обычные женщины никогда не привлекали его раньше. Его интересовало, на что это будет похоже — скользить руками по ее нежной коже. Везде. В первый раз с тех пор как стоял в ее номере в отеле Денвера, он позволил себе вообразить, каково было бы прижать ее обнаженное тело к своему. Забыться в наслаждении, касаясь ее. Целуя ее губы, грудь и гладкие бедра.

Постукивание прекратилось, Джейн поднесла пальцы ко рту. Пощипывая ими губу, она испустила протяжный вздох, завершившийся стоном то ли разочарования, то ли удовольствия. От этого звука наиболее чувствительная часть тела Люка встала по стойке «смирно», и он решил, что представлять себе обнаженную Джейн, в конце концов, было не такой уж блестящей идеей.

Сквозь разделяющие их разноцветные тени он наблюдал за тем, как она нажимает клавишу «стереть» в тысячный, или около того, раз и начинает печатать заново. Прикрыв глаза, Люк обратился мыслями к дому. Пока он отсутствовал, миссис Джексон больше не сообщала о проблемах с Мари, а когда он разговаривал с сестрой, та казалась даже спокойной. Мари подружилась с девочкой из их дома, а во время его звонков не плакала и не сердилась. Люк все еще не исключал перевод Мари в школу-интернат, поскольку действительно полагал, что ей, в конечном счете, будет полезно женское общество. Только не верил, что сестра готова поговорить об этом, и по некоторым причинам, которые не мог объяснить, какая-то часть его также не была готова к такому разговору. Пока еще нет.

Где-то над Оклахомой он уснул и не просыпался, пока самолет не начал снижаться в международном аэропорту «Сиэтл-Такома». Как только самолет приземлился и остановился, Люк взял свои сумки и направился к главной автостоянке. На некотором расстоянии впереди него, таща огромный чемодан на колесиках, лэптоп и кожаный портфель, шагала Джейн. Большими шагами он легко догнал ее, и они вместе вошли в лифт. Одновременно нажали на кнопку этажа подземной автостоянки, и двери лифта закрылись. Люк прислонился к стене и взглянул на Джейн. Склонив голову набок, та изучала его. Она выглядела уставшей, но такой чертовски симпатичной.

— Что? — спросил он.

— Ты собираешься дать мне интервью на этой неделе?

Она могла быть уставшей, но явно настроенной на работу. Пока он думал о том, какой привлекательной она выглядела, и фантазировал о ее нежной коже и умелых пальцах, Джейн думала о работе. Черт.

— Ты в лифчике?

— Мы опять про это?

— Да. Почему ты не носишь лифчик, как большинство женщин?

— Тебе какая разница?

Люк прошелся взглядом по ее шерстяному пальто, но, конечно же, ничего не смог увидеть.

— У тебя соски торчат, а это отвлекает.

Когда он посмотрел ей в лицо, брови Джейн поднялись, а рот приоткрылся, как если бы она хотела что-то сказать, но забыла что. Двери лифта открылись.

— Ты выглядишь так, будто все время возбуждена, — добавил Люк, придерживая дверь лифта, пока Джейн выкатывала свой большой чемодан. Ошеломленное выражение ее лица было совсем как у актеров немого кино. Люк начал смеяться.

— Не говори мне, что никто никогда прежде ни разу не сказал тебе об этом.

— Не сказал. Ты первый. — Джейн покачала головой, и вместе они двинулись через стоянку для машин. — Ты просто снова дразнишь меня. Как тогда, когда предложил помочиться в кофе и наврал, что собираешься в стрип-бар.

— Насчет кофе я говорил серьезно и сейчас не шучу. — Он остановился позади своего «Лэнд Крузера».

— Ну да. Конечно, — сказала она, продолжая идти к своей «Хонде прелюд», припаркованной неподалеку от его внедорожника.

Люк забросил сумки в багажник своей «тойоты» и посмотрел на Джейн. Та пыхтела, пытаясь затащить огромный чемодан внутрь открытого багажника «хонды». Люк миновал пару машин, разделявших их. Стук каблучков его ботинок эхом отдавался на практически пустой парковке. Свет в гараже отбрасывал длинные тени в тот угол, где была припаркована «хонда».

При звуке его шагов Джейн подняла голову. Локон упал ей на глаз, и она, дыша сквозь слегка приоткрытые губы, откинула его обратно.

— Помощь нужна? — спросил Люк.

Джейн указала на большой чемодан, все еще стоявший на земле.

— Ты можешь помочь мне вот с этим. Прошлой ночью я купила несколько книг, и чемодан из-за них стал совсем неподъемным.

Люк с легкостью положил чемодан в багажник.

— Спасибо. — Джейн поставила внутрь лэптоп и кожаный портфель и закрыла багажник.

— Пожалуйста.

— Мари говорила тебе, что я заеду за ней в субботу? — спросила она, подходя к двери со стороны водителя.

— Ага. — Он последовал за ней, взял из ее руки ключи от машины и отпер дверь, добавив: — Она казалась действительно взволнованной.

Джейн протянула руку, и Люк уронил ключи ей на ладонь.

— Рада слышать это. Мы давно не разговаривали, и я не знала, согласен ли ты с планом.

Люк опустил взгляд с ее волос, минуя зеленые глаза и прямой нос, к изогнутой дуге верхней губы.

— Мы разговаривали.

— Ты можешь не знать этого, но то, что я называю тебя «большим тупоголовым придурком», и то, что ты насмехаешься над моим лифчиком, не считается разговором. — Уголки ее рта опустились вниз. — По крайней мере, не за пределами раздевалки.

Он взглянул на Джейн, задаваясь вопросом, пытается ли она нарочно разозлить его. И подозревая, что так и было.

— Что тебя так раздражает, милая?

Она сложила руки на груди и отступила на шаг назад — Люк решил, что таким образом ей не придется так сильно запрокидывать голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Думаю, мы оба знаем.

— Я просто тупой хоккеист, почему бы тебе не взять и не произнести это для меня по буквам?

— Я никогда не говорила, что ты тупой.

Он приблизился на шаг так, что она вынуждена была снова посмотреть на него снизу вверх.

— Ты подразумевала это, Джейн, а я не настолько глуп, чтобы не понять подтекст.

Она отступила назад.

— Я не имела в виду то, что ты тупой.

— Нет, имела.

— Ладно, но я не думала, что ты тупой. Ты...

Люк последовал за ней.

— Я..?

— Грубый.

— Это правда, — он пожал плечами.

— И ты говоришь неприемлемые для меня вещи.

— Например?

— Что я выгляжу так, будто разгуливаю вечно возбужденной. — Так оно и было. — Ты не сказал бы такого репортеру-мужчине.

Это правда. Но если бы репортер-мужчина разгуливал вокруг с полным стояком, то можно поспорить, Люк этого даже не заметил бы. А вот соски Джейн он заметил.

— Постараюсь это исправить.

Она отступила еще на шаг и спиной уперлась в стену позади себя.

— И ты избалованный. Ты получаешь все, что пожелаешь и как пожелаешь.

Она снова говорила про интервью.

— Не все. — Люк двинулся вперед и положил обе руки на холодный бетон около ее головы. — Кое-что из того, что я хочу, не идет мне на пользу. Так что я должен оставить это в покое.

— Что?

— Кофеин. Сахар. — Он опустил взгляд на ее губы. — Ты.

— Я?

— Точно, ты. — Положив ладонь на затылок Джейн, Люк приблизил рот к ее губам. — Я еще никогда не имел тебя так, как хочу. — И он поцеловал ее, поскольку, казалось, не мог остановиться. Ее губы были теплыми и сладкими, и мгновенное желание тяжестью осело у него в паху. Просто от того, что он обхватил рукой ее затылок и губами прижался к ее губам, страсть прокатилась по нему, как машина для заливки льда «Замбони».

Люк отстранился с твердым намерением уйти, уехать прежде, чем сделает что-либо, о чем пожалеет, но Джейн посмотрела на него снизу вверх и облизнула влажные губы. Вместо того чтобы повернувшись на каблуках уйти, Люк положил руку на поясницу Джейн и притянул ее тело к себе. Он привык к высоким женщинам, и ему пришлось приподнять ее на цыпочки. Приоткрыв губы, он поцеловал ее жарко и страстно. Люк прижимал Джейн к себе, пока ее руки поднимались по его плечам и обнимали его за шею. Его язык касался ее языка, переплетаясь с ним, пока она пропускала его волосы сквозь пальцы. От ее прикосновений кожу на голове покалывало. Глубоко в горле Джейн родился стон, тот звук страсти, неудовлетворенности и томления, что подталкивал Люка той, другой, ночью, а теперь заставил задуматься: не заняться ли с ней сексом прямо здесь, у стены.

В слабом освещении гаража парковки он расстегнул ее пальто и просунул руку ей под свитер. Плоский живот был теплым. Люк накрыл ладонью ее грудь: Джейн не носила лифчик, и грудь едва наполнила его руку. Напряженный сосок ткнулся в середину ладони как твердая маленькая бусинка, и это прикосновение тут же отозвалось тянущей болью в паху, а колени чуть не подогнулись. Люк скользнул ртом по ее щеке и глубоко вздохнул. Это было самым сексуальным переживанием, испытанным им за долгое, долгое время, но он должен остановиться.

— Люк, — выдохнула Джейн, обхватила его голову и притянула его рот обратно к своему. Она провела руками по его плечам и груди и поцеловала так, как целует женщина, желающая оказаться в постели. Горячим, пропитанным страстью поцелуем, который заставил Люка задуматься о камерах видеонаблюдения и вероятности ареста. Он потер ладонью ее твердый сосок, а она обвила ногой его бедро. Он толкнулся своей затвердевшей плотью ей в промежность. Жар их тел почти довел его до крайности. Он терся об нее, забыв о том, что хотел остановиться.

— Не здесь, — сказал Люк, прервав поцелуй. — Нас арестуют. Поверь мне, я знаю. — Запрокинув голову назад, он глубоко вздохнул. — В нескольких милях отсюда есть «Бест Вестерн» или «Рамада». — Люк моргнул. Он был совершенно уверен, что так или иначе, но они там есть. — Я сниму комнату, пока ты подождешь в машине.

— Что?

Боже, он хотел ее. Он хотел лечь на нее сверху и остаться там всерьез и надолго.

— Мы будем заниматься сексом всю ночь. Половину утра тоже. И именно тогда, когда ты подумаешь, что больше не сможешь, мы вновь займемся сексом. — Прошло много времени с тех пор, как он так сильно хотел этого, что с трудом мог соображать из-за пульсации в штанах. — Я собираюсь действительно здорово оттрахать тебя.

Джейн ничего не сказала, и он посмотрел ей в лицо.

Она сняла ногу с его бедра и опустила на землю.

— В номере мотеля?

— Да. Мы можем взять мою машину.

— Нет.

— Где?

Она сбросила его руку со своей груди:

— Нигде.

— Какого черта нет? Я твердый, и мне не надо засовывать руку к тебе в трусы, чтобы понять, что ты мокрая.

Ее глаза были широко распахнутыми, а взгляд несколько остекленевшим.

— Ты разговариваешь со мной так, словно я одна из твоих фанаток.

Он даже никогда и не думал о ней таким образом. Разве? Нет, не думал.

— Тебе не нравится мокрая? Как ты называешь это?

— Никак не называю. И я не трахаюсь. Я занимаюсь любовью. Трахаются фанатки.

— Иисусе, — взмолился Люк, — кого это волнует? Когда ты доходишь до этого, это все одно и то же.

— Нет, не одно и то же, и мне не все равно. — Она пихнула его в грудь, и он отступил назад. — Я не одна из твоих женщин. Я профессиональный репортер!

Люк не знал, кого она пыталась убедить. Его или себя.

— Ты динамщица и чертова ханжа, — сказал он, круто повернувшись. Засунув руку в карман куртки, он сжимал пальцами ключи до тех пор, пока не почувствовал боль оттого, что те врезались ему в ладонь. Люк сожалел, что вообще повстречал Джейн. Он сожалел, что встретил ее, но больше всего жалел, что она сделала его таким безумным, что он поцеловал ее и теперь едет домой неудовлетворенным. Вновь.

Пока Счастливчик шел к своему автомобилю, он услышал, как завелась ее машина, и к тому времени, когда открыл дверь своего «Лэнд Крузера», Джейн уехала, оставив напоминанием о себе лишь отблеск красных задних фар машины.

Их да еще боль в паху Люка, пульсацию в голове и осознание того, что ему придется снова увидеть ее через три дня.

«Я занимаюсь любовью», — сказала она. В первый раз, когда он ее встретил, Люк решил, что она из тех чопорных, вероятно-не-занимавшихся-сексом-пять-лет женщин. И оказался прав.

— Заниматься любовью, — усмехнулся он, забираясь в машину и заводя ее. Джейн не хотела заниматься любовью. Он не мог неверно истолковать ее сигналы. Женщина, которая хотела, чтобы он «занялся любовью» с ней, не целовалась как порнодива. Женщина, которая хотела «заняться любовью», не спешила бы. Не закидывала бы ногу ему на бедро, пока он терся об нее у стены на парковке гаража.

Он выехал со своего места и направился домой. Кому-то следует научить маленькую ханжу одной-двум вещам о том, каково это, когда тебя раздражают и обломают. Но он не собирается этим заниматься. Он свободен от Джейн Олкотт.

В этот раз — точно.

ГЛАВА 11

Обводка: обмануть соперника

Через три дня после случая в гараже Джейн сидела в ложе прессы в «Кей Арена», глядя на лед.

— Нам дадут бесплатную еду и выпивку? — спросила Каролина.

— Бесплатная еда и выпивка есть в комнате для прессы. — Джейн притащила сюда Каролину, чтобы рядом был кто-то, с кем можно поговорить. Кто-то, кто помог бы ей выбросить из головы ее нынешние проблемы с мужчинами. — Я обычно не хожу туда до матча.

Каролина надела суперобтягивающую футболку с символом «Чинуков» и столь же узкие джинсы. Она явно собиралась поохотиться и уже привлекла внимание камермена, который три раза давал изображение Каролины на большой экран.

Дарби присоединился к ним за несколько минут до начала шоу. Его волосы торчали от геля, а «страж кармана» был вставлен в черную шелковую рубашку. Джейн представила менеджера Каролине, и его рот немного приоткрылся, а глаза стали огромными, пока он смотрел на прекрасную подругу журналистки. Его реакция была не в новинку для Джейн, но ее немного удивило то, что Каролина обратила свой шарм на Дарби и взяла того на мушку.

Когда шоу перед игрой началось, Джейн поняла, что в ближайшие пятнадцать минут ей надо пойти в раздевалку и пожелать команде удачи. Она должна была встретиться с Люком в первый раз с тех пор, как он поцеловал ее, а она сошла с ума и закинула ногу ему на бедро: слава Богу, в последнюю минуту смогла прийти в себя и не поехала с ним в мотель. Это стало бы полным кошмаром по

многим причинам.

Хотя нельзя было отрицать, что она сгорала от желания к Люку Мартинò. Ее притягивало к нему, как будто он был магнитом, а она огромным куском железа, и, казалось, Джейн ничего не могла с этим поделать.

Она провела последнюю неделю путешествия, избегая Люка насколько это было возможно. Избегая мужчину, который раздражал ее, злил ее и заставлял ее внутренности таять. Большую часть времени Джейн была занята: взяла интервью у Дарби для колонки «Одинокая девчонка» и написала статью о милых парнях, которые обычно приходят к финишу последними. Мисс Олкотт рассказала своим читательницам, что они должны избегать тех парней, которые вызывают пожар в женских сердцах, и вместо этого повнимательней приглядываться к милым молодым людям. Она процитировала Дарби и постаралась, чтобы его слова звучали так, как надо. Он же должен был поговорить о ней с тренерами, которые все еще не хотели видеть журналистку рядом с командой.

Джейн взяла на вооружение собственный совет и честно пыталась избегать того парня, который вызвал пожар в ее сердце, затем прижал ее к стене и поцеловал. Она должна была быть потрясена и повергнута в ужас, но, глядя, как Люк приближается к ней, чуть прикрыв глаза, полные страстного желания, почувствовала слабость и возбуждение одновременно. В ту секунду, когда его губы коснулись ее, Джейн уступила своему сердцу и дала ему то, чего оно так отчаянно желало. Люка. Хотя ее чувства к нему были в полном беспорядке, Джейн не могла больше отрицать правду. Она хотела Люка Мартинò. Она хотела быть с ним, но быть чем-то большим, чем просто еще одной женщиной в номере еще одного отеля.

Большим, чем фанаткой.

Он назвал ее ханжой. Джейн была кем угодно, но не ханжой. Ей было все равно, если мужчина грубо выразался во время секса. Ради Бога, она ведь писала о Медовом пирожке. Нет, она не была ханжой. Она была женщиной, сохраняющей чувство собственного достоинства, борющейся с собой и с ним. Борющейся с тем, чтобы не влюбиться окончательно и бесповоротно в недоступного мужчину. Джейн полагала, что если Люк когда-нибудь узнает, что Медовый пирожок — это она, ей больше не придется бороться. Он, вероятно, никогда больше не будет с ней разговаривать. Он может возненавидеть ее.

После того как в ее номере в Денвере на прошлой неделе Люк сказал ей, что это платье виновато в том, что он поцеловал ее, Джейн отослала в мартовский номер то, что написала о красавце-голкипере из Сиэтла. Она была так зла и уязвлена, что нажала кнопку «отправить», и статья унеслась в киберпространство.

Если Люк увидит и прочитает мартовский номер журнала, то узнает, что оказался самой последней жертвой Медового пирожка. Джейн говорила себе, что он должен быть польщен. Что, может быть, он будет польщен. Не каждый мужчина в Америке удостоивается чести быть доведенным до комы самой Хани. Но на самом деле Джейн не верила, что Люк почувствует себя польщенным, и это вызывало у нее чувство вины. Конечно, он никогда не сможет связать Хани со спортивной журналисткой. Он никогда не узнает, что она сделала. Однако это не уменьшало ее вины.

Дарби засмеялся над чем-то, сказанным Каролиной, и оторвал Джейн от мыслей о Люке. На короткое мгновение она задумалась, должна ли предупредить Хоуга, что он не во вкусе ее подруги, что та, вероятно, отвергнет его, но он выглядел более чем счастливым, попавшись на улыбку Каролины.

Вместо того чтобы предостеречь его, Джейн позволила ему самому все решить. Она положила портфель под сиденье и заставила себя спуститься на лифте на нулевой уровень.

Она взглянула на темно-синий пиджак, который надела поверх белой водолазки, и застегнула его, удостоверившись, что он прикрывает ее грудь. До того как Люк упомянул, что ее соски торчат, Джейн действительно уделяла им не очень много внимания. Она на самом деле не особо замечала свою грудь. Та была маленькой и не являлась ее главным достоинством. Джейн полагала, что и никто не замечает ее.

Никто, кроме Люка.

Ее шаги замедлялись по мере приближения к раздевалке, у двери которой она остановилась, слушая воодушевляющую речь тренера Найстрома. Когда тот начал закругляться, Джейн расправила плечи и вошла внутрь. Она не смотрела на Люка, но ей не нужно было видеть его, чтобы знать, что он рядом. Она чувствовала, что он наблюдает за ней. И это было плохим знаком.

— Эй, Шарки, — окликнул ее Брюс.

— Привет, Рыбка, — ответила она и повернулась к остальной команде. Заняв свое место в центре раздевалки, Джейн приступила к исполнению ритуала удачи: — Натяните штаны, джентльмены. Я хочу вам кое-что сказать. Это займет всего минуту, и я не хочу, чтобы вы исполняли это ваше синхронное дерьмо по сбрасыванию раковин. Путешествие с вами, парни, было опытом, который я не забуду. Надеюсь, в этом году вы выиграете кубок Стэнли. — Джейн подошла к капитану команды, который как раз натягивал свитер через голову: — Удачи в игре, Хитмэн.

Марк пожал ей руку. Хотя рана на его губе наверняка причиняла боль, он улыбнулся:

— Спасибо, Джейн.

— Всегда пожалуйста.

Роб должен был сегодня выйти на лед, и Джейн подошла к его шкафчику.

— Как ты себя чувствуешь, Кувалда?

— На все сто, — тот стоял на коньках, возвышаясь над ней. — Хорошо вернуться в строй.

— Рада видеть тебя здесь.

Наконец Джейн повернулась к Люку и направилась к нему. Несколько прядей темно-русых волос упали ему на лоб. Счастливчик сидел, положив шлем на колени. Его ясные голубые глаза следили за ее приближением, его взгляд был предусмотрительно пустым. С каждым шагом ее желудок сжимался все сильнее. Джейн предпочла бы гнев Люка Мартинò. Хоть что-нибудь. Она остановилась перед ним и сделала глубокий вдох:

— Ты большой тупоголовый придурок.

— Спасибо, — сказал он голосом, полностью лишенным эмоций.

— Пожалуйста. — Джейн говорила себе, что надо уйти, но не могла сделать ни шагу. — Я взяла интервью у Диона на прошлой неделе.

— И что? Разве тебя не предупреждали, что не следует действовать мне на нервы перед игрой?

Ладно, может быть, у него все-таки были какие-то эмоции. Он явно был в ярости. Хорошо. Ярость лучше, чем безразличие.

— Да. И ты сказал мне не раздражать тебя после игры.

— Так почему ты все еще здесь?

— Я все подготовила для твоего интервью.

— Очень плохо.

Пришло время нажать на него.

— Мы заключили сделку, Мартино́. Если ты не сдержишь свое слово, я никогда больше не назову тебя придурком.

— Отлично, — Люк встал и посмотрел на нее. — Завтра, после того как ты закончишь ходить по магазинам с Мари. Когда ты привезешь ее домой, сможешь задать свои вопросы.

— Превосходно, — Джейн улыбнулась и удалилась, прежде чем он успел передумать. Когда она вернулась в ложу прессы, Дарби и Каролина были увлечены беседой о его костюме от «Гермес». Джейн достала из-под сиденья портфель и, покопавшись внутри, вытащила ежедневник и пачку стикеров. «Интервью с Люком», — написала она и приклеила бумажку на завтрашний день в ежедневнике. Как будто на самом деле могла забыть об этом.

Во втором периоде Каролина наклонилась к Джейн и прошептала ей в ухо:

— Ты только посмотри на весь этот тестостерон.

— Что-то вроде звезд «Кэмпбелс суп» на льду? — засмеялась Джейн.

— Нет, вроде банка спермы.

«Чинуки» проиграли команде «Флорида Пантерс» на последних четырех секундах игры, когда игрок «Пантерс» выполнил бросок в одно касание с синей линии. Люк упал на колени, но шайба каким-то образом проскользнула между его щитками. Вратарь посмотрел назад в сетку и ударил клюшкой по перекладине, когда раздалась финальная сирена.

Когда Джейн снова вошла в раздевалку, она не опускала глаз и оказалась лицом к лицу с Владом Фетисовым и его сломанным носом. Она не знала, что хуже: смотреть на Цепеша выше плеч или ниже талии.

Расспрашивая Влада о его травме, Джейн тайком бросала взгляды на другой шкафчик. Люк стоял спиной к ней, снимая свое обмундирование, пока не оказался обнаженным выше талии. Взгляд Джейн скользил вниз по ложбинке его позвоночника до ягодиц. Мартино́ повернулся, и ее горло сжалось.

Над его шортами, как приглашение согрешить, виднелась татуировка в виде подковы. Как ни крути, этот парень был пиршеством для глаз. Неудивительно, что он привлекал ее. Неудивительно, что ее мозги отключились, когда он коснулся ее. У нее не было секса со времен Винни, которого она выкинула на улицу почти год назад.

— Это всего лишь игра, — закончил Фетисов, и Джейн порадовалась, что записала его ответ, потому что не услышала ни слова из того, что он говорил.

— Спасибо, Влад.

Может быть, пришло время завести нового любовника. Кого-то, кто поможет ей выкинуть из головы Счастливого и его татушку на удачу.

Когда Джейн на следующее утро заехала за Каролиной, и они отправилась в Белл Таун, над Сиэтлом висела серая дымка. Поскольку позднее должно было состояться интервью с Люком, Джейн надела свою обычную деловую одежду: серые шерстяные брюки и белую блузку. Каролина нарядилась в розовые кожаные брюки и облегающую блузку в красную и розовую полоску и выглядела так, как будто лет на тридцать пять опоздала на прослушивание к «Хохмам Роузэна и Мартина». На ком-нибудь другом такой наряд казался бы настоящим модным кошмаром, но на Каролине он каким-то

образом смотрелся сногшибательно.

Они забрали Мари около кондоминиума Люка и успели как раз вовремя в парикмахерскую. Сначала Вонда подрезала обесеченные концы волос девочки, затем сделала стрижку лесенкой длиной чуть ниже подбородка. Стрижка была молодежной, симпатичной и добавила Мари примерно четыре года. После этого они пошли в «Гэп», «Биби» и «Хот топик», где Мари купила кожаный ремень с большой серебряной пряжкой и футболку с «Заботливыми мишками». Каролина приобрела новый пирсинг в пупок и ярко-розовую пилочку для ногтей. Джейн взяла футболку «Бэтгерл». Они разговаривали о парнях и музыке, и о том, кто из голливудских актрис становится страшной. Везде, где они бывали, Мари по полной использовала кредитку Люка.

У витрины «МАС» в «Нордстроме» визажист использовала минимум косметики, чтобы лишь подчеркнуть большие голубые глаза Мари и показать ее ровный цвет лица. Мари выбрала помаду глубокого красного цвета, который ей шел, но прибавил еще год. Джейн не могла не задуматься, что скажет Люк насчет того, что сестра выглядит так по-взрослому. Скоро все это выяснится.

Когда дело дошло до выбора одежды, Мари восприняла советы Каролины без единого возражения. Та умела так направлять людей по верному пути, что они и не понимали, что их направляют, и их не ранило, что Каролина была высокой, красивой и одевалась как супермодель.

— Эти будут маловаты, — сказала она Мари, когда девочка попыталась взять обтягивающие джинсы «Кельвин Кляйн» сорок второго размера. — Дизайнеры делают одежду для анорексичных девиц или маленьких мальчиков. А ты, слава Богу, совсем не похожа на мальчика, — добавила она и вручила Мари сорок четвертый размер.

Дарби Хоуг появился в обувном отделе, где Мари мерила сабо от «Стив Мэдден» на пятидюймовой танкетке.

— Я сказала Дарби, что помогу ему подобрать несколько рубашек, — объяснила Каролина, и если бы Джейн не знала ее лучше, то могла бы поклясться, что подруга немного покраснела. Быть такого не может! Потому что зануды из «Менса» с ярко-рыжими волосами были не во вкусе Каролины. Она любила высоких, мрачных и свободных от «стража кармана».

Каролина указала Мари на черные ботинки с большими серебряными пряжками по бокам.

— Эти будут фантастически смотреться с той камуфляжной юбкой и ремнем, которые ты купила.

Сама Джейн подумала, что ботинки ужасные, но глаза Мари загорелись, и она воскликнула:

— Йо-хо-хо! — что, как полагала Джейн, было выражением одобрения. И снова она, слушая девочку-подростка, почувствовала себя старой и, чтобы привести чувства в порядок, взяла плетеные сандалии с двухдюймовым каблуком.

Присев рядом с Дарби, она стала зашнуровывать их.

— Что думаешь? — спросила Джейн, закатав штанины брюк и рассматривая сандалии под разными углами.

— Думаю, они выглядят как обувь для пугала.

Она взглянула на него, одетого в любимую шелковую рубашку с черепами и кожаные штаны, и задумалась о первопричинах этого прикида.

Хоуг наклонился и сказал ей на ухо:

— Мне надо, чтобы ты замолвила за меня словечко перед Каролиной.

— Ни за что. Ты оскорбил мои сандалии.

— Если устроишь мне с ней свидание, я куплю тебе эту обувь.

— Хочешь, чтобы я была твоей свахой?

— А что, у тебя с этим какие-то проблемы?

Джейн посмотрела на свою подругу, которая стояла у прилавка «Ральфа Лорена», уставившись на пару туфель.

— Э-э, да.

— Две пары.

— Забудь, — она сняла сандалии и засунула их обратно в коробку. — Но дам несколько советов.

Выбрось рубашку с черепами и не говори о «Менсе».

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Закончив делать покупки в обувном отделе, Джейн с Мари поехали на эскалаторе на верхний этаж, в отдел нижнего белья, а Каролина и Дарби отправились к мужской одежде.

Джейн и Мари уже сгибались под тяжестью пакетов, когда, наконец, нашли вешалки с бюстгальтерами.

— Как тебе этот? — спросила Мари, показывая на бледно-лиловый кружевной лифчик.

— Милый.

— Хотя могу поспорить, что неудобный, — Мари склонила голову набок. — Ты так не думаешь?

— Прости, но я вряд ли смогу помочь тебе здесь. Я не ношу лифчики. Никогда не носила.

— Почему нет?

— Ну, как ты заметила, они мне не особо нужны. Я всегда просто надевала топики или бюстгальтеры без бретелек, или вообще ничего.

— Моя мама убила бы меня, если бы я просто надела топик.

Джейн пожала плечами:

— Да, ну, когда я выросла, мой отец не особо любил говорить о всяких женских штучках. Так что, думаю, он просто долгое время притворялся, что я мальчик.

Мари перевернула ценник:

— Ты все еще скучаешь по своей маме?

— Все время, но сейчас это уже не так тяжело. Просто постарайся и вспомни все самое хорошее, что у тебя было с мамой до ее болезни. Не думай о плохом.

— От чего умерла твоя мама?

— Рак груди.

— О.

Они посмотрели друг на друга через вешалку с бюстгальтерами: голубые глаза Мари встретились с глазами Джейн, и ни одной из них не надо было говорить о том, как тяжело наблюдать, когда любимый человек умирает таким образом. Они знали.

— Ты была младше меня. Ведь так? — спросила Мари.

— Мне было шесть, и мама долго болела, перед тем как умерла. — Ее маме был тридцать один год. На один больше, чем Джейн сейчас.

— Я все еще храню цветы с гроба мамы. Они уже завяли, но каким-то образом помогают мне чувствовать связь ней, — Мари опустила глаза. — Люк не понимает этого. Он думает, я должна

выбросить их.

— Ты не говорила ему, почему хранишь цветы?

— Нет.

— Надо сказать.

Мари пожала плечами и взяла красный лифчик.

— У меня есть кольцо с помолвки моей матери, — призналась Джейн. — Отец оставил обручальное кольцо с ней, но забрал ее кольцо с помолвки. Я обычно носила его на цепочке на шее. — Она не говорила о кольце и о том, что оно значило для нее, уже много лет. Каролина не понимала, потому что ее мать сбежала с водителем грузовика. Но Мари поняла.

— А где кольцо сейчас?

— В моем комоде для нижнего белья. Я сняла его через несколько лет после смерти мамы. Думаю, что ты выбросишь цветы, когда почувствуешь, что пришло время.

Мари кивнула и выбрала белый аква-бра:

— Взгляни на этот.

— Выглядит тяжелым. — Джейн сняла один с вешалки и сжала чашечку. Она оказалась тяжелой и мягкой, и Джейн подумала, что Люк сказал бы о своей маленькой сестре, носящей бюстгальтер пуш-ап. А потом спросила себя, что бы он подумал, если бы она надела такой.

— Люк, возможно, не хочет, чтобы ты покупала большой поролоновый лифчик.

— О, ему будет все равно. Он, скорее всего, даже не заметит, — сказала Мари, взяла четыре лифчика и скрылась в примерочной. В ожидании девочки Джейн подхватила бесчисленные пакеты и направилась к вешалкам с трусиками.

Может, Джейн не очень много знала о бюстгальтерах, но она была знатоком трусиков, а два года назад стала приверженцем трусиков танга. Поначалу она их ненавидела, но потом полюбила. Они не забивались, как обычные трусы, потому что, ну... они уже были там. Пока Джейн ждала Мари, она купила шесть хлопковых с лайкрой трусиков с подходящими к ним топиками.

Выйдя из примерочной, Мари положила стопку трусиков и три лифчика на прилавок. В ее сумочке зашебетал сотовый телефон, и девочка открыла ее.

— Алло, — сказала в трубку Мари. — Ммм... думаю, да, — она взглянула на Джейн. — Я спрошу ее. Люк хочет знать, голодна ли ты.

Люк?

— Зачем?

Мари пожала плечами.

— Зачем? — спросила она брата, вручила продавцу кредитку Люка, а затем сказала Джейн: — Сегодня его очередь готовить. Он говорит, что поскольку ты придешь брать у него интервью, он и для тебя что-нибудь сделает.

В настоящий момент две вещи занимали Джейн. То, что Люк готовит, и то, что он, должно быть, больше не злится на нее.

— Скажи ему, что я умираю от голода.

ГЛАВА 12

Третий не лишний: удар со всей силы

— Странно, когда нет сада, — говорила Мари, болтая о том, как изменилась ее жизнь теперь, когда

она жила в кондоминиуме с Люком в Белл Тауне. — И я больше не занимаюсь стиркой, — добавила девочка, когда они вышли из лифта на девятнадцатом этаже. — Это здорово.

— Люк стирает твои вещи?

Мари засмеялась:

— Нет. — Они шли по коридору к последней двери слева. — Мы отсылаем вещи, и их возвращают все чистыми и отглаженными.

— Даже твоё нижнее бельё?

— Ага.

— Не думаю, что хочу, чтобы кто-нибудь касался моих трусов, — проговорила Джейн, пока Мари открывала дверь. По крайней мере, не незнакомцы. Ступив внутрь, Джейн резко остановилась: впечатление от вида из окон заставило её замереть и вытеснило мысли о незнакомцах, складывающих её стринги. Окна убежали ввысь, от пола до потолка, и занимали всю стену. За небоскребами можно было разглядеть суда в бухте Эллиота. В комнате стояли темно-синий диван, кресла и кофейные и журнальные столики из стекла и металла. Углы комнат, казалось, плавно перетекали в стены, и большие комнатные растения буйно цвели в сверкающих горшках из нержавеющей стали. Слева на широкоформатном экране телевизора «Дьяволы» бились с «Лонг Айлендом», а Дэйв Мэтьюс гроыхал в огромных колонках, встроенных в большущий развлекательный центр.

Люк был на кухне, отделенной от гостиной барной стойкой из гранита. У шкафчиков позади него были стеклянные дверки и хромированные ручки. Бытовая техника из нержавеющей стали имела несколько футуристический вид. Люк взял пульт и приглушил звук стерео. Его губы изогнулись в улыбке, а от уголков глаз разбежались лучики морщинок.

— Классно выглядишь, Мари.

Мари свалила свои сумки на пол и швырнула пальто на диван. Она покрутилась, показывая себя брату, и сказала:

— Я думаю, что выгляжу на двадцать один год.

— Не совсем. — Люк с улыбкой обернулся к Джейн, и та снова почувствовала себя так, будто магнит притягивает её с силой, которой было невозможно противостоять. — Хочешь пива, Джейн?

— Нет, спасибо. Я не пью пиво. — Она положила свой кожаный портфель и куртку на диван.

— Что ты пьешь?

— Вода сойдет.

— Я возьму пиво Джейн, — добровольно вызвалась Мари, добрая душа.

— Как только тебе исполнится двадцать один, — сказал Люк, вытащив бутылку с водой из отделанного нержавеющей сталью холодильника.

— Спорю, ты выпивал до того, как тебе стукнуло двадцать один.

— Ага, и смотри, что из меня получилось. — Закрыв дверь ногой, он указал бутылкой на Джейн: — Не говори ничего.

— Я и не собиралась ничего говорить. — Она прошла через комнату и встала между двух хромированных барных стульев из серой кожи.

— Лучше не надо. — Бросив несколько кубиков льда в стакан, Люк открутил крышку на бутылке. Он закатал рукава свитера цвета слоновой кости. В вырезе лодочкой виднелась белая футболка. На

нем были штаны карго оливкового цвета. На руке блестнул «Ролекс». — Потому что мне известно много чего, чем можно тебя шантажировать.

Он знал, что Джейн таяла, когда он целовал ее, и не любила носить лифчик.

— Ты не знаешь ничего действительно стоящего.

Уголок его рта приподнялся в улыбке.

— Насколько стоящего?

Настолько, что взорвало бы его мозг, и Джейн просто поблагодарила Бога, что Люк никогда не выяснит это. Он никогда не узнает, что она была Медовым пирожком.

— О чем речь? — захотела узнать Мари, садясь около их гости.

— О том, что я девочка-скаут, — ответила та. Люк с сомнением поднял бровь, поставив стакан на стойку бара. — Ну, была ею, — заверила его Джейн.

— Я тоже, — добавила Мари. — У меня до сих пор есть все мои нашивки.

— Я никогда не был бой-скаутом.

— Да кто бы сомневался! — закатила глаза Мари.

Люк посмотрел на сестру, как будто хотел сказать пару слов в ответ, но в последнюю секунду передумал. Вместо этого он поставил воду в холодильник, а тарелку маринованных куриных грудок на кухонный стол.

— Чем помочь? — спросила Джейн.

Выдвинув ящик стола, Люк вынул вилку и перевернул курицу.

— Просто посиди смирно и расслабься.

— Я помогу тебе, — добровольно вызвалась Мари, соскользнув со стула.

Люк поднял голову и улыбнулся: голубые глаза потеплели, когда он смотрел на сестренку, и сердце Джейн сжалось. Это не имело ничего общего с тем, что она его желала. Ничего общего с влюбленностью. Просто она увидела другого Люка Мартинò — доброго и нежного.

— Это было бы здорово. Спасибо. Возьми спагетти и поставь их вариться.

Обойдя барную стойку, Мари присоединилась к Люку на кухне: вытащила красную коробку из стеклянного шкафчика, затем потянулась за мерной чашей.

— Два стакана воды, — прочитала она вслух. — И столовая ложка сливочного масла.

— Когда Мари была маленькой, — сказал Люк, как только сестра повернула кран, — она говорила «бода» вместо «вода».

— А ты откуда знаешь? — спросила Мари, отмеряя воду в чаше.

— Услышал от тебя, когда приезжал в гости. Отец был еще жив. Тебе было, наверное, года два.

— Я была симпатичной в детстве.

— Ты была лысой.

Она закрыла кран и вылила воду в кастрюлю.

— И что?

Дотянувшись, Люк потрепал сестру по волосам:

— Ты была похожа на обезьянку.

— Люк! — Мари поставила кастрюлю на плиту и пригладила волосы пальцами.

Он рассмеялся глубоким удовлетворенным ха-ха-ха.

— Ты была симпатичной обезьянкой.

— Ладно. Так-то лучше. — Повернувшись к плите, Мари добавила масла. — Ты просто ревнуешь, потому что сам был похож на Телепузика.

— Что такое Телепузик?

— О Боже! Ты не знаешь, кто такой Телепузик? — Она покачала головой, удивляясь глупости своего брата.

— Нет. — Озадаченная складка пролегла между его бровей, когда Люк обратил взгляд своих голубых глаз на Джейн. — А ты знаешь?

— К сожалению, да. Это шоу рассчитано на детей самого младшего возраста. И насколько я могу судить, посмотрев передачу один раз, эти Телепузики просто бегают по Телепузиландии, болтая и лопоча.

— И они показывают картинки на своих животиках, — прибавила Мари.

Рот Люка приоткрылся, глаза остекленели, и он выглядел так, будто заработал неожиданную головную боль, просто подумав об этом.

— Да ладно! Вы шутите!

— Нет, — Джейн покачала головой. — И в свое оправдание: я просто знаю это, потому что несколько лет назад Джерри Фалуэлл опубликовал заголовки, в которых предупреждал родителей, что в Телепузиландии таится гомосексуальный подтекст. Вероятно потому, что Тинки-Винки фиолетового цвета и носит красную сумочку.

— Тинки-Винки? — Медленно повернувшись, Люк посмотрел на свою сестру: — Черт возьми, и ты высмеивала меня за то, что я смотрю хоккей.

— Это не одно и то же. Когда ты смотришь хоккей — это всё равно, как если б я смотрела обучающие программы.

Очко в ее пользу.

Должно быть, он подумал так же, поскольку признал это, пожав плечами.

— Поверить не могу, что ты смотришь этих Телепузанов, — сказал Люк, но взял пульт и выключил хоккейную игру.

— Телепузиков, — поправила его Мари. — Когда я прихожу к Ханне, она включает кассеты для своего двухлетнего брата. Это завораживает его, так что мы можем красить ногти на руках.

— Ханна?

— Девочка, которая живет на третьем этаже. Я говорила тебе о ней.

— О, точно. Я забыл, как ее зовут. — Как только Люк поставил овощи тушиться, он включил плиту-гриль и положил на нее курицу.

— Я собираюсь с ней в кино после обеда.

— Вас подвезти?

— Нет.

У Люка было врожденное изящество во всем, тянулся ли он за шайбой или переворачивал куриные грудки на гриле. Экономные и плавные движения — это было завораживающее зрелище. Почти такое же завораживающее, как созерцание его задницы, обтянутой этими штанами карго. Край его свитера спускался чуть ниже бедер, прямо над ярлыком «Нотика», пришитым на задний карман. Джейн слушала Люка и его сестру, рассказывавшую о том, как они провели день. Обо всем, что она купила, и о ее дальнейших планах. Джейн знала из своих разговоров с Люком, что тот считал, что

плохо справляется с Мари. Видя их вместе, Джейн уверилась, что он неправ. Казалось, они вполне прилично ладят. Они были семьей. Возможно, не совсем обычной семьей, может, не всегда спокойной, но все-таки семьей. Они стояли у плиты, готовили, разговаривали, стараясь втянуть и их гостью, но она все еще ощущала себя немного отстраненно. Мари в своих слишком обтягивающих джинсах, которые она надела, когда Джейн заехала за ней этим утром, и Люк в своих штанах, которые были точно такими же, как у сестры.

Люк переворачивал курицу, а Мари просвещала его о различных дизайнерах, про которых ей поведала Каролина.

— Надеюсь, ты, наконец-то, купила несколько не слишком узких джинсов, — сказал он, проверяя варящиеся на пару овощи.

Мари посмотрела на брата через плечо, слегка прищуриив голубые глаза.

Возможно, если бы Люк взглянул в сторону своей сестры, то заметил бы, что назревает серьезная проблема, и не добавил бы:

— Твои штаны такие обтягивающие, что удивительно, как они не разошлись по швам.

Ой-ой.

— Это та-а-ак подло! Я же не говорю тебе, что твои джинсы слишком обтягивающие.

— Потому что это не так. Я не люблю, когда что-либо обтягивает мою задницу. — Наконец он взглянул на Мари: — Из-за чего ты так бесишься?

Девочка открыла рот, но Джейн опередила ее:

— Мари подобрала несколько милых вещиц, и в них она выглядит действительно симпатично. —

Ну, за исключением того пояса с шипами. — Каролина выручила ее. Я не очень хорошо разбираюсь в модной ерунде и во всем этом цветастом хит-параде вещей. Вот почему я ношу много черного.

Люк наклонился, оперевшись о кухонный стол.

— Я думал, это потому, что ты Королева проклятых.

Джейн посмотрела в его смеющиеся глаза и нахмурилась.

— Нет, грубиян, — сказала она и снова повернулась к Мари. — В следующий раз, когда я пойду на эпиляцию воском, тебе следует пойти вместе со мной. Я раньше брила ноги, но теперь перешла на воск. Больно дьявольски... ох, я имела в виду чертовски... но оно того стоит.

— Хорошо. — Мари улыбнулась брату: — Могу я взять одну из твоих «Виза», Люк?

— Черт, нет. — Он скрестил босые ноги и сложил руки на широкой груди. — Ты купишь пятьдесят килограммов конфет и дурацкие компакт-диски Бритни Спирс.

К Мари вернулся ее свирепый вид.

— Это произошло только раз. И совсем не пятьдесят килограммов. И я не покупаю дурацких дисков.

— Дважды. Весь этот сахар вреден для тебя, а Бритни Спирс — просто вынос мозга. — Напряжение сковало воздух, хотя Люк, казалось, не замечал этого. Или просто слишком хорошо игнорировал. Он выпрямился и проверил то, что готовилось. — Когда-нибудь, когда у тебя все еще будут все твои зубы, и твой мозг не превратится в желе из-за Бритни, ты поблагодаришь меня.

Судя по выражению лица Мари, такой день наступит о-о-очень не скоро.

К тому времени, как все они сели за обеденный стол, Мари надолго замолчала. Даже при том, что и Джейн была в свое время девочкой-подростком, она не припоминала, чтобы когда-нибудь была такой же угрюмой. С другой стороны, у нее не было брата, который говорил ей, что ее штаны

слишком обтягивающие, а ее музыка — отстой. Только отец, который имел обыкновение раздражаться и наводить на нее ужас, обвиняя во всем ее «женские дни».

Люк сидел во главе стола, а Джейн и Мари по обеим сторонам от него. Три стакана с молоком стояли рядом с их тарелками, хотя Джейн припомнила, что когда он спрашивал, она сказала ему, что не пьет молоко. Никто не принуждал ее пить молоко со времен начальной школы, думала она, положив салфетку на колени и сосредоточившись на еде. Прежде у нее были мужчины, которые пытались насильно заставить ее пить алкогольные напитки, но молоко — никогда.

Мало того, что Люку удалось сделать процесс приготовления еды аппетитным, он и приготовил ее вкусно. Парень, который выглядел так хорошо, что хотелось съесть его, и мог готовить? Если бы не его коллекция Барби и то, что он заставлял ее пить молоко, он был бы слишком хорош, чтобы быть реальным.

— Курица превосходна, — похвалила его Джейн.

— Спасибо. Весь секрет в апельсиновом соке.

— Ты сам делаешь маринад?

— Конечно, все дело в том, что...

— А вы знаете, — прервала Мари, — что дельфины — единственные млекопитающие, кроме человека, которые занимаются сексом для удовольствия?

Вилка Люка замерла в воздухе, и он посмотрел на сестру. Мари нарочно дразнила брата, и Джейн было интересно услышать его ответ, чтобы увидеть, шокирует ли это его, или он отреагирует иначе, не так как добивалась Мари.

— Где ты это слышала? — спросил он.

— Наш учитель по биологии нам сказал. И парень в классе ходил в «Диснейворлд», плавал с дельфинами, и он говорит, что они действительно сексуально озабоченные.

Вилка продолжила свое движение ко рту Люка, и тот начал жевать с глубокомысленным видом.

— Я не помню изучение сексуально возбужденных дельфинов в школе. Мы только расчленили лягушек. — Он обратился к Джейн: — Чувствую себя обманутым. — Затем, опередив Мари, спросил: — А ты, Джейн? Ты что-нибудь знаешь о сексуальноозабоченных дельфинах?

Покачивая головой, Джейн постаралась не улыбнуться:

— Нет, но я видела по каналу «Дискавери», что они нашли несколько обезьян-гомосексуалистов в Африке. Таким образом, они абсолютно уверены, что некоторые виды обезьян также спариваются ради удовольствия.

Брови Люка поднялись вверх:

— Обезьяны-гомосексуалисты? Как они это определили?

Джейн засмеялась и покачала головой.

Уголки его рта приподнялись в улыбке, и небольшие морщинки появились в уголках голубых глаз.

— Очки в черной оправе и пижама с коровами?

— Не начинай...

— Что? — Мари опять начала любопытничать.

Джейн улыбнулась Люку, ковыряясь вилкой в спагетти:

— Он думает, что у меня уродливые очки.

— И пижама.

— Откуда ты узнал, какая у Джейн пижама?

Люк посмотрел на сестру:

— Я подловил ее у автомата с конфетами в отеле в Фениксе, одетой в самую уродливейшую пижаму с коровами, какую ты можешь себе вообразить.

— У меня была шоколадная ломка, — объяснила Джейн. — Я думала, что все игроки уже в своих комнатах.

— Люк не понимает шоколадных ломок, — Мари закатила глаза. — Он ест только здоровую ерунду.

— Мое тело — это храм, — сказал он, откусывая большой кусок цветной капусты.

— И любой с длинными ногами и большими буферами приветствуется для поклонения, — добавила Джейн и моментально пожелала вернуть свои слова обратно.

Мари засмеялась.

Люк улыбнулся как грешник.

Джейн сменила тему прежде, чем он смог выдать что-нибудь.

— Кто такая миссис Джексон?

— Пожилая леди, которая остается со мной, когда Люк уезжает, — ответила Мари.

— Глория Джексон — учительница на пенсии и очень милая женщина.

— Она старая. — Мари подцепила порцию спагетти. — И она медленно ест.

— Ну, а это причина, чтобы ненавидеть ее.

— Я не ненавижу Глорию. Только не считаю, что нуждаюсь в няньке.

Люк раздраженно выдохнул, как будто они и раньше вели этот разговор. Много раз. Он потянулся за своим стаканом молока и сделал большой глоток. Когда же снова опустил его, тонкие белые усы остались над его верхней губой, и Люк слизнул их.

— Почему ты не пьешь молоко? — спросил он Джейн.

— Я говорила тебе, что не люблю молоко.

— Знаю, но тебе необходим кальций. Он полезен для твоих костей.

— Не говори мне, что ты беспокоишься о моих костях.

— Не беспокоюсь. — Его губы изогнулись в сексуальной ухмылке. — Хотя... любопытно.

Его слова и то, что было в глазах, проскользнули к ней внутрь и согрели в местах, которые лучше было бы оставить охлажденными.

— Лучше просто выпей, Джейн, — предупредила Мари, не уловив сексуальный подтекст их разговора. — Люк всегда получает то, что захочет.

— Всегда? — спросила Джейн.

— Нет, — он покачал головой. — Не всегда.

— В большинстве случаев, — настаивала Мари.

— Ненавижу проигрывать. — Его пристальный взгляд проследовал к губам Джейн. — Я сделай-или-умри-стараясь парень.

Джейн взглянула на Мари, которая была занята подталкиванием брокколи к краю своей тарелки, и спросила, снова обращая внимание на Люка:

— Сколько бы времени это ни заняло?

— Абсолютно.

— Как насчет грязной игры?

— Зависит от моих шансов. — Посмотрев ей в глаза, он сказал: — Иногда я вынужден играть грязно.

— Вынужден?

Озорная ухмылка изогнула его губы:

— Иногда мне просто нравится играть грязно.

Да, Джейн знала это о нем. Она видела, как он толкался и цеплял игроков за коньки, и вел грубую игру перед своими воротами. Однако она не думала, что сейчас он говорит о хоккее.

— Когда я смогу получить водительские права? — к счастью, перебила Мари, сменив тему беседы.

Оба посмотрели на нее, затем Люк откинулся назад на своем стуле, а Джейн вздохнула с облегчением.

— Ты недостаточно взрослая.

— Я взрослая. Мне шестнадцать.

— Когда тебе исполнится восемнадцать.

— Ни за что, Люк. — Мари быстро проглотила молоко и поставила стакан на пустую тарелку. — Я хочу новый «Фольксваген Жук». Я могу купить его на свои собственные деньги.

— Ты не можешь получить свои деньги, пока тебе не исполнится двадцать один.

— Я устраюсь на работу.

Люк наблюдал, как сестра берет тарелку и столовые приборы и идет на кухню.

— Она не в настроении сегодня, — сказал он украдкой.

— Она бесится, потому что ты сказал, что ее джинсы слишком обтягивающие.

— Так и есть.

Джейн скомкала салфетку в руке и положила ее на стол.

— Не думаю, что теперь у нее будут с этим проблемы. Каролина уговорила ее покупать одежду, которая ей подходит.

— Было очень здорово с твоей стороны и со стороны твоей подруги пожертвовать вашим выходным и сходить по магазинам с моей сестрой, — сказал он, пока они оба наблюдали, как Мари покидает кухню и идет по коридору к себе в комнату. — Не могу себе представить ничего хуже. — Люк скользнул ладонью под руку Джейн, рассматривая ее пальцы.

— Это Каролина всё сделала. — Ее рука казалась маленькой и очень белой в теплой ладони Люка, и неожиданно Джейн стало трудно дышать. — Я с трудом могу одеть саму себя. И ношу много черного, потому что не знаю, какие цвета хорошо смотрятся на мне.

— Красный. — Он перевернул ее руку ладонью вверх и посмотрел на нее. Медленно его взгляд скользнул вверх по запястью, руке, минуя плечи, вновь к ее губам. Люк наклонился ближе, и его голос стал более глубоким, более страстным и жарким. — Ты потрясно выглядишь в красном, но, я думаю, мы уже говорили об этом твоём маленьком красном платье, — сказал он. Его голос отзывался теплым трепетом по всему ее телу до самого низа живота.

— Которое загипнотизировало тебя, заставив поцеловать меня?

— Я пришел к выводу, что это не было платье. Это была женщина в платье. — Его большой палец легко касался ее руки. — У тебя нежная девичья кожа.

Она положила свободную руку себе на живот, как будто могла унять этих бабочек.

— Я женщина.

— Я заметил. Даже когда я не хочу замечать тебя. Сидящую сзади в самолете или в автобусе. Или

входящую в раздевалку после игры, готовую принять вызов парней, которые размером вдвое больше тебя. Я всегда замечал тебя, Джейн.

Нервный смех застрял у нее в горле.

— Возможно потому, что я единственная женщина среди тридцати мужчин. Меня трудно не заметить.

— Может, поначалу. — Люк охватил взглядом ее волосы и лицо. — Я оглядывался вокруг, видел тебя и удивлялся, потому что тебя там не должно было быть. — Он встретился с ней глазами. — Теперь я ищу тебя.

Хотя его слова заставили ее сердце биться сильнее, Джейн было трудно поверить в то, что он сказал.

— Я думала, ты не хотел, чтобы я путешествовала с командой.

Он положил руку Джейн обратно на салфетку.

— Не хотел. — Люк встал и собрал тарелки и столовые приборы. — И все еще не хочу.

Джейн схватила стаканы и последовала за ним на кухню.

— Почему? Я говорила тебе, что не собираюсь выкладывать ваши секреты в книге откровений. — И это было правдой. Медовый пирожок была вымышленной колонкой. Эротической фантазией. Ее эротической фантазией.

Он поставил все в раковину и вместо ответа взял ее полный стакан молока и осушил его. Когда Люк вновь опустил стакан, она повторила свой вопрос:

— Почему ты не хотел, чтобы я путешествовала с командой?

Его голубые глаза уставились в ее, пока он слизывал молочные усы с верхней губы, и у Джейн сложилось ощущение, что его ответ очень важен. Для нее. Потому что, хотя она желала, чтобы этого не произошло, и не важно, как сильно она старалась предотвратить это, Джейн влюблялась в Люка. Чем сильнее она сопротивлялась, тем с большей силой ее затягивало в это чувство.

— Я ухожу, — сказала Мари, вернувшись на кухню.

В течение нескольких кратких мгновений Люк продолжал смотреть на Джейн, перед тем как перевести взгляд на сестру.

— Тебе нужны деньги? — спросил он, поставив стакан в раковину.

— У меня есть двадцатка. Я думаю, мне хватит. — Мари набросила куртку для сноуборда и вытянула волосы из-под воротника. — Я, может, переночую у Ханны. Впрочем, она должна спросить у своей мамы.

— В любом случае, сообщи мне.

— Ладно.

Мари застегнула куртку и попрощалась с Джейн. Люк пошел провожать сестру к двери. Пока Джейн наблюдала за ними, ее взгляд упал на кожаный портфель, и это напомнило ей, зачем она пришла в квартиру Люка в первую очередь. Может, их и влечет друг к другу, но они оба профессионалы, и она здесь, чтобы делать свою работу. Она была не в его вкусе и не хотела влюбляться в мужчину, который раскрошит ее сердце, как чипсы «Дорито».

Она перешла из кухни на диван в гостиной. Расстегнув портфель, вытащила блокнот и диктофон.

Джейн не хотела, чтобы ее сердце было разбито. Она не хотела любить Люка Мартинò, но каждый удар в ее груди говорил ей, что уже слишком поздно.

Когда Люк закрыл за Мари дверь, Джейн взглянула на него.

— Готов заняться делом? — спросила она.

— Начался отсчет?

— Ага. — Она вытащила ручку из кармана своего портфеля.

Люк приблизился, большими шагами сокращая расстояние между ними. Что же такое было в нем, когда он приближался к Джейн, глядя на нее своими прекрасными голубыми глазами, от жаркого соблазна которых она плавилась?

— Где бы ты хотел сделать это?

— Вот это правильный вопрос, — проговорил он с теплой сексуальной улыбкой.

Эта песенка очень точно описывает мысли Люка относительно Джейн

ГЛАВА 13

Хет-трик: игрок забивает три гола за одну игру

— Ты собираешься приставать ко мне?

Люк скрестил руки на груди и посмотрел на Джейн:

— У тебя с этим какие-то проблемы?

— Да. Я здесь для того, чтобы взять у тебя интервью для «Таймс».

Черт. Расправленные плечи, прямой взгляд — она была вся в работе. Очень плохо. Ему нравилось дразнить ее.

— Присядь.

Прошло много времени, с тех пор как женщины, за исключением Глории Джексон, появлялись в доме Люка. С тех пор как Мари приехала жить к нему.

Чуть раньше, когда он впервые поднял глаза, а Джейн стояла в гостиной, для него оказалось потрясением увидеть женщину, окруженную его вещами. Так же было вначале, когда он оглядывался и видел, что она сидит в самолете команды или в автобусе. Неподходящая женщина в неожиданном месте. Теперь, как и тогда, ей не понадобилось много времени, для того чтобы вписаться в обстановку. Как будто здесь всегда было ее место.

Люк сел на край дивана, а Джейн устроилась посередине. Она надела обычные серые брюки и белую блузку. Пока Джейн разглядывала записную книжку и диктофон на своих коленях, несколько темных завитков упали ей на висок и щеку. Люк знал, что ее кожа на ощупь была такой же мягкой, какой выглядела. — Как много о своем прошлом ты хочешь рассказать? — начала Джейн, не поднимая головы от записной книжки, пока задавала вопрос.

— Нисколько.

— О нем было много написано. Ты мог бы расставить все на свои места.

— Чем меньше о нем говорят, тем лучше.

— Что больше всего беспокоит тебя? То, что все написанное о тебе правда, — она уголком глаза взглянула на него, — или что это полная чепуха?

Никто никогда не задавал ему такие вопросы, и Люк задумался на секунду:

— Вероятно то, что написанное — неправда.

— Даже если это тебе льстит?

— Что, например?

— О, ну, я не знаю, — Джейн вдохнула и выдохнула. — Женщины, сексуальные оргии всю ночь напролет.

Люк был немного разочарован, что она завела этот разговор, но поскольку диктофон не был включен, сказал:

— У меня никогда не было секса всю ночь напролет. Если я не ложился спать всю ночь, то потому что был под кайфом.

Джейн снова посмотрела на свои колени и прикусила губу изнутри:

— Большинство мужчин, вероятно, были бы польщены, если бы их описывали как неких сексуальных марафонцев.

Люк решил, что доверяет ей. Или он бы не стал рассказывать ей столько, сколько уже рассказал. Так что он добавил:

— Если я был под кайфом и на взводе всю ночь, то не в сексуальном плане, если ты понимаешь, о чем я.

— Значит, ничто из этой болтовни о тебе и разных женщинах не льстит тебе?

Он задумался, спросила ли Джейн это, потому что была немножечко ханжой, или ее интересовали такого рода вещи.

— На самом деле, нет. Я пытаюсь восстановить свою карьеру, и это дерьмо встает на пути более важных вещей.

— А-а, — Джейн щелкнула ручкой и нажала на кнопку записи. — В классификации пятидесяти лучших игроков этого сезона в «Хоккейных новостях» ты занимаешь шестое место и второе среди голкиперов, — сказала она, уводя разговор от его личной жизни. — В прошлом году ты вообще не попал в этот список. Чему, как ты думаешь, ты обязан таким впечатляющим продвижением по сравнению с последним сезоном?

Она, должно быть, шутит.

— Это не продвижение. Я почти не играл в прошлом сезоне.

— Ты очень много сделал в этом году, чтобы прийти в форму после травмы, — голос Джейн звучал натянуто, как будто она нервничала, что было немного удивительно. Люк не думал, что в мире есть много того, что может заставить ее нервничать. — Что стало самым большим препятствием для тебя? — спросила она.

— Снова получить шанс играть.

Джейн заправила волосы за ухо и подняла на него глаза:

— Как твои колени?

— На все сто, — солгал Люк. Его колени никогда не станут такими, какими были до травмы. Ему придется жить с болью и беспокойством все время, пока будет играть.

— Я читала, что когда ты начинал в молодежной лиге в Эдмонтоне, ты был центральным нападающим. Что заставило тебя стать вратарем?

Очевидно, она изучила не только его сексуальную жизнь. По какой-то причине это не возмущало его так, как должно было бы.

— Я был центральным нападающим с пяти до двенадцати лет. Наш вратарь уехал в середине сезона, и тренер посмотрел вокруг и сказал: «Люк, становись в ворота. Ты — голкипер».

Джейн засмеялась и, казалось, немножко расслабилась:

— В самом деле? Ты родился сгорающим от желания останавливать шайбы головой?

Ему нравился ее смех. Он был искренним и сиял в ее зеленых глазах.

— Нет, но я был действительно хорош, действительно быстр, так что не получил сотрясения мозга. Джейн что-то записала.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы вернуться на свою бывшую позицию?

Люк покачал головой:

— Нет, оказавшись в воротах, я больше не захотел уходить. Я никогда даже не думал об этом.

— Ты знаешь, что говоришь «а-а-аб» вместо «об»? — она снова посмотрела на него.

— Все еще? Я работаю над этим.

— Не надо. Мне нравится.

А ему нравилась она. Намного сильнее, чем, как он знал, было бы благоразумно. Но глядя на нее, с этими ее блестящими волосами и розовыми губами, он вдруг перестал беспокоиться о благоразумии.

— Тогда, полагаю, я не буду работать над этим, а-а? — ответил он как истинный сын Эдмонта.

Уголки рта Джейн приподнялись в улыбке, и она снова наклонилась к записной книжке на коленях.

— Некоторые люди говорят, что вратари отличаются от других игроков. Что они совершенно иное племя. Ты согласен?

— В определенной степени, это, наверное, правда, — Люк откинулся на спинку дивана и положил на нее руку. — Мы ведем иную игру, чем полевые игроки. Хоккей — командная игра, за исключением парня в воротах. Голкиперы намного больше играют один на один. И если мы облажаемся, никто не сможет прикрыть нас.

— Огни не зажигаются, и толпа не веселится, когда кто-то проскальзывает мимо крайнего нападающего? — спросила Джейн.

— Точно.

— Как много времени надо, чтобы прийти в себя после поражения?

— Зависит от поражения. Я пересматриваю записи игры, думаю, как лучше поступить в следующий раз, и обычно заканчиваю с этим на другой день.

— Какие у тебя есть ритуалы перед игрой?

Люк хранил молчание, пока Джейн наконец не повернула голову к нему, затем спросил:

— Кроме того, что ты называешь меня придурком?

— Я не напечатаю это.

— Лицемерка.

Она пожала плечами:

— Подай на меня в суд.

Он много чего представлял, что мог бы сделать с ней, но судебное преследование не входило в этот список.

— Я ем пищу с большим содержанием белка и железа за день перед игрой и в день игры.

— Закончивший карьеру вратарь Гленн Холл говорил, что ненавидит каждую минуту игры. Что ты можешь сказать об этой точке зрения?

«Интересный вопрос», — подумал Люк, наклонив голову и изучая Джейн. Что чувствовал он?

Иногда он ненавидел это также сильно, как Холл. Иногда это было лучше, чем секс.

— На льду я очень сконцентрирован и настроен на борьбу. Нет лучшего чувства, чем когда я в воротах, блокирую удары и ловлю шайбы в воздухе. Да, я люблю то, что делаю.

Джейн что-то записала, затем перелистнула страницу. Подняв ручку, она прижала ее к верхней губе,

привлекая внимание Люка к своему рту.

В Джейн было что-то, что привлекало его больше, чем все женщины, которых он когда-либо знал. Что-то большее, чем несоответствие между ханжой-Джейн и Джейн, которая целовалась как порнозвезда. Что-то, что заставляло его хотеть провести пальцами по ее блестящим локонам и обхватить лицо ладонями. Люк был со множеством прекрасных женщин, с идеальными физическими данными, но он всегда держал свое желание под контролем. А с Джейн было не так. Худенькая, маленькая Джейн, с небольшой грудью и буйными локонами, и глубокими зелеными глазами, которые могли смотреть внутрь него и видеть, что он никуда не годен. С той ночи на банкете, когда он поцеловал ее, Люк представлял, как снимает с нее одежду и исследует ее тело руками и ртом. Он пытался избегать ее, но вместо этого оказался очень близок к тому, чтобы заняться с ней сексом прямо у стены на парковке. И за последние несколько дней его желание стало только сильнее. Теперь, глядя на Джейн, с этой ее нежной кожей и блестящими волосами, он спросил себя, почему вообще должен избегать ее. Она была в его жизни. И она никуда не денется, так же как и он. Они оба взрослые люди. Если бы его губы оказались на ее груди, пока он глубоко погружался бы в ее теплое влажное тело, что ж, не было бы ничего страшного в том, что двое взрослых людей дарят друг другу удовольствие. На самом деле это, вероятно, то, что нужно им обоим. Люк опустил взгляд на ее блузку и выпуклость маленькой груди. Он просто знал: это то, что ему нужно.

Телефон рядом с Люком зазвонил, оторвав его от изучения груди Джейн. Он взял трубку. Звонила Мари, сообщившая ему, что проведет всю ночь у Ханны.

— Позвони мне утром, — ответил он и отключился.

— Мари?

— Да. Она остается у Ханны.

Джейн повернулась к нему, подтянув одну ногу на диван и прислонившись плечом к подушке рядом с рукой Люка.

— Хочешь поговорить о Мари?

— Нет. Я не скажу ничего, что могло бы сделать ее жизнь еще сложнее.

— Думаю, это мудро, — Джейн посмотрела в свои записи, затем подняла глаза на него. — Когда ты думаешь о будущем, каким ты видишь себя?

Люк ненавидел этот вопрос. Он просто пытался провести этот сезон без травм, и ему не нравилось думать о том, что будет дальше. Один период, одна игра, один сезон: вот как далеко он заглядывал.

— Думаю, у меня будет время решить, что делать, когда я закончу карьеру.

— Когда, ты думаешь, это произойдет?

— Надеюсь, у меня есть, по крайней мере, еще пять сезонов. Может быть, больше.

— Ты печально известен тем, что не даешь интервью. Почему ты так не желаешь разговаривать с журналистами?

Люк провел пальцами по ее руке:

— Потому что они обычно задают неправильные вопросы.

Джейн смотрела, как кончики его пальцем скользят к ее плечу, и ее губы приоткрылись в тихом вздохе:

— Какие же вопросы правильные?

Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть на себя:

— Спроси меня еще раз, почему я не хочу, чтобы ты путешествовала с командой.

— Почему?

Люк скользнул большим пальцем по ее нижней губе:

— Потому что ты сводишь меня с ума.

— О, — прошептала Джейн.

Взяв ее диктофон, он выключил его.

— Я думал, что если перестану повсюду видеть тебя, то забуду. Я думал, что если буду избегать тебя, то смогу выбросить тебя из головы. Но это не сработало, — он взял записную книжку и ручку из рук Джейн и бросил на пол. А затем доставил себе удовольствие, проведя пальцами по мягким завиткам на ее висках. — Я хочу тебя, Джейн. — Он наклонился вперед и обхватил ее лицо ладонями. Прижался лбом к ее лбу и, чтобы удостовериться, что она правильно его поняла, добавил:

— Я хочу раздеть тебя и целовать повсюду.

Ее глаза широко раскрылись:

— Только прошлой ночью ты был по-настоящему зол на меня.

— Больше я злился на себя, потому что заставил тебя почувствовать себя фанаткой, — он коснулся губами ее губ. — Я хочу, чтобы ты знала, что я ни секунды не думал о тебе, как о фанатке. Я знаю, кто ты, и, несмотря на мои попытки игнорировать тебя, я не могу сделать это. — Люк мягко поцеловал Джейн, затем отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Я хочу заняться с тобой любовью, и, если ты меня сейчас не остановишь, именно это и случится.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказала Джейн, но не отодвинулась.

— Почему?

— Потому что я журналист, который ездит с тобой на игры. С «Чинуками».

Люк поцеловал уголок ее рта и почувствовал, что она немного оттаяла.

— Тебе стоит придумать причину получше в следующие три секунды, или очень скоро ты окажешься совсем голой.

— Я не одна из твоих куколок Барби. У меня нет длинных ног и большой груди. Я не могу соперничать с ними.

Люк снова отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. И мог бы засмеяться, если бы не увидел, что Джейн совершенно серьезна.

— Это не соревнование, — он заправил ей волосы за ухо.

Она схватила его запястья:

— Я не та женщина, которая может вызвать страстное желание в таком мужчине, как ты.

В этот раз он рассмеялся. Он не смог удержаться. Его эрекция доказывала обратное.

— С того самого утра в самолете, когда я оглянулся и увидел тебя, я думал о том, как ты выглядишь обнаженной, — он провел рукой по ее шее до пуговиц на блузке. — Уже тогда ты свела меня с ума. — Кончики его пальцев коснулись ее обнаженной кожи и какого-то шелковистого материала, когда он расстегивал пуговицы. — Пробудила все существующие во мне чувства, а особенно желание, — опустив голову, он поцеловал раковину ее уха. — Все многообразие похотливых мыслей и грязных фантазий, которые бы шокировали тебя.

Он вытащил полы ее блузки из брюк и посмотрел на шелковый топ.

— В ту ночь, когда я проходил мимо и увидел тебя в комнате для прессы, я думал о том, чтобы

посадить тебя на стол и взять прямо там на подносах с десертом.

— Звучит... аморально.

— И весело. Я думал обо всех интересных местах твоего тела, которые смог бы начисто вылизать. Когда Джейн заговорила, ее голос звучал так, будто у нее перехватило дыхание:

— Мне казалось, ты не ешь сладости.

Люк засмеялся.

— Я хочу съесть твои сладости, — сказал он и поцеловал изгиб ее шеи. — Разве это шокирует тебя, малышка Джейн?

Джейн сдержала стон, зародившийся у нее глубоко в груди. Люк поверг ее в шок, но не по той причине, по какой думал. То, что он вообще мечтал о ней, не говоря уже о мечтах в комнате для прессы, было огромным потрясением. Его теплое дыхание на ее горле вызывало мурашки на спине, а его рука, скользящая по шелковому топику, заставляла кожу гореть огнем. Жар сгущался у нее между ног. Соски болезненно напряглись, и Джейн сжала бедра. Она хотела Люка. Хотела его так сильно, что ее зрение затуманилось, и она едва дышала. О, да, она хотела его так же сильно, как он хотел ее, но Джейн пугало то, куда это желание может их привести. Если бы это был просто вопрос секса, она бы уже была обнаженной. Он бы тоже уже был голым. Но все было не так просто. По крайней мере, для нее. Неважно, как сильно она желала обратного, но в этом оказалось замешано ее сердце.

Джейн прерывисто вздохнула и открыла рот, чтобы сказать ему, что не может сделать этого, что должна идти домой, но большая рука Люка, обжигая ей кожу сквозь шелк, легла на ее грудь, и он шепнул ей на ухо:

— Джейн, я хочу тебя.

Затем его губы нашли ее, теплый мужской запах наполнил ноздри Джейн, и она глубоко вдохнула его. Люк пах чистой кожей, а на вкус был как секс.

Девятнадцатью этажами ниже промчалась пожарная машина, и реальный мир исчез, забирая с собой остатки благоразумия Джейн. Ее самообладание улетучилось. Она сжала свитер Люка в кулаках и крепко держала его. Она хотела Люка также сильно, как и он ее. Может быть, сильнее. И о последствиях она подумает завтра. Сейчас ее волновала лишь его ладонь, потирающая ее сосок через шелк топа, и его страстные, упоительные поцелуи, которые лишали ее рассудка и заставляли тело болеть. Стон поражения вырвался из ее горла, когда Джейн поцеловала его в ответ, поглощая со страстью, которая сметала ее способность сдерживаться. Все комплексы и причины не делать этого превратились в пепел в этой горячей ошеломляющей потребности заняться диким и безнравственным сексом с Люком Мартинò.

Продолжая целовать Люка, Джейн привстала на колени и села на него сверху. Она потерялась, полностью потерялась в ощущениях, накрывших ее. Потянув вверх его свитер и футболку, она оторвалась от этого жадного рта лишь на мгновение, достаточное, чтобы стянуть его одежду через голову. И ее руки оказались на нем. Трогая везде, где она могла дотянуться. Его твердые плечи и грудь. Ее пальцы касались его кожи и скользили по ребрам. Затем Джейн села, и его твердый член вжался в нее. Через ткань их брюк жар возбуждения Люка согрел ее плоть. Сердце Джейн грохотало в груди и ушах, и она прижалась к Люку сильнее, когда он поднял бедра ей навстречу. Она скользнула ладонями по его плоскому животу, но Люк перехватил ее за запястья.

— Черт, — пробормотал он напряженным голосом, задыхаясь. — Помедленней, или я кончу, так и не оказавшись в тебе. А при таком раскладе, я, возможно, продержусь не больше пяти секунд. Джейн была согласна. Пять секунд Люка звучали лучше, чем все, что у нее было долгое время. Лучше чем то, что она у нее будет потом.

Люк стянул блузку с ее плеч и бросил на пол, затем взялся за ее тонкий шелковый топ. Взгляд его полуприкрытых глаз был слегка остекленевшим.

— Вот что ты носишь вместо лифчика?

Джейн покачала головой и провела руками по его теплым плечам и груди.

— Иногда я даже этого не надеваю. — Сквозь дымку страсти она подумала о том, какие трусики выбрала утром, и поблагодарила Господа за то, что сходила в прачечную, и теперь на ней было что-то приличное.

Люк застонал:

— Я помню. Мысли о том, что ты разгуливаешь только в половине нижнего белья, мне житья не давали, — он поставил Джейн на колени, обхватив за талию своими большими руками, затем наклонился вперед и уткнулся лицом ей в живот. Поднял шелковую ткань, и его теплое дыхание согрело ее кожу, когда он сказал: — Сними это, — а затем коснулся горячим поцелуем ее живота. Джейн стянула топ через голову и бросила на диван рядом с собой. Люк сжал ее тело пальцами и откинул голову, чтобы посмотреть на нее. Его страстный взгляд остановился на ее груди, и он глубоко вздохнул, но не сказал ни слова.

Джейн снова села к нему на колени и почувствовала, что вынуждена что-то сказать:

— Я не совсем то, к чему ты привык, — прошептала она и прикрылась ладонями.

— Большая грудь может оказаться большим разочарованием. Ты прекрасна, Джейн. Лучше, чем в моих мечтах, — Люк взял ее за руки и завел их ей за спину, так, что Джейн выгнулась, а ее грудь приблизилась к его лицу. — Я так долго ждал того, чтобы увидеть тебя такой. Сделать это, — шептал он, пока его дыхание оведало ее ноющий сосок, а затем легонько втянул его во влажный жар своего рта. Люк отпустил ее запястья, и Джейн обхватила его голову, удерживая.

Щеки Люка втянулись, когда движения его рта стали более сильными. Костяшками пальцев он провел по ее животу, расстегнул пояс ее брюк, затем просунул руку внутрь. И обхватил ее между ног сквозь красное кружево трусиков. Джейн застонала от наслаждения.

— Ты мокрая, Джейн, — сказал он низким гортанным голосом, отодвигая тонкие трусики и касаясь ее горячей скользкой плоти. Было бы так легко просто уступить ему прямо здесь. Позволить ему довести ее до оргазма. Для этого не понадобилось бы много усилий, но Джейн не хотела оргазм только для себя, она хотела, чтобы он кончил вместе с ней.

— Хватит, — сказала она, сжимая его запястья. Он скользнул рукой вверх по ее животу к груди, и его пальцы играли с ней, отдавая влагу соску. Губы Люка последовали за ними. Звук глубокого мужского удовольствия, примитивного и собственнического, вибрировал в его горле, подводя Джейн все ближе к границе, где, как она боялась, для оргазма не понадобится ничего большего, чем просто его губы на ее груди.

— Стоп.

Люк запрокинул голову и посмотрел на нее, его взгляд был полон страсти:

— Скажи, чего ты хочешь.

Джейн много чего хотела, но поскольку такой шанс ей мог больше никогда и не выпасть, сказала:

— Я хочу попробовать, какова на вкус твоя татушка.

Люк несколько раз моргнул, как будто не совсем расслышал ее, затем раскинул руки.

Джейн соскользнула с его колен и подняла Люка на ноги. Она скинула ботинки и носки, а затем и брюки. Оставшись лишь в трусиках танга, она поцеловала его плечо и грудь. Провела руками по твердым мышцам и поцелуями проложила дорожку вниз. Затем опустилась перед Люком на колени, взялась за пояс брюк и притянула его живот к своему лицу. Она лизнула концы татуировки и попробовала на вкус его кожу.

— Меня мучил вопрос, какого размера эта подкова, — прошептала Джейн и поцеловала его пупок. — Я так долго хотела сделать это...

— Тебе надо было просто попросить. Я бы разрешил, — Люк запустил пальцы в ее волосы и отвел их с ее лица. — В следующий раз можешь даже не спрашивать.

Джейн улыбнулась ему в живот и укусила бы его, если бы кожа не была натянута туго, как на барабане. Расстегнув ему брюки, она спустила их вниз по бедрам. Люк стоял перед ней: его черная татуировка исчезала под белыми боксерами. Размер его возбужденного, сдерживаемого лишь чисто-белым хлопком, члена поражал: Джейн прижалась к нему губами через ткань. Затем спустила боксеры вниз. Освобожденный, он выпрямился, и она увидела, что изгиб подковы исчезает под лобковыми волосами Люка и идет прямо к основанию его пениса. Прямо над темно-русыми волосками была вытатуирована ленточка, которая шла от одной стороны подковы к другой. На ней жирными черными буквами было написано: «СЧАСТЛИВЧИК».

Джейн засмеялась и поцеловала горячий бархатистый кончик.

— Ты не хочешь, чтобы я просила разрешения сделать это?

— Нет, — выдавил Люк полузадушенным голосом.

В первый раз с того момента, как он поцеловал ее, Джейн почувствовала, что власть у нее, и ситуацией владеет она. И взяла его член в рот настолько, насколько смогла, взвесив на ладони его яички. Джейн всегда боялась, что произведет дурное впечатление, поэтому никогда не делала этого с мужчиной в первый раз. Но с Люком... ей было на это наплевать. Она хотела сделать это. Не для него, а для себя. К черту впечатление. Она возьмет от него все, что сможет. Она была Медовым пирожком. И изо всех сил постарается довести его до комы.

Люк схватил ее за плечи и поднял на ноги. Он приблизил ее лицо к своему, и его язык ворвался к ней рот. Его руки скользнули по ее спине. Он поднял Джейн, а она обняла его ногами за талию. Его твердая обнаженная плоть вжималась в нее через тонкие трусики, и Люк полностью избавился от брюк и боксеров. Он жадно целовал ее, пока они двигались из гостиной по коридору в его темную спальню. Свет из больших окон заливал огромную кровать, и Люк нежно положил Джейн на темно-голубое одеяло. Она приподнялась на локтях и смотрела, как он двигается в тени. Открылся ящик комода, и затем Люк оказался рядом с ней.

— Думаю, я должен извиниться, прежде чем мы будем слишком заняты, — сказал он, натягивая презерватив на округлую головку и дальше по мощному члену.

Джейн стащила трусики с ног и отбросила их. Уличный свет освещал половину лица Люка.

— Почему?

Он накрыл ее своим теплым телом, удерживая свой вес на локтях.

— Потому что не думаю, что смогу долго продержаться.

Затем она почувствовала головку его члена, гладкую, твердую и горячую, и подумала, что ему не надо беспокоиться, потому что она и сама долго не выдержит. Люк скользнул в нее наполовину, и ее тело воспротивилось проникновению. Джейн уперлась руками ему в плечи, чтобы остановить его, но Люк обхватил ее лицо ладонями и нежно поцеловал. Затем отстранился и толкнулся немного дальше внутрь.

— Ты такая тесная, — задыхаясь, прошептал он. Джейн втянула воздух, его дыхание, и он вышел почти полностью, только чтобы погрузиться так глубоко, что она почувствовала его у шейки матки. Глубокий стон вырвался у него из груди, отозвавшись эхом в ее сердце.

Джейн закинула ногу ему на спину.

— Люк, — прошептала она, когда он начал двигаться, находя идеальный для наслаждения ритм. — Ммм, как хорошо.

Склонив голову к ее лицу, Люк спросил:

— Как ты хочешь это?

— Просто дай это мне. — Его атлетическое тело, подтянутое и натренированное для того, чтобы продержаться до конца всегда и везде, напряглось, и прерывистое дыхание коснулось ее лица.

Каждая клеточка женского тела сконцентрировалась на его члене, двигающемся у нее внутри.

— Больше?

— Да. Дай мне больше, — задохнулась она, и он дал ей это. Быстрее. Сильнее. Жестче. Снова и снова его неровное дыхание касалось ее щеки, когда он подталкивал ее все выше по кровати. И когда Джейн подумала, что уже не сможет вынести больше, она закричала, и ее руки сжались в кулаки. Ее оргазм был таким полным, что она не слышала и не видела ничего из-за стука своего сердца и стремительного потока чувств в своем теле. Огонь, который зажег Люк, вспыхнул глубоко в ней, и ее внутренние мышцы сжались, затягивая его глубже, пока он кончал. Взрыв проклятий вырвался из его горла.

Никто из них долгое время ничего не говорил. Пока, наконец, их дыхание не восстановилось, а сердцебиение не вернулось к нормальному ритму. Люк вышел из нее, встал с кровати и направился в ванную. Холодный воздух пронесся по разгоряченной коже Джейн, пока она смотрела, как он идет, двигаясь в разноцветных тенях. Ее разум был все еще слишком заторможенным, чтобы думать о том, что она только что сделала, но ее сердце знало. Она влюбилась в Люка Мартинò с пугающей ее силой.

Услышав в туалете шум воды, Джейн посмотрела на дверь ванной. Люк шел к ней, обнаженный и прекрасный в лучах света, проникающего в спальню. При взгляде на него что-то в груди у Джейн сжалось, как будто у нее был сердечный приступ.

— Когда тебе надо уходить? — спросил Люк, присоединяясь к ней в кровати.

Действительность накрыла Джейн, как будто на нее вылили ведро холодной воды. Люк даже не стал ждать, когда она придет в себя. У нее только что был сносящий крышу секс, а он уже выпроваживал ее. Она села и оглянулась вокруг в поисках белья, надеясь, что не сделает чего-нибудь унижительного, например, не разразится слезами, прежде чем выйдет за дверь.

— У меня нет комендантского часа.

Со всей возможной скромностью, учитывая, что была голой, Джейн на животе подползла к дальнему

углу кровати и заглянула за него. Трусиков там не было.

— Если я смогу найти свое белье, я уберусь отсюда. Уверена, тебе надо отдохнуть перед завтрашней игрой.

Люк схватил ее за щиколотку и подтянул к себе.

— Завтра ночью в воротах будет второй вратарь, и я спросил, потому что хочу, чтобы ты осталась.

Он перевернул ее на спину, и Джейн взглянула ему в лицо:

— Правда?

— Угу. Я решил, что собираюсь сделать это еще парочку раз, прежде чем позволю тебе выйти отсюда.

— Еще пару раз?

— Да, — Люк прижал Джейн к себе, и она почувствовала, что он снова каменно-твердый. — Какие-то проблемы?

— Нет.

— Отлично, потому что я планирую сделать хет-трик.

ГЛАВА 14

Взаперти: скамейка штрафников

Джейн хотела бы, чтобы Каролина была с ней на матче следующим вечером. Ей был нужен человек, который удержал бы ее от слишком большого количества мыслей, от бесконечного анализа того, что она сделала предыдущей ночью. Но на самом деле все уже было проанализировано вдоль и поперек. Она три раза занималась сексом с Люком Мартино́. Три потрясающих, изумительных, невероятных раза. И каждый раз, с каждым прикосновением, с каждым словом, слетающим с его губ, она все больше влюблялась в него, пока не начала думать, что ее сердце уже никогда не оправится от этого. Около двух часов ночи он заснул на скомканных простынях в лучах лунного света, струящегося сквозь окна. Только что Люк рассказывал о своем детстве в Эдмонтоне и вдруг вырубился, как будто кто-то щелкнул выключателем.

Джейн никогда не видела, чтобы кто-нибудь засыпал так быстро. Она смотрела на него в течение нескольких мгновений, чтобы удостовериться, что с ним ничего не случилось. Затем убрала прядь волос с его лба, коснулась щеки и грубой щетины на подбородке. Потом собрала свою одежду и, не разбудив Люка, ушла.

Джейн никогда так быстро и так сильно не влюблялась в мужчину. И ушла, оставив его спящим, главным образом потому, что не знала, что сказать. Спасибо? Давай как-нибудь снова встретимся? Увидимся на игре завтра вечером? Она ушла, потому что для одноразового секса существовало правило: кто-то всегда уходит до рассвета.

И к тому же она ушла без трусиков: не смогла найти их в темной спальне и не хотела, включив свет, разбудить Люка. Она оставила их там и теперь больше всего боялась, что его горничная или, еще хуже, Мари найдет их.

Нет, не так. Больше всего Джейн боялась не обнаружения пропавших трусиков. А увидеть Люка сегодня и почувствовать, как сердце совершит бешеный скачок, а потом ухнет вниз. В прошлом у нее были бой-френды и партнеры на одну ночь. Ей причиняли боль, и она делала больно другим. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, какую боль ей мог причинить Люк. Джейн знала это. Она знала, что этот момент близится, и все же, казалось, не могла остановить его.

Все эти чувства были такими пугающими и удивительными, но в самом центре всей этой путаницы оказалось чувство вины. Люк подтвердил прошлой ночью то, что Джейн прекрасно знала. Она больше не могла успокаивать себя тем, что он посчитает историю Медового пирожка лъстящей его самолюбия. Что ему будет все равно. Нет, все будет не так, и Джейн ничего не могла поделать с этим. Не было никакого способа смягчить этот удар для него. И понимание того, что Люк никогда не узнает, что за этим стояла она, совсем не помогало с тем чувством вины, от которого сжимался желудок Джейн.

Она любила Люка и даже не стала утруждаться и врать себе, что оделась не для него. Что не для него воспользовалась красной помадой, надела красную блузку с черным жакетом и брюками. Она чувствовала себя глупо, когда побежала покупать эту блузку, потому что Люк сказал, что Джейн нравится ему в красном. Как будто это могло заставить его полюбить ее.

За полчаса до игры мисс Олкотт отправилась в раздевалку.

— Натяните штаны, джентльмены, — начала Джейн, заходя внутрь. Воспроизводя свой ритуал на удачу, она чувствовала на себе взгляд Люка, горячий и полный энергии, но отказалась смотреть на него. Не после прошедшей ночи. Не после того, что они делали вместе в его спальне. Мисс Олкотт закончила говорить и пошла к двери, вздернув подбородок.

— Джейн, ты кое-что забыла, — окликнул ее Люк.

Нет. Она не забыла. Уставившись на мысы своих ботинок, Джейн повернулась и зашагала через комнату. Остановившись перед Мартино́, подняла, наконец, глаза от его коньков, вверх по объемным щиткам, мимо рыбы на свитере к губам, которые так страстно целовали ее предыдущей ночью. Везде.

— Я думала, ты не играешь сегодня.

— Не играю, но если голкипер получит травму, мне придется выйти вместо него.

— А, ну ладно, — вздохнув, усилием воли Джейн подавила желание покраснеть и наконец-то посмотрела в веселые голубые глаза. — Ты большой тупоголовый придурок.

— Спасибо, — ответил Люк с озорной улыбкой, — но я говорил не об этом, когда сказал, что ты кое-что забыла.

Джейн выдала свою речь про снятие раковин, пожала руку капитану и назвала Люка придурком. Она ничего не упустила.

— Это ты о чем?

Он наклонился вперед и чуть слышно прошептал:

— Ты оставила свои трусики в моей постели прошлой ночью.

Все внутри Джейн замерло, и она вдруг забыла, как дышать. Быстро посмотрела вокруг, чтобы удостовериться, не услышал ли их кто-нибудь, но, казалось, все были заняты своими делами.

— Я нашел их утром под своей подушкой и подумал, не оставила ли ты их там с какой-то целью?

Может быть, как пожелание доброго утра.

Лицо и шея Джейн запыхали, а горло сжалось. Она смогла лишь пискнуть:

— Нет.

— Почему ты не разбудила меня, когда уходила?

Джейн сжала руку в кулак и прокашлялась:

— Ты спал.

— Я отдыхал перед вторым раундом. Боже, ты была такой горячей прошлой ночью. — Люк присмотрелся повнимательней и нахмурился: — Ты смущена? — спросил он, неподдельно озадаченный.

— Да!

— Почему? Никто не слышит меня.

— О, Боже, — прошептала она и ушла, пока ее волосы не загорелись. Вернувшись в ложу прессы, Джейн обнаружила там Дарби. И он привел с собой Каролину.

— Эй, вы двое, — поприветствовала она их, садясь. — Если бы я знала, что ты хочешь посетить еще один матч, Каролина, я бы пригласила тебя с собой.

— Все нормально. Я на самом деле совсем не любительница этого, но Дарби позвал, а у меня не было никаких других дел. — Каролина пожала плечами: — Я пыталась дозвониться до тебя вчера вечером. Где ты была?

— Нигде. Я отключила телефон.

— Терпеть не могу, когда ты так поступаешь. — Подруга изучала ее в течение секунды, затем наклонилась ближе: — Ты врешь.

— Нет, не вру.

— О, да, ты врешь. Я знаю тебя всю жизнь. Я знаю, когда ты врешь, — ее глаза сузились. — Где ты была?

Джейн наклонилась вперед, чтобы взглянуть на Дарби. Он разговаривал по мобильнику.

— Я была на свидании.

— С мужчиной? — Джейн не ответила, и Каролина задохнулась. — С одним из хоккеистов!

— Шшш!

— С кем? — прошептала та и оглянулась, как будто их подслушивали агенты ЦРУ. Каролина считала, что владеет иностранным языком, на котором они с Джейн общались со времен начальной школы. К которому сейчас и прибегла: поросычья латынь. — Жи-скау не-мау, ейн-джау.

— Позже, — Джейн закатила глаза.

Когда на льду началось световое шоу, она открыла лэптоп и во время игры делала записи, стараясь не пялиться на основного голкипера «Чинуков», который, сложив руки на груди, сидел на скамье запасных и наблюдал за игрой. Несколько раз он поворачивался и смотрел на ложу прессы. Через три ряда их глаза встретились, и сердце Джейн застучало где-то в горле.

И она отвела взгляд. Она никогда в жизни не была так не уверена в себе. А как женщина, которая держит все под контролем и поступает соответственно, она ненавидела чувство неуверенности. От него ее желудок завязывался узлом, а голова болела.

— Джейн? — Каролина потрясла подругу за плечо, пытаясь привлечь ее внимание.

— Что?

— Я три раза звала тебя.

— Прости, я задумалась о статье, — соврала Джейн.

— Дарби хочет, чтобы мы пошли с ним куда-нибудь выпить после игры.

Джейн наклонилась вперед и посмотрела на заместителя главного менеджера. Она сомневалась, что Дарби хотел, чтобы она болталась поблизости, поэтому сказала:

— Не могу! — И это было правдой, которую, как решила Джейн, Дарби знал. — Мне надо

пообщаться с игроками и написать статью к определенному сроку. — Она также должна была привести в порядок интервью Люка. — Идите вдвоем, без меня.

Дарби сделал попытку выглядеть расстроенным.

— Ты уверена? — спросил он.

— На все сто.

Ей было почти жалко парня. Джейн любила Каролину, но ее подруга собиралась растоптать скучное сердце Дарби своими туфельками от Феррагамо. И снова она подумала, что должна предупредить Хоуга, но у нее было собственное сердце, о котором следовало побеспокоиться.

«Чинуки» проиграли «Бостон Брюинз» со счетом два-три. После игры Джейн сделала глубокий вдох и снова вошла в раздевалку. В шкафчике висели щитки Люка, но сам он ушел. Джейн выдохнула, чувствуя странную смесь облегчения и гнева. Ужасные кульбиты влюбленности. Люк знал, что после игры она будет в раздевалке, и он ушел, даже не поприветовав к ней. Болван.

Джейн взяла интервью у тренера Найстрома и второго вратаря, который отразил двадцать бросков по воротам из двадцати трех. Она поговорила с Кувалдой и Фишем, затем с портфелем и жакетом в одной руке пошла по коридору.

Люк стоял рядом с выходом, глядя, как она приближается к нему. Он надел свой темно-синий костюм от Хьюго Босса и красно-коричневый галстук и был так красив, что рот Джейн наполнился слюной.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказал Мартино́ и оттолкнулся от стены.

— Что?

Он посмотрел ей за спину, когда мимо прошел спортивный журналист из газеты конкурентов.

— Джим, — кивнул ему Люк.

— Мартино́.

Проходя мимо, репортер оглядел Джейн, и ей не надо было читать его мысли, чтобы узнать, что он размышлял об ее отношениях с печально известным своим нежеланием общаться с журналистами вратарем.

Люк снова посмотрел ей за спину, затем вытащил красные кружевные трусики танга из кармана пиджака.

— Вот. Хотя думаю, мне, возможно, следовало оставить это на удачу, — сказал Счастличик и покрутил красный кусочек кружев на пальце. — Может, покрыть их бронзой и повесить над кроватью.

Джейн выхватила у него трусики, засунула в портфель и оглянулась на пустой коридор.

— Они не принесли тебе удачи. Ты сегодня не играл.

— Я думаю о другом виде удачи, — Люк потянулся к ней и провел пальцами по волосам. — Пойдем со мной.

О, Боже. Она заставила себя стоять прямо, когда на самом деле ей хотелось упасть в его объятия.

— Куда?

— Куда-нибудь.

Джейн заставила себя сделать шаг назад, и Люк опустил руку. Скачки и падения: ее сердце походило на мячик.

— Ты знаешь, что меня не должны видеть с тобой.

— Почему, черт возьми, нет?

— Ты знаешь почему.

— Потому что ты хочешь, чтобы люди считали тебя профессионалом.

Он уловил суть.

— Точно.

— Тебя видели с Дарби.

— Это не одно и то же.

— Почему?

Она не любила Дарби. При взгляде на Дарби она не начинала разрываться в разных направлениях. И кроме того, если бы она отрицала отношения с Дарби Хоугом, люди бы на самом деле могли поверить ей. А если придется отрицать отношения с Люком, никто ей не поверит.

— У него нет твоей дурной репутации.

А когда мартовский выпуск «Хим» появится на прилавках, репутация Люка станет еще хуже.

Он просто смотрел на нее, как будто не мог поверить в то, что она сказала.

— И что, если бы я был женоподобным мальчиком, ты бы не боялась, что тебя увидят со мной?

— Ради Бога! Дарби не женоподобный.

— Ты ошибаешься, любимая.

Любимая. Она подумала, скольких женщин во скольких разных штатах он звал любимыми. Сколько из этих женщин позволили запудрить себе мозги мыслями о том, что они отличаются от других.

Сколько из них были достаточно глупыми, чтобы позволить себе влюбиться в Люка.

Позволить. Когда Джейн смотрела на изгиб его верхней губы и в его голубые глаза с длинными ресницами, слово позволить звучало так, как будто она все держала под контролем. Как будто у нее был выбор. Но все было иначе: она не позволяла этому случиться. С ноющим сердцем, побуждающим ее обнять его руками за шею и никогда не отпускать, Джейн заставила себя сказать:

— Прошлая ночь была ошибкой. Мы не можем позволить этому произойти снова.

— Ладно.

Ладно? Ее сердце разбито, а он говорит ладно? Она не знала что делать: пнуть его в счастливую татушку или убежать. До того, как разразится слезами. Пока она решала, Люк открыл дверь за своей спиной, схватил Джейн за руку и затащил в кладовую. Закрыв дверь, а потом включил свет.

— Люк, что ты делаешь?

— Подтверждаю ту плохую репутацию, о которой ты говорила.

Джейн подняла свой портфель перед собой.

— Стоп!

Счастливчик улыбнулся, и Джейн не поняла, был ли виноват запах чистящего раствора или шарм Мартинò, но она почувствовала головокружение.

— Ладно. — Он протянул руку мимо нее и запер дверь.

Джейн посмотрела на дверную ручку, а потом на него.

— Люк! — Он не мог просто затащить ее сюда в любое время, когда ему хотелось этого. Ведь не мог? Нет! — Думаю, у тебя создалось ложное впечатление о прошлой ночи. Обычно я не... Я имею в виду... я никогда не спала с теми, у кого только что взяла интервью.

Он положил палец на ее губы:

— Твоя сексуальная жизнь — не мое дело. Мне все равно с кем или как, или в каких позициях ты была.

То, что ему было все равно, ранило Джейн больше, чем следовало.

— Но я хочу...

— Шшш, — прервал он ее. — Кто-нибудь может услышать тебя, а ты не хочешь, чтобы тебя видели со мной. Помнишь? — Люк положил руки на дверь по обеим сторонам от головы Джейн и наклонился к ней, заставляя отступить. Их тела разделял лишь ее портфель.

— Я думал о тебе с тех пор, как проснулся этим утром.

Джейн была слишком испугана, чтобы спросить, что именно он думал.

— Мне надо идти, — сказала она, полностью осознавая, что если бы протянула руку и отперла дверь, он позволил бы ей уйти. И все же она не могла заставить себя сделать это. — Мне надо написать статью.

— Пять минут погоды не сделают.

Запах его одеколона смешался с запахом чистящего раствора, и Джейн не смогла придумать ни одной причины, почему она не должна была остаться здесь на несколько минут. Люк обнял ее одной рукой за талию и наклонил голову. Его голос был грубым скрежетом рядом с ее ртом, когда он сказал:

— Что бы ты ни делала, держи свой портфель перед грудью.

А затем поцеловал Джейн. Его губы были теплыми, рот горячим и, как и все в нем, сексуальным и соблазнительным. Сначала его поцелуй был агрессивным, потом Люк чуть отстранился, чтобы заставить ее следовать за своим языком. Момента́льно узнавание пронеслось по коже Джейн и сгустилось в желудке. Всего несколько минут. Его губы скользили по ее щеке и шее. Он отодвинул воротник блузки и мягко всосал кожу.

— Ты такая нежная, — прошептал он, прокладывая дорожку поцелуев к ее уху. — Снаружи и внутри.

Послышавшиеся с другой стороны двери мужской смех и тяжелый акцент Урагана заставили Люка снова посмотреть на Джейн. Его голос был таким же прерывистым, как и дыхание, когда он сказал:

— Ты все еще крепко держишь свой портфель, любимая?

Джейн кивнула и вцепилась в портфель мертвой хваткой.

— Хорошо. Не отпускай его и не позволяй мне уговорить тебя убрать его, — предупредил он. — Или ты, скорее всего, окажешься на полу, а я буду на тебе.

Джейн знала, что должна быть шокирована их поведением. Целоваться с Люком Мартинò в кладовке «Кей Арена» было верхом глупости, но маленькое ее сердце подпрыгнуло от счастья, и ей захотелось смеяться. Люк хотел ее. Это было во всем: в том, как он смотрел на нее, в глубоком голодном тембре его голоса. Он мог не любить ее, но хотел быть с ней.

Люк отошел на несколько шагов.

— Это была не самая моя лучшая идея. — Из прохода снова донесся шум, и Мартинò сказал: — Думаю, мы здесь застряли на какое-то время. — Он взял пустое двадцатилитровое ведро и перевернул его, чтобы Джейн могла сесть. — Извини.

Джейн знала, что тоже должна сожалеть. У нее близился срок сдачи материала. Она застряла в кладовке с Люком Мартинò, и если это обнаружится, плохо будет им обоим. И все же ей было не

жаль.

Она села на ведро и подняла глаза на Люка, возвышающегося над ней. Он смотрел на нее из-под полуприкрытых век, и Джейн скользнула взглядом по его красно-коричневому галстуку, мимо черного ремня, к молнии на брюках. Счастливчик был возбужден. Джейн могла с абсолютной точностью представить, как он выглядел обнаженным. Твердое тело, еще более твердый член и его «не-могу-тебе-сопротивляться» татушка. Внезапно уверенность в том, что повторение прошлой ночи — плохая идея, покинула Джейн. «Хотя... все же... нет», — подумала она, кладя портфель рядом с собой, и спросила:

— Как твоя сестра? — меняя тему разговора вместе с ходом неуправляемых мыслей. — Я знаю, вчера ей понравилась новая прическа, но на следующий день всегда бывает шок.

— Что? — Люк уставился в зеленые глаза Джейн. Он не мог поверить во внезапную смену ее мыслей. Всего секунду назад она смотрела на его член, и Люк не мог ошибиться в ее интересе. А теперь она хотела поговорить о его сестре. — С ней было все нормально, когда я видел ее за ланчем. — Вчера мы немного поговорили с ней о ее матери.

Люк сделал несколько шагов назад и прислонился плечом к двери.

— Что она сказала?

— Не так уж много, но ей и не надо было. Я знаю, что она чувствует. Моя мама умерла, когда мне было шесть.

Люк не знал, что Джейн была такой маленькой, когда потеряла мать, но он не был удивлен, что не знал этого. На самом деле он знал лишь, что она работает в «Сиэтл Таймс», живет в Бельвью, быстро соображает и имеет стальные нервы. Ему нравился ее смех, и ему нравилось разговаривать с ней. Ее кожа на ощупь была такой же нежной, как и на вид. Повсюду. И ему нравился ее вкус. Везде.

Он знал, что она хороша в постели, лучше, чем хороша. Она вымотала его, и, проснувшись утром, он мог думать только о том, как снова заставить ее сделать это. Сейчас, когда он поразмыслил над этим, то понял, что знает о Джейн больше, чем о многих других женщинах.

— Прими мои соболезнования по поводу матери.

Уголки ее губ приподнялись в грустной улыбке:

— Спасибо.

Люк скользил вниз по двери, пока не оказался на полу у ног Джейн. Его колени почти касались ее.

— У Мари сейчас трудные времена, и я не знаю, что делать с этим, — сказал он, намеренно направляя свои мысли на сестру и ее проблемы. — Она не хочет говорить с психологом.

— А ты пытался?

— Конечно, но она прекратила ходить после двух посещений. Мари угрюмая и непредсказуемая. Ей нужна мать, но очевидно, что я не могу дать ей ее. Я подумал, что Мари будет лучше в школе-интернате с другими девочками ее возраста, но она считает, что я пытаюсь избавиться от нее.

— А ты пытаешься?

Люк расстегнул пиджак, затем положил запястья на колени. Он никогда не говорил о своей личной жизни, ни с кем, кто не входил в его семью, и поэтому задался вопросом, что такого было в Джейн, что заставляло его откровенничать с ней, с репортером. Может быть, потому что, по какой-то причине, которую Люк не понимал, он доверял ей?

— Не думаю, что пытаюсь избавиться от нее. Хотя, может и так. В любом случае я ублодок.

— Я не сужу тебя, Люк.

Он посмотрел в ее ясные глаза и поверил ей.

— Я хочу, чтобы она была счастлива, но это не так.

— Да, не так. И не будет так еще некоторое время. Я уверена, она испугана, — Джейн наклонила голову набок, и ее локоны упали на лицо. — Где отец Мари?

— Наш отец умер примерно десять лет назад. В то время я жил со своей матерью в Эдмонтоне. Мать Мари и мой отец жили в Лос-Анджелесе.

— Значит, ты знаешь, каково это — терять родителей.

— На самом деле, нет, — он убрал руки с коленей и провел пальцами по стрелке на штанине ее брюк. — Я виделся с отцом раз в год.

— Да, но ты все еще должен задумываться, как бы повернулась твоя жизнь, если бы он был жив.

— Нет. Мои тренеры были для меня большими отцами, чем он. Мать Мари была его четвертой женой.

— Есть другие братья и сестры?

— Только я, — он поднял взгляд. — Я — все, что у нее есть, но боюсь, этого недостаточно.

Свет сверху осветил волосы Джейн. Уголки ее губ приподнялись в грустной улыбке. Люк ненавидел такое выражение на ее лице и серьезно подумывал о том, чтобы схватить ее за отвороты пиджака, притянуть к себе и стереть его поцелуями. Но поцелуи приведут к большему, а большее не должно происходить в кладовке, когда его товарищи по команде ходят по ту сторону двери.

— По крайней мере, у меня все еще есть отец, — сказала Джейн. — Он наряжал меня как мальчика, пока мне не исполнилось тринадцать, и у него нет чувства юмора. Но он любит меня и всегда рядом. Наряжал как мальчика? Это в некоторой степени объясняло ее выбор одежды и обуви.

Джейн прикусила нижнюю губу:

— Так что ничто никогда не заменит мне мать. Это точно. Я все еще скучаю по ней каждый день и думаю, какой была бы моя жизнь, если бы она осталась жива. Но со временем становится легче, и ты уже не думаешь об этом каждую минуту каждого дня. И, Люк, ты не прав, что тебя недостаточно. Если ты хочешь быть достаточным, ты будешь.

То, как она смотрела на него. Как будто это было так просто. Как будто она больше него самого верила, что он сможет сделать правильный выбор. Как будто он не был эгоистичным ублюдком, которым он знал, что был. Люк скользнул ладонью под штанину Джейн и наткнулся на носок.

Поднялся по икре и коснулся ее нежной кожи. Предыдущей ночью он целовал ее под коленями, двигаясь вверх к бедрам. Ее ноги были мокрыми после купания в джакузи, и даже сейчас от этого воспоминания его пах напрягся.

— Я многое упустил, — сказал Люк и погладил ее голень большим пальцем. — И если ты спросишь Мари, она, наверное, скажет тебе, что я не очень хороший брат.

Джейн заправила прядь коротких волос за ухо и смотрела на него в течение минуты, прежде чем сказать:

— Когда я вижу тебя и Мари вместе, я начинаю хотеть, чтобы у меня был брат.

Его палец застыл. Через пространство, разделяющее их, он смотрел в ее зеленые глаза, и все мысли о поцелуях внезапно улетучились. И он почувствовал себя так, как будто Джейн запустила ему шайбой в грудь. Тяжелый удар в грудную клетку, который ошеломил его. Из прохода донеслись мужские

голоса, но внутри кладовой повисло молчание. Оно висело и затягивалось, пока из груди Люка не вырвался вымученный смешок:

— Не говори только, что ты хочешь иметь такого брата, как я.

— Нет, не такого, как ты, — уголки ее рта дернулись, и его мир дернулся вместе с ними. — Если бы у меня был такой брат, как ты, меня бы арестовали за неподобающие мысли.

Он чувствовал себя так, будто скользит за ее улыбкой, и крепче сжал ее ногу, как будто это был якорь, а не причина его помешательства. Джейн, казалось, не заметила этого, и Люк заставил себя отпустить ее, потом поднялся на ноги и прислонился к двери.

— Тебе надо идти. Ты ведь должна написать эту статью.

Морщинка появилась между бровями Джейн, и она моргнула:

— Ты в порядке?

— Да, просто вспомнил, что мне надо поговорить с Мари, перед тем как она пойдет спать.

— Думаешь, проход чист? — спросила Джейн, беря портфель и пиджак и поднимаясь на ноги.

— Я не знаю, — он отпер дверь и приоткрыл ее со скрипом. Мимо прошел Кувалда, разговаривая с менеджером по оборудованию. Люк поднял палец, ожидая, пока эти двое подойдут к выходу, затем высунул голову и обнаружил, что коридор благословенно пуст. Они вышли из кладовки, и Джейн надела пиджак. В обычной ситуации Люк бы помог ей.

— Мне надо поговорить с Найстромом, — солгал Счастливчик и пошел в обратную сторону. С каждым шагом ему казалось, что дышать все легче.

— Я думала, ты должен поговорить с Мари.

Разве он так сказал?

— Позже. Сначала надо поговорить с тренером.

— О, — Джейн смотрела на него еще несколько мгновений. — Пока, — она помахала рукой и повернулась, чтобы уйти. Люк посмотрел на затылок удаляющейся Джейн и, отодвинув полы пиджака, засунул руки в карманы брюк и остановился, наблюдая за ее уходом.

«Какого дьявола только что произошло?» — спросил себя Люк, когда входная дверь захлопнулась.

Он подумал, не заболел ли? Или, может, надышался аммиаком в кладовке? Вот он думал о том, как целовал Джейн Олкотт под коленями, а в следующее мгновение не мог вздохнуть. Она считала, что он хороший брат. И что? Он так не думал, но даже если бы был самым лучшим братом на свете, почему мнение Джейн о нем должно было иметь какое-то значение? По какой-то непостижимой причине оно имело значение, но Люк не хотел думать о том, что это предвещало. У него в жизни и так происходило слишком многое, чтобы влюбиться в маленькую журналистку с симпатичной задницей и тугими розовыми сосками.

Прошлой ночью Джейн взорвала, помимо всего прочего, все его представления о ней. Она не была скованной, и она определенно не была ханжой. Чем дольше Люк был с ней, тем больше хотел быть с ней. Когда он проснулся этим утром, его по-настоящему расстроило то, что ее не было рядом.

Но Джейн оказалась той трудностью, в которой он не нуждался. Когда она сказала ему, что прошлая ночь была ошибкой и не может повториться снова, ему следовало послушать ее вместо того, чтобы затаскивать в кладовку только затем, чтобы доказать свою правоту.

— Счастливчик, — Джек Линч хлопнул его по спине, подойдя сзади. — Мы собираемся перекусить и выпить пивка. Пойдем с нами.

Люк взглянул на защитника через плечо:

— Куда?

— В «Хутерс».

Может быть, это то, что ему нужно. Пойти куда-нибудь, где женщины носят крошечные шорты и обтягивающие топики. Где у них большие груди, и они наклоняются к нему, когда приносят ужин. Где они флиртуют и суют ему свой номер телефона. Где женщины ничего не ожидают от него. Там, если он решит быть с ними, это ничего не будет значить. И когда все закончится, он не будет париться над этим, проигрывая все снова и снова в голове, как это было с Джейн.

Мартинò посмотрел на часы. У него еще было немного времени.

— Займи мне место.

— Хорошо, — ответил Джек и пошел дальше.

Да, ему следует пойти в «Хутерс». Быть мужиком. И делать то, что делают мужики. У него не было подружки, которая бы устроила ему скандал, если бы он пошел туда.

«Когда я вижу вас с Мари вместе, я начинаю хотеть, чтобы у меня был брат».

Черт. Джейн была опасной женщиной. Не только потому, что он слишком много думал о ней, но потому, что если он не будет осторожным, она станет его совестью. А он отлично себя чувствовал таким, каким был.

Люк вынул руки из карманов и вытащил ключи от машины. Он должен вернуться к первоначальному плану и игнорировать Джейн. Конечно, это не сработало прежде.

В этот раз ему нужно просто стараться получше.

ГЛАВА 15

Грязное дело: борьба

Во вторник утром Джейн вошла в офис редактора спортивного раздела «Сиэтл Таймс». С тех пор как она взяла на себя обязанности Криса Эванса, с Кирком они встречались только раз. Сегодня редактор сидел за столом, заваленным газетами, макетами и спортивными фотографиями, одной рукой прижимал к уху телефонную трубку, а в другой держал чашку кофе. Торнтон поднял глаза, и, когда увидел свою сотрудницу, глубокие морщины пересекли его лоб и очертили рот. Оторвав один палец от кружки, Кирк указал Джейн на пустой стул.

Та спросила себя, всегда ли шеф в плохом настроении, или это она так на него действует. И внезапно подумала, что ее визит не был такой уж хорошей идеей, когда у нее наблюдался ПМС: Джейн не хотела вести себя ужасно с начальством.

— Нунен освещает выездные игры, — сказал редактор в трубку, — а Дженсен сегодня на игре «Хаскис».

Джейн обернулась и посмотрела за дверь на офис редакции, на других репортеров, сидящих за своими столами. Она бы никогда не стала одной из них. Они дали ей это понять. Ну и черт с ними. Она не хотела стать одной из этих ребят. Она хотела стать лучшей. Ее взгляд остановился на пустом столе Криса Эванса. Эта работа не будет вечной: Крис вернется к своим обязанностям. Но когда задание редакции закончится, у Джейн будет сказочное дополнение к своему резюме, и она найдет что-нибудь получше. Может быть, в «Сиэтл Пост-Интеллидженсер».

— Чем могу помочь? — спросил Кирк.

Джейн повернулась и посмотрела на лысеющего редактора:

— Ты не пустил в печать мое интервью с Пьером Дионом.

Кирк отхлебнул кофе, затем покачал головой:

— «Пост-Интеллидженсер» напечатала интервью с ним на следующий день после подписания контракта.

— Мое было лучше.

— К тому времени твое стало бородатой новостью, — он посмотрел на статьи, лежащие на столе. Джейн не поверила ему. Если бы это интервью сделал один из тех парней в соседней комнате, они бы послали его в печать как основную статью, вместо того чтобы похоронить в ее обычной колонке.

— Что-нибудь еще?

— У меня есть интервью с Люком Мартино́.

Это привлекло внимание Кирка, и он поднял глаза.

— Никто не может взять интервью у Мартино́.

— Я взяла.

— Как?

— Попросила его.

— Все просят его.

— Я оказала ему услугу.

Кирк опустил взгляд на ее ноги, затем поднял его обратно. Хитрый лис был слишком умен, чтобы сказать, что думает, но Джейн и так знала.

— И что же это была за услуга?

Джейн почти поддалась соблазну сказать ему, что отсосала у Счастливого. Но не раньше, чем тот дал ей интервью. Так что технически она не обменивала свои сексуальные услуги на его историю.

— Когда меня уволили, я согласилась вернуться к работе, только если Мартино́ даст мне эксклюзивное интервью.

— И он дал тебе его?

— Да.

Джейн вручила Кирку печатную копию интервью вместе с диском. Она могла бы отослать его приложением по электронной почте, как поступала со всеми своими статьями, но ей хотелось увидеть лицо редактора, когда тот прочитает ее. Она гордилась этой статьей и знала наизусть каждое слово.

Мартино́ в ударе

Жаркие дискуссии не новы для голкипера «Чинуков» Люка Мартино́. Его частная жизнь, как и профессиональная, изучалась, обсуждалась, описывалась столько раз, что никто уже точно не знает, где правда, а где ложь. Сам Мартино́ заявляет, что большая часть написанного о его личной жизни — вымысел, который имеет мало общего с действительностью. Факты или слухи, но Счастливчик так прямо и говорит, что его прошлое — это его личное дело.

Сейчас он полностью сконцентрирован на том, что происходит в воротах.

Когда я начала интервью с этим загадочным вратарем, обнаружила, что он то открыт, то отчужден.

То расслаблен, то напряжен. Контрасты, которые делают этого победителя «Конн Смайт Трофи» одним из лучших голкиперов в НХЛ за все время существования Лиги.

Все мы помним, как два года назад о нем говорили, что его дни в НХЛ почти сочтены. О, как же

ошибались эти репортеры! В настоящее время, будучи вторым в списке вратарей, Мартинò лидирует в Лиге по среднему показателю пропущенных шайб, который у него составляет 2.00. Быстрые руки и железный контроль — отличительные признаки этого великолепного голкипера. Его характер не уступает его способностям, и когда Люк Мартинò в ударе, его термоядерный взгляд устрашает... Пока Кирк читал, уголок его тонких губ приподнялся в скупой улыбке. Это маленькое проявление уважения, хотя и неохотного, смягчило черты его лица, и настроение Джейн мгновенно изменилось. Она не хотела чувствовать что-то или получать удовольствие от того, что Кирк Торнтон изменил свою отношение к ней. Но она почувствовала. До сегодняшнего дня она не знала, как сильно ей это было нужно. Это чувство загорелось как маленький огонек в груди Джейн и наполнило ее гордостью.

Редактор заглянул в график:

— Я выделю место в следующем воскресном выпуске.

В следующее воскресенье она будет в пути.

— Основная статья, так? — спросила Джейн, просто чтобы удостовериться.

— Так.

Когда Джейн вышла из здания «Сиэтл Таймс», солнце сияло, вдалеке виднелся Маунт-Рейнир, и жизнь была чертовски хороша.

Идя по Джон-стрит к своей «хонде», мисс Олкотт позволила себе на несколько мгновений ощутить триумф. Хотят парни из спортивного раздела или нет, но теперь им придется принять ее всерьез.

Или, по крайней мере, они больше не смогут с легкостью пренебрегать ею, как какой-то вертихвосткой, пишущей колонку об одинокой девчонке. Интервью с Люком будет выбрано «Ассошиэйтед пресс», и они все узнают об этом. Джейн не обманывала себя насчет того, что это облегчит ее положение в отделе новостей. Может случиться совсем наоборот, но ей на самом деле было все равно. Она взяла интервью, за которое они все были готовы убить.

Да, жизнь сегодня была очень хороша. Вчера была совсем другая история. Вчера Джейн сидела дома, уставившись на телефон в ожидании звонка, как будто ей снова было пятнадцать. Когда она ушла из «Кей Арена» в воскресенье вечером, то была уверена, что Люк позвонит ей. После того как он затащил ее в кладовку и заставил пересмотреть свое решение о том, что у них больше не будет секса, она почти была уверена, что он позвонит или появится у нее на пороге. Джейн думала, что между ними возникло понимание, что они говорили о чем-то важном, чем-то большем, чем ее нижнее белье, и она была уверена, что Люк свяжется с ней.

Он так и не позвонил. И Джейн, сидя на диване, наблюдая за брачными играми птиц на канале «Дискавери», обнаружила, что влюбиться в Счастливого было самым глупым поступком за всю ее жизнь. Конечно, Джейн знала, что это глупость за недели до того, как все случилось, но ничего не могла с этим поделать.

Она пошла в прачечную самообслуживания и засунула свою грязную одежду в четыре стиральные машины. Под спортивным костюмом на ней были трусики-неделька. Сегодня был вторник, а она надела субботу. Не то чтобы это действительно имело значение, как полагала Джейн. Но это очень ясно показывало, какова ее жизнь в настоящий момент.

Пока она наблюдала за отжимом своей одежды, позвонил, чтобы попросить совет, Дарби. Казалось, он тоже влюбился в кого-то недоступного.

— Думаешь, Каролина пойдет со мной на свидание? — вот что он хотел знать.

— Не знаю. Как прошел вечер с ней? — спросила Джейн, хотя Каролина позвонила ей на следующее же утро после свидания с чудовищными подробностями. Вечер начался отлично, но потом резко спикировал вниз.

— Не думаю, что сильно впечатлил ее.

— Ты сказал ей о том, что являешься членом «Менса»?

— И что?

— Я же говорила тебе не делать этого. Те из нас, кто обладают средними умственными способностями, не хотят слышать о твоих мощных мозгах.

— Почему?

Джейн закатила глаза:

— Тебе бы хотелось слушать, как Брэд Питт хвастается тем, какой он красавчик?

— Это не одно и то же.

— Нет, одно и то же.

— Нет. Брэду не нужно хвастаться своей красотой. Все и так видят, что он хорош собой.

Хммм. Он был прав.

— Ладно. А как насчет порнозвезды? Ты бы хотел слушать, как порнозвезда хвалится своим огромным размером?

— Нет.

— Послушай, — она переложила трубку к другому уху, — если хочешь впечатлить женщину, особенно Каролину, не говори о том, как ты умен. Позволь этому изящно проявиться.

— Я не очень-то силен в изяществе.

Он не шутил.

— Каролину бы впечатлил парень, который знает, какое вино заказать.

— Разве те, кто так поступают, не геи?

А кто тогда носит рубашку с пылающими черепами?

— Нет. Пригласи ее куда-нибудь в приятное местечко.

— А она пойдет?

— Пусть это будет по-настоящему приятное место. Каролина любит наряжаться. Всегда любила. —

Джейн подумала секунду и спросила: — Ты ведь член «Колумбия тауэр клуб»?

— Да.

Она так и знала.

— Пригласи ее туда. Это даст ей повод надеть ее новые туфли от Джимми Чу. И если она начнет говорить о моде и обуви, притворись, что тебе интересно.

— Мне нравятся дизайнерские вещи, — сказал Хоуг.

Джейн улыбнулась:

— Удачи.

Повесив трубку, она позвонила Каролине в «Норди» и предупредила подругу, что Дарби будет ей звонить. И была удивлена тем, что Каролина не слишком возражала против свидания с ним.

— Я думала, он тебя достал своими разговорами о «Менса», — напомнила Джейн подруге.

— Так и есть, но он по-своему симпатичный, типа как «Месье полудурков», — объяснила Каролина,

и Джейн решила, что будет лучше, если она не станет вмешиваться. Как она напомнила себе, у нее были свои проблемы.

Перед игрой «Чинуков» с «Тампа Бэй Лайтнинг» Люк едва уделил ей внимание, когда она назвала его придурком. Он не поддразнил ее и не напомнил о той ночи, что они провели вместе. В воротах он играл почти идеально, останавливая шайбы быстрыми руками и большим телом. Матч закончился вничью, и после него Счастливчик не ждал Джейн, чтобы затащить в кладовку и зацеловать до потери сознания.

Все повторилось и две ночи спустя, когда он записал на свой счет шестую игру «всухую» в этом сезоне против «Ойлерз».

При перелете в Дейтройт на следующее утро Люк почти не смотрел на Джейн, когда проходил мимо ее кресла, и ей стало мучительно ясно, что он изо всех сил старается избегать ее. Она не знала, что такого сделала, и снова и снова прокручивала в уме их разговор в кладовке, предполагая, что только одно могло заставить Люка так откровенно избегать ее. То, что он каким-то образом разглядел ее чувства к себе и теперь со всех ног бежал в противоположном направлении. Она красилась красной помадой и купила красную блузку только для него. Джейн Олкотт была такой жалкой. Он сказал, что представлял, как они занимаются любовью на столе с десертами, и она поверила ему. Как худшая из идиотов.

Теперь Люк старательно избегал ее.

И она была испугана тем, как сильно это ее ранило. Они занимались любовью, и Джейн считала, что они действительно хорошо провели время. Она ничего не требовала, а он, затащив ее в кладовку, заставил думать, что ему было нужно что-то большее, чем одноразовый секс.

Счастливчик сказал, что не считает ее фанаткой, а теперь относился к ней так, как будто она была самой худшей представительницей этого вида. Фанаткой, которую надо избегать любой ценой.

Джейн даже на несколько секунд задумалась, а не уволиться ли, лишь бы не приходилось встречаться с его безразличием. Но эти несколько секунд быстро закончились, когда она напомнила себе, что не будет вредить самой себе из-за мужчины. Даже из-за мужчины, которого она любила всем своим измученным сердцем. Даже видя, как этот мужчина делает ее несчастной.

Позже, этим же днем, в своем номере Джейн пыталась набросать черновик для статьи в «Одинокой девчонке», но больше смотрела в окно на озеро Мичиган, чем писала. Ее отношения с Люком все равно в конечном счете закончились бы, сказала она себе. Лучше раньше, чем позже. По крайней мере, в этом случае она не будет чувствовать себя такой виноватой из-за рассказа о Медовом пирожке. Как плохо, что она не могла заставить свою совесть замолчать.

Несколько часов спустя, когда телефон так и не зазвонил, Джейн попыталась убедить себя, что Люк был слишком занят с командой, чтобы звонить. Что он не встречался с одной из своих кукол Барби. Джейн не хотела представлять его с другой, но не могла перестать делать это. И мысли о том, как он целует одну из своих женщин, прикасается к ней, сводили Джейн с ума.

В шесть часов вечера она встретила в одном из ресторанов отеля с Дарби. И слушая его болтовню о Каролине, выпила за ужином два martini.

После ужина они направились в спорт-бар. Пятеро игроков «Чинуков» сидели за столиками, пили пиво, кушали и наблюдали, как «Денвер» задает «Лос-Анжелес Кингз» трепку королевских масштабов. Мартини тоже был среди них. При виде него желудок Джейн подпрыгнул от понимания

и облегчения: Люк не был с одной из своих куколок Барби.

— Привет, Шарки, — поздоровались с ней все игроки. Все... кроме Люка.

Нахмуренные брови и холодное оценивающее выражение в его глазах подсказали ей, что Счастливчик совсем не рад видеть ее. Израненному сердцу Джейн был нанесен еще один удар. Она заняла место между Даниэлем и Фишем и изо всех сил старалась не встречаться глазами с Люком. Джейн боялась, что каждый хоккеист, сидящий за столом, увидит, что она влюблена в их вратаря. Что он сам тоже это увидит и еще больше отдалится, хотя, вероятно, больше было уже некуда.

И все же она не могла просто заставить себя полностью игнорировать Люка, и ее взгляд так и притягивало к нему. Счастливчик сидел, откинувшись на спинку стула, свесив руку, расслабленный и спокойный. Если не считать его напряженного взгляда, такого, будто он хотел прожечь ее насквозь.

Взяв стакан, Люк сделал глоток воды. Втянул кубик льда в рот, и капелька воды задержалась на его верхней губе. Он проглотил лед, и Джейн отвернулась.

— Я читал вашу последнюю статью в «Одинокой девчонке», — сказал ей Фиш. — Думаю, вы правы в том, что милые парни финишируют последними. Я милый парень, а мне пришлось отдать мой дом в Мерсере бывшей жене.

— Потому что она застала тебя с другой женщиной, — напомнил Саттер. — А это серьезно расстраивает жен.

— Ну да, еще мне и ты будешь говорить об этом, — проворчал Фиш и повернулся к Джейн. — О чем вы пишете сейчас?

Джейн на самом деле еще не совсем определилась. Ничего такого, что ей хотелось бы обсуждать, но она открыла рот и оттуда вылетело:

— Секс на одну ночь — это хорошая идея?

И тут же захотела забрать эти слова обратно.

— Я думаю, да, — ответил Пелузо с другого конца стола.

— Ага.

— Я бы сказал: иди и займись этим.

— Только если ты не женат, — добавил Фиш. — Вы ведь не планируете такое, да?

Джейн пожала плечами и заставила себя ответить холодно и без эмоций. Отстраненно. Как мужик.

— Я подумываю об этом. Среди журналистов из Детройта есть очень горячий парень. Я разговаривала с ним, когда в последний раз была здесь.

На другом конце стола Люк поднялся. Джейн смотрела, как он прошел к бару. Ее взгляд скользил вниз по его рубашке в бело-синюю полоску к «Левисам».

— Если вам понадобится помощь с вашей колонкой, мы могли бы рассказать, как на самом деле думают парни, — добавил Пелузо. — Истинное положение дел.

На самом деле Джейн не хотела знать «истинное положение дел». Это было слишком страшно.

— Может быть, я обращусь к вам, когда буду иметь четкое представление о том, что хочу рассказать в своей колонке.

— Отлично.

Джейн подняла глаза, когда Люк пришел обратно с двумя наборами дротиков.

— Ты должна дать мне шанс получить обратно мои пятьдесят баксов, — сказал он. — Правила те же, что и в последний раз.

— Я так не думаю.

— Я думаю, — он схватил ее за руку и поднял на ноги. — Выбери самый острый дротик, — сказал Люк, затем взял ее руку и впечатал дротики ей в ладонь. — Не заставляй меня тащить тебя к линии, — добавил он шепотом Джейн на ухо.

Его брови были нахмурены, а взгляд яростен, как будто ему было из-за чего злиться. Отлично. Будет очень приятно надрать ему задницу. Поскольку Джейн не могла сделать это физически, она размажет его по стенке в дартсе.

— Помни правила, — сказал Люк, пока она проверяла острия. — Никакого девчачьего нытья, когда проиграешь.

— Ты не смог побить меня даже тогда, когда был в лучшей форме, — Джейн взмахнула ресницами, как девчонка, и отобрала три самых острых дротика. — Это не тот спорт для изнеженных мальчиков, к которому ты привык, Мартинò. Твои товарищи по команде не смогут спасти тебя, и в дартсе нельзя спрятаться за щитками и шлемом.

— Это низко, Шарки, — сказал ей Саттер.

Челюсть Джейн упала:

— Это же «грязный треп».

— Это был на самом деле удар ниже пояса, — добавил Фиш.

— В прошлый раз вы, парни, сказали, что я лесбиянка, — напомнила она им. Игроки все разом пожали плечами. — Хоккеисты, — фыркнула Джейн и направилась через бар к мишени. Люк шел рядом. Плечом Джейн коснулась его и всем телом почувствовала отклик на это прикосновение. И увеличила пространство между ними.

— Что ты здесь с ним делаешь? — спросил Люк, когда они остановились у линии.

— С кем?

— С Дарби.

— Мы ужинали.

— Ты с ним спишь?

Если бы Джейн не была так зла, она бы засмеялась.

— Это не твое дело.

— А что насчет репортера из Детройта?

Не было никакого репортера, но Джейн не собиралась сообщать об этом Люку.

— А что такое?

— Ты с ним спишь?

— Я думала, тебе все равно, кого или как, или в какой позиции я предпочитаю.

Он уставился на нее, затем выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Бросай эти чертовы дротики.

Джейн посмотрела на него. Напряженная челюсть, в глазах горит голубое пламя, как то, что появляется, когда кто-то осмеливается бросить шайбу в его ворота. Совершенно ясно, что Люк Мартинò был зол. На нее. Он был вне себя.

— Отойди, — сказала Джейн, готовясь к первому броску. — Я собираюсь надрать тебе задницу.

И попала в удвоение с первого броска, а после третьей попытки ее общий счет составлял восемьдесят очков.

Люк набрал сорок и бросил дротики ей на ладонь.

— Здесь отстойный свет.

— Нет. — Джейн улыбнулась и получила огромное наслаждение, заявив: — Это ты полный отстой. — Его глаза сузились. Недели злости и боли выплеснулись из нее, и она сказала громче, чем собиралась: — А хуже всего то, что ты нытик.

Коллективный вздох привлек их внимание: они с Люком повернулись и посмотрели на парней, стоящих в нескольких футах от них.

— Счастливчик собирается убить Шарки, — предрек Саттер откуда-то сзади.

По молчаливому согласию они разошлись каждый в свой угол. Джейн бросила и набрала шестьдесят пять. Люк набрал тридцать четыре.

— Ну же, напомни мне, почему они зовут тебя Счастливчиком? — спросила Джейн, потянувшись за дротиками.

Люк убрал их за пределы ее досягаемости, и его губы изогнулись в ленивой, безнравственной улыбке. Улыбке, которая сказала, что он помнит, как Джейн стояла на коленях, целуя его татуировку.

— Уверен, если подумаешь хорошенько, ты вспомнишь ответ на свой вопрос.

— Нет, — она покачала головой. — Некоторые вещи совсем не запоминаются, — затем протянула руку, и он вложил дротики в ее ладонь.

Вместо того чтобы отойти к другим парням, Люк остался рядом с Джейн и сказал:

— Я мог бы напомнить тебе.

— Нет, спасибо, — она попала в утроение восьми и нацелилась на утроение двадцати. — Одного раза мне было достаточно.

— Если это правда, — сказал он, — почему же мы сделали это три раза?

— А в чем дело? — Джейн посмотрела на него через плечо. — Твое эго сегодня нуждается в ласке?

— Да. И не только оно.

Люк решил заговорить с ней, и предполагалось, что она должна упасть к его ногам. Он, вероятно, думал, что она упадет прямо здесь и будет снова целовать его татушку. Да ни в жисть!

— Мне это неинтересно. Найди кого-нибудь еще.

— Я не хочу никого другого. — Его слова прозвучали как нежная ласка, когда он добавил: — Я хочу тебя, Джейн.

Ее гнев испарился, а осталась лишь глубокая боль. От нее скручивался желудок, и сжималось сердце. Прежде чем возник риск, что она разразится рыданиями, как девчонка, Джейн швырнула дротики в Люка.

— Очень плохо, — сказала она, развернулась и вышла из бара. И уже добралась до своей комнаты на двадцать пятом этаже, когда ее зрение затуманилось. «Я не буду плакать из-за Люка Мартинò», — сказала себе Джейн, вытирая глаза носовым платком.

Прошло десять минут, прежде чем Люк постучал в дверь. Боясь, что весь этот шум, который он устроил, встревожит охрану отеля, Джейн впустила его.

— Что тебе надо, Люк? — она скрестила руки на груди и, показывая свою непреклонность, осталась

стоять на месте.

Счастливец прошел в комнату и заставил Джейн отступить на несколько шагов.

— Тебя, — ответил он, когда за ним захлопнулась дверь.

— Меня это не интересует. — Он подошел так близко, что ее предплечья касались его груди. Он целенаправленно вторгнулся в ее личное пространство, и Джейн отошла в другой угол комнаты, подальше от аромата его туалетной воды. — Ты сказал мне, что не считаешь меня фанаткой, но именно так заставил чувствовать себя.

— Прости меня за это, — он нахмурил брови и посмотрел вниз на свои туфли. — Я не хотел заставлять тебя чувствовать себя фанаткой.

— Слишком поздно. Ты не можешь спать со мной, а потом даже не думать обо мне, как будто я ничего не значу.

— Я никогда не думал, что ты ничего не значишь, — Люк снова поднял на нее голубые глаза, взгляд которых был искренен, когда он сказал: — Я думал о тебе, Джейн.

— Когда? Когда ты был с другими женщинами?

— Я не был ни с кем, кроме тебя.

Джейн почувствовала облегчение, но все еще была чертовски зла.

— А ты думал обо мне, когда был занят тем, что игнорировал меня?

— Да.

— И когда избегал меня?

— Да. Каждый раз и все время между ними.

— Ну что ж...

— Я думаю о тебе, Джейн, — он подходил к ней, пока между ними не осталось всего несколько дюймов. — Очень часто.

Она поверила ему, когда он сказал то же самое несколько недель назад. Но не в этот раз.

— Я и прежде слышала это от тебя, и это неправда, — сказала Джейн, но в ее сердце был предательский кусочек, который хотел поверить ему... очень сильно. Она сделала шаг назад и икрами ударилась о край кровати.

— О, это правда. Во сне и наяву я не могу выкинуть тебя из головы, — Люк взял ее за плечи и мягко толкнул на постель. — Ты осложнение, которое мне не нужно. — Он последовал за ней, положив руки по сторонам от головы Джейн и втиснув колено между ее бедер. — Но ты осложнение, которое я хочу. То, которое я собираюсь иметь.

Джейн положила руки ему на грудь, чтобы остановить его. Сквозь хлопок рубашки Люк излучал тепло, как печка, и оно согрело ее ладони.

— Я не думаю, что ты знаешь, чего хочешь.

— Нет. Я знаю. Я хочу тебя. И быть с тобой намного лучше, чем быть без тебя. Я больше не собираюсь бороться, — он поцеловал ее между бровей. — Не собираюсь бороться с тем, что чувствую к тебе. Я обречен на проигрыш и окажусь просто чертовски расстроенным.

Его слова каким-то образом развеяли ее гнев, но страх все еще тяжким грузом давил ей на сердце.

— Что ты чувствуешь? — спросила Джейн, хотя не была полностью уверена, что хочет это знать.

Люк коснулся губами ее лба:

— Я чувствую, будто ты ударила меня клюшкой между глаз.

Он не сказал, что влюбился в нее, но удар в голову клюшкой тоже неплох. Вместо того чтобы оттолкнуть Люка, Джейн провела ладонями по его груди:

— Это хорошо?

— Это не очень хорошее ощущение. Ты превратила мою жизнь в хаос.

Отлично, потому что она тоже была в полнейшем хаосе. Джейн попыталась держаться за свою боль, но вместо этого вытащила рубашку Счастливого из джинсов и посмотрела ему в глаза. Затем ее взгляд переместился к его рту.

— Как ты получил шрам на подбородке? — спросила она.

— Упал с велосипеда, когда мне было лет десять.

— А шрам на скуле? — она скользнула руками ему под рубашку и коснулась напряженных мышц и упругой кожи.

— Драка в баре, когда мне было двадцать три, — Люк втянул воздух. — Еще есть вопросы, прежде чем я раздену тебя?

— Тебе было больно, когда ты делал эту татушку?

— Не помню, — он опустил голову к Джейн. — Я тогда был в стельку пьян. — И предотвратил последующие вопросы поцелуем, который мучительно медленно углублял. Поцелуй был сладким и нежным, но Джейн была не в настроении для сладости и нежности. Поэтому толкнула Люка на спину и села сверху, как будто он был горной вершиной, которую она уже завоевала, но собиралась исследовать снова. Пока она расстегивала его рубашку, поцелуй стал более страстным. Люк лежал, скрестив руки за головой, и наблюдал за ней из-под полуприкрытых век, а Джейн касалась его тела руками и губами. Когда она прикусила его плечо, Люк откинул волосы с ее лица и заставил Джейн снова вернуться к своему рту. Затем перевернул ее на спину и раздел, не переставая целовать. Он повсюду касался ее руками, за которыми следовали его губы: ее плечи, шея, грудь. Они лежали обнаженные в объятиях друг друга, и когда Джейн уже больше не смогла этого выносить, она надела презерватив на его горячий член и снова села сверху. Когда она стала опускаться, Люк поднял бедра и глубоко погрузился в нее.

— Джейн, — задохнулся он, — подожди минутку.

Она сжала внутренние мышцы вокруг него, и в его груди завибрировал стон. Его глаза закрылись, а когда он снова их открыл, они сияли откровенной страстью, горячей и опьяняющей. Люк положил одну руку на шею Джейн, а вторую на бедро, наклонил ее голову вниз и заставил свою женщину оставаться неподвижной, пока нежно целовал ее губы. Его язык легонько касался ее, и Люк мягко посасывал его, как будто пил сок из персика. Как будто на вкус она была сладкой и очень подходящей для него. Он скользил руками по ее спине и позвоночнику, затем сместил руки вниз, на бедра, лаская ее, вызывая огонь внутри и снаружи. Джейн оторвалась от его губ, когда он ускорил движения. Его голубые глаза смотрели на нее, и в них горело желание. Люк прошептал ее имя как нежную ласку. Горячее напряжение внутри Джейн усиливалось и закручивалось спиралью, пока ее не взорвали горячие, неконтролируемые волны наслаждения.

В оргазме ее мышцы крепко сжали его, и он впился пальцами в ее бедра, входя в нее снова и снова, пронзая все сильнее, пока сам не почувствовал то же самое наслаждение, которое только что подарил ей.

Джейн без сил упала на Люка, и он крепко держал ее, тяжело дыша. Прижимая к своей влажной

груди, как будто в ближайшее время не собирался отпускать.

— Боже мой, — сказал он, прерывисто дыша рядом с ее ухом. — Еще лучше, чем в последний раз. А тот раз был просто чертовски фантастическим.

Джейн была согласна, но задыхалась слишком сильно, чтобы сказать хоть что-то. Кое-что только что случилось. Кое-что другое. Кое-что большее. Кое-что выше физического наслаждения. Кое-что, что она не могла просто так постигнуть.

— Джейн?

— Ммм?

— Ничего, — она почувствовала, как Люк поцеловал ее волосы. — Просто хотел удостовериться, что ты не отключилась.

Джейн улыбнулась и уткнулась носом в его шею. Это было в том, как он держал ее, касался ее. Она не стала обманывать себя, уверяя, что это была любовь. Но в этом что-то было. Она возьмет это «что-то» и будет держать, потому как что бы это ни было, черт побери, это было намного лучше, чем совсем ничего.

ГЛАВА 16

Вырубить соперника: стаскивание свитера противника через его голову

Следующим вечером, когда Джейн зашла в раздевалку в «Джо Луис Арена», ее чувства все еще были в полном беспорядке. Люк провел ночь в ее номере, и они позавтракали в постели, прежде чем он ушел на тренировку перед игрой. Счастливчик поцеловал Джейн у дверей, коснулся ее волос и сказал, что они увидятся позже. Но будет ли он рад увидеть ее позже?

— Привет, парни, — сказала она, проходя к центру комнаты.

— Привет, Шарки.

Пока игроки натягивали снаряжение, Джейн поспешно произнесла свою речь о сбрасывании штанов. Затем посмотрела на Люка, который был сильно увлечен беседой с тренером вратарей и, казалось, даже не заметил, что она в комнате.

Джейн пожала руку Бресслера:

— Удачи в игре, Хитмэн.

— Спасибо. — Капитан наклонил голову, внимательно взгляделся в лицо маленькой журналистки и сказал: — Вы сегодня выглядите по-другому.

Джейн нанесла на ресницы немного туши, замазала темные круги под глазами и наложила на губы розовый блеск. Она надеялась, что Бресслер заметил именно это, а не последствия ее фантастического секса с Люком.

— Это хорошо?

— Да.

К капитану присоединились Фиш и Саттер и тоже наговорили ей комплиментов. Когда она направилась к Люку, все ужасные страхи и восхитительный подъем от влюбленности смешались и упали комом в ее желудок. Люк стоял перед своим шкафчиком, все еще разговаривая с тренером, и, когда Джейн приблизилась, искоса взглянул на нее. Он смотрел ей в глаза в течение нескольких ударов сердца, а затем снова переключил внимание на тренера.

— Чех всегда бросает под перекладину, — говорил Боклер. — Если он будет бить по воротам, то будет целиться именно туда. — Тренер перевернул страницу на своем планшете: — А Федоров

пересечет площадку и сделает бросок с левой точки вброса.

— Спасибо, Дон, — сказал Люк и, когда тренер вратарей отошел, повернулся к Джейн. — Что тебе сказали Фиш и Саттер? — поинтересовался он, возвышаясь над ней в полном снаряжении.

— Они считают, что сегодня я выгляжу по-другому. — Она бы рассказала ему свою теорию о последствиях бурной ночи, но не хотела уводить его на эту дорожку.

— Они приставали к тебе?

— Нет. Ты большой тупоголовый придурок.

Он оглянулся и подождал, пока Даниэль пройдет мимо них, прежде чем сказать:

— Я тут размышлял...

— Ой-ой!

— И считаю, — Люк понизил голос, — ты должна целовать мою татуировку перед каждой игрой на удачу.

Джейн нахмурилась, чтобы удержаться от смеха:

— Думаю, ты меня сексуально домогаешься.

Люк усмехнулся:

— Точно. Что ты на это скажешь? Хочешь поцеловать мою татушку?

— И не проси, — ответила Джейн и отвернулась, прежде чем кто-нибудь успел подслушать их беседу. Потом направилась в ложу прессы и села рядом с Дарби, который поделился тем, что немного продвинулся с улучшением ее позиций у руководства, и рассказал о защитнике, которого «Чинуки» надеялись приобрести до девятнадцатого марта, через четыре недели.

— Каролина пообещала, что сходит со мной на свидание, когда мы вернемся в город, — добавил Хоуг после того, как они поговорили о делах.

— Куда ты ее ведешь?

— В «Колумбия Тауэр клуб», как ты и посоветовала.

Джейн посмотрела на его галстук цвета перчика чили, длиной до середины груди, и улыбнулась.

Если Каролина решила сделать Дарби Хоуга своим следующим парнем для улучшения, то он был просто создан для этого. Джейн достала стикеры, написала несколько записок и засунула записки в ежедневник. А как только была вброшена шайба, вытащила свой лэптоп.

Люк определенно был в ударе, подставляя щитки или бросаясь на колени, чтобы поймать шайбы, посланные вёрхом. Он блестяще играл в углах, и Джейн пришлось потрудиться, чтобы сосредоточить свое внимание на игре, а не только на голкипере «Чинуков».

Той ночью, когда самолет команды направился в Торонто, Джейн сидела, освещенная верхним светом, и писала колонку для «Сиэтл Таймс». На протяжении всего полета она чувствовала на себе взгляд Люка и поглядывала на него через проход. Счастливчик прислонился к стенке самолета и, заложив руки за голову, наблюдал за работой Джейн, и та спросила себя, о чем он думает, и решила, что лучше ей этого не знать.

Она все еще не выяснила, что изменилось в их сексуальной близости предыдущей ночью. И думала, а не вообразила ли это? Но когда поздно вечером Люк пришел к ней в номер, взял за руку и повел в свою комнату, Джейн ясно поняла, что снова чувствует это. Она провела несколько часов в его постели, пытаясь выяснить что именно. Не преуспев той ночью, Джейн попыталась снова в Бостоне, Нью-Йорке и Сент-Луисе. К тому времени, как они приземлились в Сиэтле, она устала от выяснения

чего бы то ни было и решила перестать анализировать каждое слово и прикосновение. Она просто собиралась наслаждаться этим столь долго, сколько это будет длиться.

Она боролась, чтобы не влюбиться в Люка, и проиграла. Несмотря на протесты своего рассудка, Джейн занималась сексом с Люком «Счастливым» Мартинò. Великолепным сексом.

Фантастическим сексом, который ставил ее работу под удар, но она знала, что не остановится, не важно, какими будут последствия для ее карьеры или сердца. Она влюбилась в Люка, и у нее не было другого выбора, кроме как быть с ним. И в следующие несколько недель эта любовь росла, увеличивалась, пока не заполнила каждую ее клеточку. Тела и души. Джейн влюбилась слишком сильно, чтобы выбраться из этого без потерь.

Однажды утром, вскоре после их возвращения из Сент-Луиса, придя домой с корзиной белья из прачечной, Джейн обнаружила Люка, стоящего в ожидании ее на крыльце. На горизонте виднелся Маунт-Рейнир, а небо было такого же теплого голубого цвета, как и глаза Счастливого. Его темно-русые волосы были расчесаны пальцами, и он выглядел так, что на нем следовало повесить предупреждающую табличку: «Опасен для здоровья».

Поцеловав Джейн вместо приветствия, он помог занести белье в дом. Затем повел ее к мотоциклу, припаркованному на обочине.

— Никто не увидит твоего лица, — сказал он, протягивая ей шлем. — Так что тебе не нужно беспокоиться о моей плохой репутации.

Не знай Джейн Люка, она подумала бы, что его чувства уязвлены.

— Меня не столько беспокоит твоя репутация, сколько то, что люди решат, что я спала с тобой, чтобы получить интервью.

— Кстати, я собирался поговорить с тобой об этой статье.

— А что такое?

Он застегнул ремешок у нее под подбородком и погладил пальцем ее шею.

— Ты написала, что я отчужденный.

— И что?

— Я не отчужденный, я просто не даю интервью.

Джейн закатила глаза:

— А что ты думаешь об остальном, что я написала в статье?

Он наклонил голову и поцеловал ее.

— В следующий раз, когда ты будешь упоминать мои быстрые руки, ты могла бы еще написать о том, какие они большие. И ноги тоже.

Джейн засмеялась:

— Большие ноги. Большие руки. Большое... сердце.

— Точно.

Она взобралась на мотоцикл позади Люка, и они направились на водопад Снокуэлми. Было пятнадцать градусов, и Джейн надела джинсы, толстовку и куртку для получасовой поездки.

Водопад был не нов для Джейн. Она видела его много раз, в основном во время экскурсий в начальной школе, но так и не привыкла к приводящей в трепет мощи и красоте двухсотсемидесятифутового водопада.

На смотровой площадке не оказалось никого, кроме них. Люк встал позади своей женщины и обнял

ее. Полуденное солнце играло в разноцветных брызгах, поднимающихся из дымки внизу. Под их ногами площадка содрогалась от силы природы. Сердце Джейн тоже дрожало в объятиях Люка, беспомощное против тех сил, которые притягивали его к Счастливчику. Джейн прижалась к его груди, как будто там, в его объятиях, было ее место.

Люк положил подбородок ей на макушку, и они говорили о водопаде и о хоккейном сезоне.

«Чинуки» выиграли сорок игр из шестидесяти одной, и если только они совсем не прекратят играть до пятнадцатого апреля, можно было с большой долей вероятности сказать, что команда пройдет в плей-офф. Средний показатель Люка по пропущенным голам составил впечатляющие 1,96 — лучший показатель в его карьере.

Они говорили о Мари, которая, казалось, завела друзей и немного привыкла к жизни в Сиэтле вместе с братом, которого по-настоящему узнала лишь несколько месяцев назад. Они говорили о школе-интернате, и почему Люк все еще не принял решение по этому поводу. И они говорили о взрослении, и, к удивлению Джейн, оказалось, что Люк не всегда был богатым и знаменитым.

— Я водил ржавый грузовик, — сказал он. — Копил целый год, чтобы купить стереосистему и совершенно новые брызговики «Плэйбой». Я думал, что во мне что-то есть. Жаль, что так считал только я.

— Не говори мне, что ты не был в гуще событий в средней школе.

— Я слишком много играл в хоккей, чтобы быть в гуще событий. Ну, каких-нибудь хороших событий. У тебя, наверное, было больше свиданий, чем у меня.

Джейн засмеялась:

— У меня были ужасные волосы, плохая одежда и автомобиль «Меркьюри Бобкэт» с антенной, привязанной проволокой.

Люк прижал Джейн к своей твердой груди:

— Я бы позвал тебя на свидание.

Вот уж в это верилось с трудом.

— Ни за что. Даже я не пошла бы на свидание с лузером, у которого брызговики «Плэйбой»

Они пообедали в отеле «Салиш Лодж», который стал известен благодаря сериалу «Твин Пикс». Под столом Люк держал Джейн за руку, нашептывая непристойности, только чтобы увидеть, как Шарки краснеет. А по дороге домой она засунула руки под кожаную куртку Люка и прижала пальцы к его плоскому животу, чувствуя через рубашку твердые мускулы, а через «Левисы» его твердый возбужденный член.

Когда они добрались до квартиры Джейн, Люк помог ей слезть с мотоцикла и практически затащил внутрь, по пути швырнув их шлемы и свою куртку на диван.

— Ты пожалеешь о том, что дразнила меня последние полчаса.

Джейн сделала большие глаза, снимая куртку и тоже бросая ее на диван.

— И что ты собираешься сделать? Показать мне, где раки зимуют? А потом накормить меня ими вместо ланча?

— Я уже накормил тебя ланчем. Сейчас я собираюсь покормить тебя кое-чем получше, чем ланч.

Джейн засмеялась:

— Что может быть лучше, чем бургеры из «Салиш»?

— Десерт.

— Прости, но я не ем десерт. Я от него поправляюсь.

— Ну, а вот я собираюсь угоститься, — Люк обхватил ее лицо ладонями. — Я собираюсь поработать с твоей активной зоной.

Что он и сделал. Несколько раз. Две ночи спустя он пригласил ее к себе на семейный ужин. Пока Люк готовил лосося, Джейн помогла Мари сделать домашнюю работу по английскому. На протяжении всего вечера только один раз возникла напряженность, когда Люк заставил сестру выпить молоко.

— Мне шестнадцать, — возразила та. — Мне не нужно молоко.

— Ты хочешь быть низенькой и коренастой? — спросил Люк девочку.

Глаза Мари сузились.

— Я не низенькая и не коренастая.

— Сейчас нет, но посмотри на свою тетю Луизу.

Очевидно, тетя Луиза была остеопорозным кошмаром, потому что, прекратив дальнейшие возражения, Мари взяла стакан и выпила молоко. Затем Люк повернулся к Джейн, посмотрел на полный стакан, затем на нее.

— Я уже низенькая и коренастая, — сказала она.

— Ты не коренастая... пока. Но если ты станешь еще ниже, ты будешь доставать мне только до пояса. — Затем его губы изогнулись в очаровательной улыбке, и, не говоря ни слова, он взял ее стакан и вылил молоко.

Он был просто настоящим плохишом.

В ночь перед отъездом для десятидневного марафона Люк пришел к Джейн, которая, когда он постучал в дверь, как раз писала историю о Медовом пирожке, но не слишком-то преуспела. В основном потому, что думала о Счастливчике и изо всех сил старалась не вписать его в эту историю еще раз. Она захлопнула лэптоп и пригласила Люка войти.

Сильный дождь намочил его волосы и куртку. Опустив руку в карман, Люк вытащил белую коробочку размером с ладонь Джейн.

— Я увидел это и подумал о тебе, — сказал он.

Она понятия не имела, чего ожидать, когда подняла крышку маленькой коробочки. Джейн действительно не привыкла к тому, чтобы мужчины дарили ей подарки, за исключением, возможно, дешевого нижнего белья. Что, как она всегда считала, было большим подарком для них, чем для нее. Внутри коробочки, упакованная в белую оберточную бумагу, лежала хрустальная фигурка акулы. Не что-то съедобное и не белье с открытым пахом: это был самый умный подарок из тех, что дарили ей мужчины. И это тронуло ее намного сильнее, чем думал Люк.

— Мне нравится, — сказала она и поднесла фигурку к свету. Разноцветные лучи разбежались по куртке Люка и впадинке его горла.

— Это не так уж и много.

Он ошибался. Так ошибался. Джейн положила руку на разноцветные блики на его горле, но не могла, положив сверху руку, скрыть любовь, которая стала центром ее сердца. Глядя, как Люк расстегивает куртку и бросает ее на диван, Джейн знала, что должна рассказать ему о Медовом пирожке. Она должна согреть его и представить всю эту историю с хорошей стороны. Но если сказать, то она может потерять его. Здесь. Сегодня.

Джейн была не в силах рассказать ему. Если она сделает это, Люк, вероятно, разорвет их отношения, а она не могла позволить себе, чтобы кто-нибудь знал о том, что она автор «Жизни Медового пирожка». Так что Джейн промолчала. Оставила эту тайну на растерзание своей совести, пока пыталась убедить себя, что, возможно, Люк нормально отнесется к статье в «Хим».

Джейн не просматривала рассказ с тех пор, как отослала его. Может быть, там было все не так очевидно, как ей запомнилось. Она обняла Люка за шею. Она хотела сказать ему, что сожалеет и что любит его.

Песенка в тему от Зоды

— Спасибо, — сказала Джейн, — мне действительно нравится эта фигурка.

Потом отвела его в спальню и извинилась единственно возможным способом.

Когда прошла первая неделя марта, и Люк не увидел статью про Медовый пирожок, Джейн немного успокоилась. В Лос-Анджелесе она сказала ему, что не может заниматься сексом из-за месячных.

Люк пришел в ее комнату после тренировки, неся ведро со льдом в одной руке и грелку и «M&Ms» с арахисом в другой.

— Я попросил тренера дать мне это, — сказал он, протягивая ей грелку. — И я принес эти конфетки, которые ты так любишь.

В ту ночь, когда он увидел ее в пижаме с коровами, она ела «M&Ms» с арахисом. Он запомнил.

Джейн расплакалась.

— Какого черта происходит? — спросил Люк, заворачивая лед в полотенце.

— У меня просто плаксивое настроение, — ответила она, но это было больше, чем настроение.

Намного больше. Они сидели рядом, облокотившись на спинку кровати, и Люк подложил подушку под левое колено.

— Тебя беспокоит колено, — констатировала Джейн и помогла ему обложить ногу льдом.

Люк проглотил несколько таблеток «Адвила».

— В этот раз только левое и совсем чуть-чуть.

Вероятно сильнее, чем чуть-чуть, поскольку он принес с собой лед. Во время интервью в своей квартире Люк сказал, что старая травма не беспокоит его. Теперь он доверял Джейн достаточно, чтобы позволить ей увидеть ответ на вопрос, который волновал ее с момента их первой встречи. Его колени на самом деле иногда беспокоили его. Она села рядом и взяла Люка за руку.

— Что? — спросил он.

Джейн взглянула на него через плечо.

— Ничего.

— Я знаю этот взгляд, Джейн. Это не ничего.

Джейн попыталась сдержать улыбку, но быстро сдалась.

— Кто-нибудь еще знает, что колени беспокоят тебя?

— Нет, — его взгляд задержался на ее губах, затем двинулся вверх к ее глазам. — И ты ведь никому не расскажешь, правда?

Она прижалась щекой к его плечу:

— Твой секрет со мной в безопасности, Люк. Я никогда никому не скажу.

— Знаю. В противном случае меня бы здесь не было, — он положил руку ей на лицо, приподнял ее голову к своим губам, поцеловал ее волосы, и Джейн прижалась к нему. Может быть, у них с Люком

все получится. Он доверял ей. И хотя из-за этого ее мучили угрызения совести, это также давало ей надежду в первый раз с тех пор, как она влюбилась в него.

Может быть, это не должно обязательно закончиться. Может быть, Кен не всегда выбирает Барби. Может быть, в конце концов, он выберет ее.

Люк бросил последний сухарик себе в рот и откинулся на спинку кресла.

На другом конце стола Хитмэн ковырялся в куриных ребрышках, и Люк перевел взгляд от капитана ко входу в бар отеля.

Солнце в Фениксе стояло высоко и прогрело воздух до двадцати шести градусов. Некоторые из парней отправились на свидания, другие слонялись поблизости, а Джейн была наверху в своем номере. Она работала над колонкой «Одинокая девчонка», сказав, что спустится в бар, когда закончит. Это было примерно час назад, и Люк испытывал большое искушение взять приступом ее комнату. Но не сделал этого, потому что думал, что Джейн будет недовольна, а он, несмотря на свое нетерпение, уважал ее работу.

— Ты слышал об отстранении Ковальчука? — спросил Хитмэн, вытирая пальцы салфеткой.

— Сколько он получил?

— Пять игр.

— Это явно была преднамеренная грубость, — добавил Фиш, сидевший рядом с капитаном. — Но я видел и похуже.

К ним присоединились Даниэль Холстром и Гризелл, и они начали обсуждать самые грубые удары в НХЛ, главным специалистом по которым был силовой игрок «Чинуков» Роб Саттер. Манчестер и Линч придвинули свои стулья к столу, и разговор перешел от хоккея к вопросу о том, кто кому надрал бы задницу в честном бою: Брюс Ли или Джеки Чан. Люк бы поставил на Брюса Ли, но его голова была занята другим, и он не стал вступать в спор. Его взгляд снова переместился к пустому дверному проему.

Он не думал о Джейн, лишь когда стоял в воротах. Каким-то образом, когда он переспал с ней, она проникла в его голову. Иногда ему казалось, будто Джейн также проникла и в остальные части его тела, и, к его удивлению, ему нравилось ее присутствие там.

Люк не мог сказать, испытывает ли к ней любовь. Любовь типа пока-смерть-не-разлучит-вас.

Любовь, которая длилась и становилась такой, какую он хотел. Любовь, которую его мать так и не нашла, и которой так и не смог дожждаться его отец. Люк достаточно доверял Джейн, чтобы впустить ее в свою жизнь и жизнь сестры. И он считал, что его доверие было основано не на пустом месте.

Ему нравилось смотреть на Джейн, говорить с ней и просто быть рядом. Ему нравился ее живой ум, и ему нравилось, что рядом с ней он мог быть самим собой. Ему нравилось ее чувство юмора, и ему нравилось заниматься с ней сексом. Нет, он любил секс с ней. Он любил целовать ее, касаться ее, быть в ней, глядя на ее покрасневшее лицо. Когда он был в ней, он почти планировал то, как бы снова оказаться там. Она была единственной женщиной из всех, с кем он спал, с которой он действительно хотел повторить это.

Он любил слушать ее слабые стоны и любил то, как она касалась его. Он любил, когда она брала ситуацию в свои руки, а он зависел от ее милосердия. Джейн знала, что надо делать руками и ртом, и Люк любил в ней и это.

Но испытывал ли он к ней любовь? Вечную любовь? Может быть. И он был удивлен, что это не

пугало его.

— Люк?

Он оторвал взгляд от входа в бар и посмотрел на парней. Большинство стояло около Урагана, уставившись в журнал, который тот разложил на столе.

— Что?

Даниэль держал номер «Хим». Швед снова учился читать по-английски.

— Ты это видел? — спросил Гризелл.

— Нет.

Даниэль протянул Люку журнал, открытый на его любимом материале для обучения, и сказал:

— Читай.

Парни смотрели на Счастливого так, будто чего-то ожидали. Так что он взял журнал и начал читать.

Жизнь Медового пирожка

Одно из моих любимых мест в мире — смотровая площадка в сиэтлском «Спейс-Нидл» ночью. Как будто находишься на вершине мира. А все, кто знают меня, в курсе, что я люблю быть сверху. Я только что поужинала в ресторане внизу, оставив моего ухажера, настоящего идиота, сидеть за столиком, ожидая, пока я вернусь из дамской комнаты. На мне было маленькое красное платье без бретелек с золотой застежкой на шее и маленькой золотой цепочкой, которая свисала до середины моей спины. Я надела туфли с пятидюймовыми каблуками и была в настроении для чего-то большего, чем тихоокеанская меч-рыба.

Ухажер оказался великолепным, как и все мои мужчины. Но он не захотел немножко поиграть под столом, а я была возбуждена и скучала. Опасное сочетание для сиэтлских мужчин.

Люк прервал чтение, чтобы взглянуть на вход в бар, куда вошли две женщины. Ему потребовался лишь один быстрый взгляд, чтобы определить, что это хоккейные фанатки. Моментально потеряв интерес, он вернулся к статье.

Слева от меня открылись двери лифта, и из него вышел мужчина в черном смокинге. Мой взгляд поднялся по четырем пуговицам пиджака к его голубым глазам, которые были прикованы к моей идеальной груди, едва прикрытой красной тканью. Уголки его рта приподнялись в оценивающей улыбке, и внезапно моя ночь стала намного интересней.

Я сразу узнала его. Хоккеист. Голкипер с быстрыми руками и, как говорят, очень грязными мыслями. Мне нравится это в мужчинах. О нем мечтали примерно миллион женщин по всей стране.

Пару раз и я мечтала о нем.

— Привет, — сказал он. — Прекрасная ночь, чтобы понаблюдать за звездами.

— Наблюдение — мое любимое занятие.

Его звали Счастливым, и я посчитала это хорошим предзнаменованием, потому что, если его улыбка была знаком, то я скоро стану очень счастливой.

Люк остановился и поднял глаза на парней.

— Боже мой, — сказал он. — Речь не может идти обо мне, — но у него было дурное предчувствие, что так и есть.

Я положила руки на одну из табличек с надписями, рассказывающими, сколько раз в году в «Нидл» ударяет молния, и наклонилась вперед. Подол платья скользнул вверх по моим длинным загорелым

ногам, опасно близко к «краю». Я взглянула на мужчину уголком глаза и улыбнулась. Его взгляд был прикован к ложбинке между моих груди, и я попыталась вызвать в себе чувство вины от того, что собиралась сделать с ним. Но вина и я расстались примерно двадцать лет назад, и я чувствовала лишь трепет в груди и боль между ног.

— А ты? Любишь наблюдать?

— Я больше люблю делать, — он протянул ко мне руку и убрал прядь волос с моего лица. — Так намного интересней.

— Мне нравятся парни, которые любят делать, поскольку мне нравится быть сделанной в самых разных позициях, — я облизала свои красные губы. — Тебя это интересует?

Веки его голубых глаз отяжелели, пока он скользил рукой по моей спине, и его пальцы касались позвоночника, разжигая огонь в моем теле.

— Как тебя зовут?

— Медовый пирожок.

— Мне это нравится, — сказал он, вставая позади меня. Затем обвил рукой мою талию и прошептал на ухо: — Насколько извращенной ты можешь быть, мисс Медовый пирожок?

Я отклонилась назад и вжалась своей округлой попкой в то, что ощущалось как, по крайней мере, двадцатитрехсантиметровая первоклассная дубинка. Он сдвинул свои умелые руки к моей груди и сжал ее через тонкую ткань платья.

Я закрыла глаза и выгнула спину. Он еще не знал этого, но он был уже мертв.

— Последний мужчина, с которым я была, так и не оправился. — Это произошло два дня назад, и Луи все еще оставался в коме, после того как я бросила его в грузовом лифте в «Фор Сизонс».

— Что ты с ним сделала?

— Я поимела его мозги... помимо всего прочего.

Мои соски напряглись под его теплыми ладонями, и я так возбудилась, что даже автобус, полный японских туристов, не остановил бы меня от того, чтобы поиметь этого хоккеиста с его большим, твердым членом.

— Ты сводишь меня с ума своими алыми губами и маленьким красным платьем. — Счастливчик прикусил мою шею и спросил хриплым шепотом: — Ты замерзла или возбудилась?

Люк остановился после этих слов и вернулся обратно, чтобы пробежать фразу еще раз.

— Ты замерзла или возбудилась?

— Какого черта? — прошептал он, продолжая читать.

Мне было жарко, и я определенно возбудилась.

— Ты заставляешь меня хотеть поставить на тебе засос, чтобы потом унять боль поцелуями.

— Где? — спросила я, беря его руку и кладя ее между своих ног. — Здесь? — он сжал мою плоть через платье и красные кружевные стринги.

Люк, ошеломленный, бросил журнал и сел. Он чувствовал себя так, будто получил удар в голову шайбой. Это, безусловно, не могло произойти. Ему просто чудится, это не могло случиться на самом деле.

— Ты знаком с Медовым пирожком? — спросил Бресслер, тем самым дав Люку знать, что он ничего не придумал.

— Нет.

Но во всем этом было что-то знакомое. Что-то по-настоящему личное.

— Теперь ты знаменитость, — пошутил капитан. — Читай дальше. Медовый пирожок довела тебя до комы.

Остальные парни засмеялись, но Люк не находил в этом ничего веселого. Нет, это вселяло в него тревогу.

— Почему в этот раз она выбрала тебя? — пожелал узнать Фиш. — Она, должно быть, увидела тебя в игре и захотела оценить твои принадлежности.

— Может быть, она из тех, кто видел эти принадлежности, — добавил Линч.

Злость поднялась в груди Люка, но он поборол ее и сказал:

— Могу гарантировать, что она не видела мои принадлежности. — Злость будет только мешать. Он хорошо это знал по собственному опыту. Ему нужна была ясная голова, чтобы подумать. Он чувствовал себя так, будто смотрит на один из этих паззлов с большой картинкой — картинкой его жизни — но все кусочки перемешаны. И если бы он только мог составить их все в правильном порядке, всё стало бы ясным.

— Я бы решил, что это классно, если бы Медовый пирожок затрахала меня до комы, — сказал кто-то.

— Она не настоящая, — ответил Линч.

— Она должна быть настоящей, — возразил Скотт Манчестер. — Кто-то ведь пишет колонку.

Беседа быстро перешла к размышлениям на тему, где Медовый пирожок могла увидеть Люка. Все были согласны, что она живет в Сиэтле, но разошлись во мнениях по поводу ее пола. Парни рассуждали, встречала ли Медовый пирожок Люка на самом деле, и была ли она в действительности мужчиной. И пришли к единодушному мнению, что она думает как мужчина, даже если таковым и не является.

Люку было наплевать, мужчина Медовый пирожок или женщина. Он провел последние два года, пытаясь забыть это дерьмо. И вот все началось сначала. Добавляя бензин в огонь, который Люк старался потушить. Только в этот раз было хуже, чем когда-либо прежде.

— Это все выдумка, — сказал кто-то. Но для Люка это не было выдумкой. Все было настолько жутко знакомо, что у него на затылке зашевелились волосы. Красное платье. Так... часть про соски. О том, замерзла она или возбудилась. Красные трусики танга. Засос.

Кусочки головоломки встали на место. Это была Джейн. Кто-то подслушал их с Джейн, но это было невозможно. «Ты заставляешь меня хотеть поставить на тебе засос, чтобы потом унять боль поцелуями», — Люк помнил, как говорил это, касаясь ее нежной кожи. В ту ночь, когда она надела красное платье, он хотел оставить метку на ней. Свою метку. Их преследовали? Он снова передвинул кусочки головоломки в своей голове, но так и не получил ясной картины.

— Привет парни. Чем это вы занимаетесь?

Люк поднял взгляд от глянцевого журнала к зеленым глазам Джейн. Он должен был сказать ей. Она сойдет с ума.

— Шарки, — поприветствовали ее парни.

Уголки ее губ легонько приподнялись, когда она посмотрела на него. Затем ее взгляд упал на открытый журнал, и улыбка застыла.

— Ты когда-нибудь слышала о «Жизни Медового пирожка»? — спросил ее Саттер.

Глаза Люка и Джейн встретились.

— Да.

— Она написала о Люке.

Все краски покинули ее и так побледневшее лицо.

— Ты уверен, что там о тебе?

— На все сто.

— Мне жаль, Люк.

Счастливец поднялся со стула. Джейн поняла, что это значило. Для него. Она поняла то, чего не поняли остальные парни. Теперь эта история Медового пирожка будет использоваться как еще один повод, чтобы копаться в личной жизни Люка Мартинд. Копаться в том, что просто не имело никакого значения. Он подошел к Джейн и посмотрел ей в глаза.

— Ты в порядке?

Она кивнула, затем покачала головой.

Не раздумывая, Люк взял ее за руку, и они вышли из бара. Прошли через фойе и вошли в лифт.

— Мне так жаль, Люк, — прошептала Джейн.

— Это не твоя вина, любимая, — он нажал на кнопку с номером этажа, затем посмотрел на Джейн.

Она стояла в углу. Ее глаза были огромными и полными слез, и внезапно она показалась ему такой маленькой. К тому времени как они добрались до номера, слезы струились по ее щекам. Он еще не сказал ей о своих странных подозрениях, а она уже плакала.

— Джейн, — начал он, как только за ними закрылась дверь. — Я знаю, это прозвучит как бред... —

Люк замолчал, чтобы привести в порядок мысли в своей голове. — В этой дерьмовой статейке о Медовом пирожке есть кое-что, слишком близкое к правде, чтобы это было простым совпадением. Кое-что, написанное о нас с тобой, что на самом деле произошло. Я не знаю, как ей удалось узнать все это. Такое чувство, будто кто-то следил за нами и записывал.

Джейн села на край кровати и засунула ладони между коленями. Она ничего не сказала, и Люк продолжил пытаться объяснить то, чего сам не понимал.

— Например, твое красное платье. Она описала твое красное платье с цепочкой на спине.

— О, Боже.

Он присел рядом с ней и обнял за плечи. Его беспокоили те вещи, которые эта бумагомарака узнала о нем. Джейн уже расстроилась, и Люк не стал вдаваться в подробности, потому что не хотел пугать ее сильнее, чем она уже была напугана.

— Не могу поверить, что это снова началось. Я так старался держаться подальше от всего подобного дерьма, — он сжал ее плечи. Мысли крутились у него в голове, но не имели никакого смысла. — Я чувствую себя психом. Параноиком. Немного сумасшедшим. Может, мне нужно нанять частного детектива, чтобы докопаться до сути всего этого?

Джейн подпрыгнула, как будто ее брюки загорелись, и подошла к стулу у окна. Прикусив нижнюю губу, она посмотрела куда-то поверх головы Люка.

— Ты не польщен?

— Черт, нет! У меня такое чувство, словно какой-то незнакомец подглядывает за мной. За нами.

Таится поблизости, прячется в темноте.

— Мы бы заметили, если бы кто-нибудь преследовал нас.

— Может, ты и права, но я не знаю, как еще объяснить все написанное в журнале. Я знаю, каким бредом это кажется. — Это на самом деле был бред. Даже для него, а он прочитал это. — Может, кто-нибудь из парней... — Люк покачал головой, высказывая свои мысли вслух. — Не думаю, что кто-нибудь из парней может оказаться замешанным в этом, но кто тогда? — он пожал плечами. — Может быть, я схожу с ума?

Джейн смотрела на него в течение нескольких долгих секунд, затем выпалила:

— Я написала это.

— Что?

— Я пишу цикл рассказов о Медовом пирожке.

— Что?

Джейн сделала глубокий вдох и сказала:

— Я — Медовый пирожок.

— Ну да.

— Так и есть, — проговорила она сквозь слезы.

— Зачем ты это говоришь?

— Проклятье! Не могу поверить, что я должна доказывать тебе это. Я никогда не хотела, чтобы ты вообще узнал об этом, — Джейн вытерла щеки и сложила руки на груди. — Кто еще это может быть?

И тут один за другим кусочки головоломки встали на место. То, что знали только они с Джейн. Записка, которая была прилеплена к ее ежедневнику, напоминающая ей о каком-то решении по поводу Медового пирожка. Джейн была Медовым пирожком. Она не могла быть ею.

— Нет.

— Да.

Люк поднялся и посмотрел на Джейн, стоявшую в другом конце комнаты. На темные локоны, которые он любил трогать. На ее гладкую белую кожу и розовые губы, которые он любил целовать. Эта женщина выглядела как Джейн, но если она действительно была Медовым пирожком, значит, она не была той женщиной, которую, как Люк думал, он знал.

— Теперь тебе не надо никого нанимать, — сказала она, как будто это должно было утешить его. — И ты не должен подозревать кого-то из парней.

Он посмотрел ей в глаза, словно мог увидеть невероятную правду, написанную там. Чувством, которое он там увидел, оказалась вина. В его груди внезапно образовалась пустота. Он доверял Джейн достаточно, чтобы впустить в свой дом и в свою жизнь. В жизнь своей сестры. И теперь чувствовал себя полным ослом.

— Я написала эту статью той ночью, когда ты поцеловал меня в первый раз. Можно сказать, что ты вдохновил меня, — она опустила руки. — Я написала ее задолго до того, как мы начали встречаться.

— Не так уж и задолго, — даже для него самого его голос звучал странно. Как будто пустота в его груди ожидала, пока злость поднимется и заполнит ее. Это случится, но не сейчас. — Ты всегда знала, как я отношусь к тому законченному дерьму, которое пишут обо мне. Я говорил тебе.

— Я знаю, но, пожалуйста, не злись. Или лучше злись, потому что у тебя есть право на это.

Просто... — ее глаза снова наполнились слезами, и она вытерла их пальцами. — Просто я была так увлечена тобой, и ты поцеловал меня, и я написала об этом.

— И отправила это для публикации в порножурнале.

— Я надеялась, что ты будешь польщен.

— Ты знала, что не буду, — сдерживаемый гнев рос в его груди. Ему надо было убраться отсюда.

Ему надо было убраться подальше от Джейн. От женщины, в которую, как Люк думал, он влюбился. — Ты, должно быть, здорово посмеялась, когда я считал тебя ханжой. Когда я думал, что мои фантазии шокируют тебя.

Она покачала головой:

— Это не так.

Она не только предала его веру в нее, но сделала из него полного дурака.

— Что еще я смогу прочитать о себе?

— Ничего.

— Ну да, — он подошел к двери и взялся за ручку.

— Люк, подожди! Не уходи, — он остановился. Ее голос настиг его, наполненный слезами и той же пронзительной болью, от которой сжимались его внутренности. — Пожалуйста, — заплакала Джейн. — Мы сможем справиться с этим. Я могу представить все в выгодном для тебя свете.

Он не обернулся. Он не хотел видеть ее.

— Я так не думаю, Джейн.

— Я люблю тебя.

Своими словами она воткнула еще один нож ему в спину, и злость, которую он сдерживал, наконец-то вырвалась. Он думал, что она разорвет его.

— Тогда не хотел бы я увидеть, что ты творишь с людьми, которых не любишь, — он открыл дверь. — Держись от меня подальше и не подходи к моей сестре.

Люк шел по коридору. Узор коврового покрытия казался размытым пятном. Джейн была Медовым пирожком. Его Джейн. Хотя он знал, что это правда, ему было очень нелегко постичь ее.

Он зашел в свой номер и прислонился спиной к закрытой двери. Все время, пока он считал Джейн ханжой, она писала порнушку. Все время, пока он думал, что она скована, Джейн знала о сексе больше, чем он. Все время, пока они были вместе, он доверял ей, а она делала записи.

Она сказала, что любит его. Он ни на секунду не поверил ей. Он доверял ей, а она ударила его ножом в спину. Она использовала его для написания порнорассказа. Зная, как Люк относится к этому, она все равно написала его.

Все это время, пока он заботился о том, чтобы она не чувствовала себя фанаткой, она на самом деле была... Кем была Медовый пирожок? Нимфоманкой?

Была ли Джейн нимфоманкой? Нет. Была? Он не знал. Он ничего не знал о ней.

Он был уверен лишь в том, что оказался чертовым дураком.

ГЛАВА 17

Кривая вывезла: после травмы

Джейн была душой. Столько раз. Сначала — когда влюбилась в Люка, хоть и знала, что он разобьет ей сердце. Затем — когда смотрела ему в глаза и рассказывала, что она и есть Медовый пирожок. Он не знал. Был шанс, что никогда и не узнает.

Но она знала. И это жгло ее так, будто тлеющие древесные угли были спрятаны у нее в груди. В конце концов, она бы сказала ему, чтобы спасти его рассудок. Люк просто сходил с ума, думая, что

кто-то следил за ними из темноты... и Джейн полагала, что кто-то в самом деле следил. Она. Поэтому рассказала ему все, чтобы облегчить муки совести. Так почему же ей не стало легче? Джейн бросила чемодан на пол и разрыдалась. Она провела семь часов в такси, аэропортах и самолетах, пытаясь добраться до дома. Пытаясь держаться. Она больше не могла. Боль от потери Люка терзала ее тело, а легкие разрывались от рыданий. Она знала, что терять его будет мучительно, но никогда не представляла, что такая боль возможна.

Лунный свет струился сквозь окна маленькой спальни, и Джейн, закрывая себя в темноте, задернула шторы. Она вылетела из Феникса первым же рейсом этим днем. У нее была двухчасовая остановка в Сан-Франциско, прежде чем полет продолжился до Сиэтла. Джейн истощилась физически и эмоционально. Она должна была уехать. У нее не было выбора. Она не могла войти в раздевалку следующим вечером и увидеть лицо Люка. Не могла рассыпаться на кусочки. Прямо там, на виду у игроков.

Прежде чем уехать, она позвонила Дарби и сказала, что у нее в семье несчастье. Ей нужно срочно домой, и она присоединится к команде, когда та вернется в Сиэтл. Хотя это не имело никакого отношения к Дарби, он помог ей организовать полет, и Джейн поняла, что Хоуг был кем-то большим, чем просто нахальным дельцом. Под этими костюмами за тысячу долларов и ужасными галстуками скрывалось доброе сердце. И может быть, Дарби будет достаточно хорош для Каролины. Джейн также позвонила Кирку Торнтону. Тот не был таким понимающим, как Хоуг, и спросил, что за несчастье. Джейн была вынуждена солгать. Она сказала, что у ее отца сердечный приступ. Хотя на самом деле разбилось ее сердце.

Упав на кровать, Джейн закрыла глаза. Она не могла перестать думать о Люке или вспоминать, каким было его лицо, когда она вошла в бар гостиницы. Люк выглядел ошеломленным. Как будто кто-то ударил его кирпичом. Она помнила каждую мучительную деталь. А хуже всего была его забота о ней. И когда он, наконец, осознал, что она и есть Медовый пирожок, его забота обернулась презрением. В тот момент Джейн поняла, что потеряла его навсегда.

Она повернулась на бок и потрогала подушку, лежавшую рядом: Люк был последним, чья голова касалась ее. Джейн провела рукой по мягкой хлопковой наволочке, затем прижала подушку к носу: запах Люка... Она почти могла почувствовать его.

Сожаление и злость смешались с болью в ее душе, и Джейн хотелось, чтобы она не говорила Люку, что любит его. Ей хотелось, чтобы он не знал этого. А больше всего ей хотелось, чтобы ему было не все равно. Но это было не так.

«Тогда я не хотел бы увидеть, что ты творишь с теми, кого не любишь», — сказал он.

Отбросив подушку в сторону, Джейн села в кровати, вытерла слезы со щек и, надев огромную футболку, направилась по темной квартире на кухню. Открыла холодильник и заглянула внутрь. Прошло много времени с тех пор, как она размораживала его. Джейн взяла давным-давно открытую банку, где плавал один кусочек маринованного огурца, и поставила на стол. Достала пустую бутылку горчицы и пол-упаковки молока, у которого неделю назад закончился срок годности, и поставила рядом с банкой. Грудь болела, а голова была как будто набита ватой. Джейн с радостью бы заснула и спала, пока боль не исчезнет, но даже это было невозможно, потому что, проснувшись, она бы встретилась с этой болью снова.

Зазвонил телефон. Когда он замолчал, Джейн сняла трубку и положила рядом с аппаратом. Вытащив

мусорное ведро и чистящее средство из-под раковины, она поставила их рядом с собой в круг света от холодильника. Она чистила его, чтобы чем-то заняться. Чтобы удержаться и не сойти с ума. Но это не помогало, потому что она вспоминала все прекрасные и волнующие, и ужасные мгновения, которые провела с Люком. Она вспоминала, как он бросал дротик, как будто мог силой добиться точности. Как он ехал на мотоцикле, и каково это было — сидеть позади него. Она вызвала в памяти точный цвет его глаз и волос. Звук его голоса и запах его кожи. Прикосновение его рук и тела, прижатого к ней. Его вкус у нее во рту. То, как он глядел на нее, когда они занимались сексом. Джейн любила в Люке все. Но он не любил ее. Она знала, что между ними все закончится. В конце концов, рассказ о Медовом пирожке в «Хим» просто приблизил неизбежное. Даже если бы она не отослала его, даже если бы она никогда не написала его, их с Люком отношения не ждал бы счастливый конец, несмотря на то, что она надеялась на обратное. Кен был привязан к Барби. Мик встречался с супермоделями, а Брэд женился на Дженнифер. Точка. Такова жизнь. В этом разрыве не было ее вины. Люк бы все равно бросил ее. Может, даже лучше, что он ушел от нее сейчас, сказала себе Джейн, чем через несколько месяцев, когда она нашла бы еще больше причин любить его. Когда ей было бы еще больнее. Хотя она не могла представить себе, что боль могла стать еще сильнее. Она чувствовала себя так, будто часть ее умерла.

Поставив чистящее средство на столешницу, Джейн посмотрела на портфель, валяющийся на кофейном столике.

«В этой дерьмовой статейке о Медовом пирожке есть кое-что, слишком близкое к правде, чтобы это было простым совпадением», — сказал Люк.

Она всегда считала, что он узнает себя в рассказе, но никогда не думала, что он узнает ее. Она подошла к дивану и села. «Кое-что, написанное о нас с тобой, что на самом деле произошло». Вытащив лэптоп, Джейн включила его. Открыла папку «Медовый пирожок» и щелкнула по мартовскому файлу. До сих пор она не хотела читать эту статью. Боясь, что та ужасна и совсем не лестна, и не так хороша, как Джейн считала поначалу и какой намеревалась ее сделать. Читая, она оказалась поражена тем, насколько ясным сделала тот факт, что описанная женщина — это сама Джейн. Было бы удивительно, если бы Люк ничего не заподозрил. Чем больше Джейн читала, тем больше спрашивала себя, оставила ли она улики намеренно. Это было почти, как если бы она спрыгнула со страницы, размахивая руками и крича: «Это я, Люк. Это Джейн. Я написала это». Хотела ли она, чтобы он понял, что статья была написана именно ею? Нет. Конечно, нет. Это было бы глупо. Это значило бы, что она намеренно разрушила их отношения.

Опустившись на диван, Джейн посмотрела на каминную полку на другой стороне комнаты. На свою фотографию с Каролиной. На хрустальную акулу, которую подарил Люк. Когда она влюбилась в него? Случилось ли это в ночь банкета? В первую ночь, когда он поцеловал ее? Или в тот день, когда он принес ей книгу про хоккей, перевязанную розовой ленточкой? Возможно, она влюблялась в него каждый раз.

Она полагала, что главным вопросом здесь был не вопрос времени. Было ли то, что всегда говорила о ней Каролина, правдой? Вступала ли она в отношения с мужчинами, стоя одной ногой за дверью? Со взглядом, устремленном к надписи «выход»? Намеренно ли она написала такую очевидную статью, чтобы прервать связь с Люком прежде, чем все зайдет слишком далеко? Если было именно так, то Джейн закончила все слишком поздно. Она влюбилась намного сильнее, чем когда-либо прежде. Она

даже не знала, что можно так сильно влюбиться.

Раздался звонок в дверь, и Джейн поднялась с дивана. Было уже больше двух часов ночи, и она не могла представить, кто стоит на ее крыльце. Ее сердце сжалось, хотя она и сказала себе, что это не Люк, проехавший через всю страну, как Дастин Хоффман в фильме «Выпускник».

Оказалось, что это Каролина.

— Я обзвонила все больницы, — заявила та, крепко прижимая Джейн к груди. — Никто не дал мне никакой информации.

— О чем? — Джейн высвободилась из хватки подруги и сделала шаг назад.

— О твоём отце, — Каролина наклонила голову и посмотрела Джейн в глаза. — О его сердечном приступе.

Джейн покачала головой и потерла замерзшие руки о свою длинную футболку.

— У моего отца не было сердечного приступа.

— Мне позвонил Дарби и сказал, что был!

О, нет.

— Это то, что я сказала в газете, но мне просто нужно было вернуться домой, и я нуждалась в приличном поводе.

— Мистер Олкотт не умирает?

— Нет.

— Я, конечно, рада слышать это, — Каролина плюхнулась на диван. — Но я заказала цветы.

Джейн села рядом с ней.

— Прости. Можешь отменить заказ?

— Не знаю, — Каролина повернулась и посмотрела на подругу. — К чему эта ложь? Почему тебе надо было вернуться домой? Ты плакала?

— Ты уже читала «Медовый пирожок» в этом месяце?

Каролина обычно читала все статьи Джейн.

— Конечно.

— Это был Люк.

— Я поняла. Он был польщен?

— Совсем нет, — ответила Джейн, а потом рассказала подруге почему. Сквозь слезы, которые не могла остановить, она рассказала все. Когда она закончила, Каролина нахмурилась.

— Ты уже знаешь, что я собираюсь сказать.

Да, Джейн знала. И в первый раз она по-настоящему слушала. Джейн всегда была самой умной из них двоих. А Каролина была красивой. Сегодня Каролина была красивой и умной.

— Ты можешь исправить это? — спросила Каролина.

Джейн вспомнила взгляд Люка, и как он велел ей держаться подальше от него и Мари. Он в самом деле имел это в виду.

— Нет. Теперь он не станет меня слушать, — откинув голову на спинку дивана, она уставилась в потолок. — Мужики — отстой, — Джейн повернула голову и посмотрела на подругу. — Давай договоримся завязать с мужчинами на некоторое время.

Каролина прикусила губу:

— Я не могу. Я вроде как встречаюсь с Дарби.

Джейн выпрямилась:

— В самом деле? Я не знала, что у вас все так серьезно.

— Ну, Хоуг, вообще-то, не совсем мой тип. Но он мил со мной, и он мне нравится. Мне нравится говорить с ним и нравится, как он смотрит на меня. И если посмотреть фактам в лицо, я нужна ему. Да, определенно так и было. И Джейн полагала, что Дарби, вероятно, сможет обеспечить Каролину своей потребностью в ней на всю оставшуюся жизнь.

На следующее утро Джейн получила цветы от руководства «Чинуков» с выражением соболезнований. В полдень — цветы от «Таймс», а в час дня Дарби прислал свой букет. К трем — доставили цветы от Каролины. Все букеты были великолепны и чудесно пахли, и вызывали в Джейн чувство вины. Это было истинное возмездие, и Джейн пообещала Господу, что больше никогда не будет врать, если Он заставит поток цветов иссякнуть.

Той ночью по телевизору она наблюдала за матчем между «Чинуками» и «Койотис». Сквозь решетку маски на нее смотрели голубые глаза Люка, такие же холодные и жесткие, как лед, на котором он играл. Когда он не проклинал воздух перед своими воротами, его губы сжимались в суровую линию. Люк поднял глаза, и камера поймала в них злость. Он был не в своей тарелке. Его личная жизнь влияла на его игру, и если у Джейн еще таилась какая-то скрытая надежда на то, что она сможет исправить ситуацию между ними, эта надежда умерла.

Все закончилось на самом деле.

Счастливчик заработал три штрафа, изливая свою злость на каждого, кто оказывался достаточно глуп, чтобы приблизиться к его вратарской площадке.

— В чем дело, Мартино? — спросил форвард «Койотов» после первого нарушения. — У тебя что, месячные?

— Поцелуй мою волосатую задницу, — ответил Люк, цепляя парня за конек и сбивая с ног.

— Ты кретин, Мартино, — сказал тот, растянувшись на льду и глядя снизу вверх. Раздался свисток, и Брюс Фиш отправился на скамейку штрафников вместо вратаря.

Люк взял бутылку и плеснул водой в лицо. К нему подъехал Марк Бресслер.

— У тебя проблемы с тем, чтобы держать себя в руках? — спросил капитан.

— Какого хрена ты так думаешь? — Вода капала с лица Люка и его маски. Джейн не было в ложе прессы. Ее даже не было в этом штате, но он не мог выкинуть ее из головы.

— Вот какого хрена я думаю, — Бресслер ударил Люка по плечу своей большой перчаткой. —

Попытайся больше не зарабатывать нарушений, и мы сможем выиграть этот матч.

Он был прав. Люку надо было сконцентрироваться на игре, а не на тех, кто был или кого не было в ложе прессы.

— Больше никаких глупых штрафов, — согласился он. Но через несколько минут зацепил игрока противников за голень, и «койот» свалился как подкошенный.

— Разве это больно, котик? — сказал Люк, глядя на парня, схватившегося за ногу и корчащегося на льду. — Вставай, и я покажу настоящую боль.

Раздался свисток, и мимо проехал Бресслер, качая головой.

В раздевалке после игры была более подавленная атмосфера, чем обычно. «Чинуки» забили две шайбы в конце третьего периода, но этого оказалось недостаточно. Они проиграли со счетом 3–5.

Спортивные журналисты из Феникса бродили по раздевалке в поисках каких-нибудь комментариев,

но все игроки были не особо разговорчивы.

Отец Джейн перенес сердечный приступ, и «Чинуки» чувствовали ее отсутствие. Люк не верил в эту историю с приступом и был удивлен, что она убежала, поджав хвост. Это было не похоже на ту Джейн, которую он знал. Хотя, опять же, он на самом деле совсем не знал ее. Настоящая Джейн лгала ему и использовала его, и сделала из него дурака. Она знала о нем такое, чего он не хотел бы прочитать в газетах. Она знала, что он использовал лед для своих коленей, и что они не были в порядке на все сто процентов.

Он был идиотом. Какого черта он позволил маленькой журналистке с вьющимися волосами и острым языком войти в его жизнь? Она ведь ему даже не нравилась поначалу. Как он умудрился так сильно влюбиться в нее? Она перевернула его жизнь вверх тормашками, и теперь ему надо было найти способ выкинуть Джейн из головы. Чтобы вернуть свою способность концентрироваться. Он может сделать это. Он побеждал прежде и побеждал более страшных демонов, чем Джейн Олкотт. Люк считал: все что ему нужно — это решимость и немного времени. Дарби сказал команде, что Шарки не вернется на работу до следующей недели.

Неделя. Теперь, когда Джейн физически исчезла из его жизни, Люку не должно было потребоваться много времени, чтобы выбросить ее ко всем чертям из своей головы и мыслями вернуться к игре. И неделю спустя он оказался прав. Во всяком случае, частично. Он снова был в ударе. Вернулся к мастерству вместо грубой силы, подогреваемой эмоциями. Но потерпел неудачу в попытках полностью выкинуть Джейн из головы.

В тот день, когда команда вернулась в Сиэтл, Люк чувствовал себя израненным внутри и снаружи.

Он хотел просто сесть на диван и растечься по нему. И бездумно смотреть телевизор, пока Мари не придет из школы. Может быть, они бы сходили куда-нибудь и расслабились за ужином.

Ему следовало подумать получше. Как всегда с его сестрой. Вот все нормально, а через мгновение — спокойная жизнь катится ко всем чертям. Только что Мари рассказывала ему о своем дне в школе, а затем сняла большую, громоздкую толстовку. Челюсть Люка упала, когда он увидел обтягивающую футболку и грудь, которая оказалась намного больше, чем когда он оставил сестру дома неделю назад. Не то чтобы Люк обращал внимание на такие вещи, но не заметить разницы было невозможно. — Что это на тебе?

— Моя футболка из «Биби».

— Твоя грудь намного больше, чем была на прошлой неделе. Ты надела лифчик с подкладками?

Мари сложила руки на груди, как будто Люк был извращенцем.

— Это аква-бра.

— Ты не можешь носить это вне квартиры! — Он не мог позволить ей выйти на улицу с грудью, которая так и норовила вывалиться наружу.

— Я надевала его в школу всю последнюю неделю.

Твою мать! Он мог поспорить, что все парни в школе смотрели только на ее грудь. Всю неделю.

Пока он был на играх. Иисусе, его жизнь была дерьмом. Наполненным доверху баком дерьма.

— Спорю, что парни в твоей школе по-настоящему здорово развлеклись, пялясь на твои буфера. А ты можешь поспорить, что они не очень хорошо думали о тебе.

— Буфера, — задыхнулась Мари. — Это отвратительно. Ты так противно ведешь себя со мной. Ты всегда говоришь гнусные вещи.

Буфера — не плохое слово. Разве не так?

— Я говорю тебе, что думают парни. Если ты появляешься в огромном лифчике с подкладками и с выпадающей оттуда грудью, они думают, что ты вульгарна.

Мари посмотрела на него, как будто он был чудовищем, а не ее братом, который хотел защитить ее от маленьких извращенцев в школе.

— Ты больной.

Больной?

— Нет, я не больной. Я просто пытаюсь сказать тебе правду.

— Ты мне не мама и не отец. Ты не можешь указывать, что мне делать.

— Да, ты права. Я не твой отец и не твоя мать. И я также, может, не лучший из братьев, но я все, что у тебя есть.

Из ее глаз потекли слезы, размазывая макияж.

— Я ненавижу тебя, Люк.

— Нет, не ненавидишь. Ты просто брыкаешься, потому что я не хочу позволить тебе разгуливать повсюду в лифчике с подкладками.

— Спорю, тебе нравятся женщины, которые разгуливают в таких лифчиках. — На самом деле, у него развились любовь и страсть к маленькой груди. — Ты ханжа, Люк. Могу поспорить, твои подружки носят лифчики с подкладками.

Из всех женщин, что он знал, единственная, которая пленила его, не носила лифчик. Люк спросил себя, что это говорило о нем? Он пытался не тревожиться насчет этого, но его это тревожило. Его бак с дерьмом наполнился еще чуть-чуть.

— Мари, тебе шестнадцать, — попытался образумить сестру Люк. — Ты не можешь ходить в лифчике, который приводит парней в возбуждение. Ты должна надеть что-нибудь другое. Может быть, лифчик с амбарным замком, — последние слова он сказал, чтобы немножко развеселить Мари. Как всегда, она не смогла оценить его юмор. И разразилась слезами.

— Я хочу поехать в интернат, — выкрикнула Мари и убежала в свою комнату.

Упоминание об интернате заставило Люка замереть на месте. Он уже долгое время не думал об этом. Если он отошлет сестру в интернат, ему не надо будет беспокоиться о том, что она надевает лифчики с подкладками, когда его нет в городе. Его жизнь станет проще. Но внезапно мысль о том, чтобы отослать Мари, перестала привлекать его: она была унылой и одной сплошной нервотрепкой, но она была его сестрой. Он привык, что она рядом, и интернат больше не казался ему подходящим решением.

Люк последовал за сестрой в комнату и прислонился плечом к дверному косяку. Мари лежала на кровати, уставившись в потолок, раскинув руки, как мученица на кресте.

— Ты действительно хочешь поехать в интернат? — спросил он.

— Я знаю, что ты хочешь этого.

— Я никогда так не говорил. — Они уже обсуждали это прежде. — И это неправда.

— Ты хочешь избавиться от меня, — всхлипнула девочка. — Так что я уеду в школу.

Люк знал, что ей необходимо было услышать, и что ему нужно было сказать. Для нее, а также и для себя. Он слишком долго был нерешительным.

— Вопрос не обсуждается, — он сложил руки на груди. — Ты никуда не поедешь. Ты живешь со

мной. Если тебе это не нравится — тем хуже для тебя.

Тогда Мари посмотрела на него:

— Даже если я хочу уехать?

— Да, — сказал Люк и был удивлен тем, что на самом деле имел это в виду. — Даже если ты хочешь уехать, ты застряла здесь. Ты моя сестра, и я хочу, чтобы ты жила со мной, — он пожал плечами. — Ты — заноза в заднице, но мне нравится, когда ты рядом и пристаешь ко мне.

Мари молчала в течение минуты, затем прошептала:

— Хорошо. Я останусь.

— Тогда ладно. — Люк оттолкнулся от косяка и пошел в гостиную. Он остановился у высокого окна с видом на бухту.

У него были не самые лучшие отношения с сестрой. Их совместное проживание оказалось далеко от идеального. Люк проводил в дороге почти столько же времени, сколько в городе. Но он хотел узнать Мари, прежде чем девочка отправится в колледж и станет взрослой.

Он должен был чаще встречаться с ней за эти шестнадцать лет. Он определенно мог бы это сделать.

У него не было оправданий. Во всяком случае, приличных оправданий. Он так заиклился на собственной жизни, что совсем не думал о сестре. И это заставляло его чувствовать стыд за все те случаи, когда он был в Лос-Анджелесе и по-настоящему не пытался увидеть ее. Узнать ее. Он всегда знал, что это делает его эгоистичным ублюдком. И до сегодняшнего дня он даже не считал, что есть что-то неправильное в том, чтобы быть эгоистичным.

Услышав тихие шаги сестры, Люк повернулся. Со все еще мокрыми щеками и тушью, растекшейся по всему лицу, Мари обняла брата и положила голову ему на грудь.

— Мне нравится жить здесь и приставать к тебе.

— Хорошо, — он обнял ее. — Я знаю, что никогда не смогу заменить твою маму или отца, но я постараюсь сделать тебя счастливой.

— Я была очень счастлива сегодня.

— Тебе все еще не разрешается носить тот лифчик.

Мари помолчала секунду, затем испустила многострадальный вздох:

— Ладно.

Они долго стояли вместе у окна. Мари говорила о своей матери и рассказала о причине, по которой хранит засохшие цветы на своем комодe. Люк полагал, что понял, хотя все равно ему казалось, что это внушает страх. Сестра сказала, что говорила об этом с Джейн, и та считает, что однажды, когда Мари будет готова, она сможет выбросить цветы, которые взяла с могилы мамы.

Джейн. Что он собирался делать с Джейн? Люк всего лишь хотел спокойной жизни. Вот и все. Но у него не было ни одной спокойной секунды с тех пор, как он встретил Джейн Олкотт. Нет, неправда. В те короткие несколько недель, что они провели вместе, его жизнь была лучше, чем когда бы то ни было. Когда он был с Джейн, то чувствовал себя так, будто вернулся домой впервые, с тех пор как переехал в Сиэтл. Но все это оказалось просто иллюзией.

Джейн сказала, что любит его. Люк хорошо знал, что нельзя верить этому, но глубоко внутри, в местечке, которое было невозможно сбросить со счетов, он хотел, чтобы эта ложь оказалась правдой. Он был простофилей и болваном. Завтра вечером он должен будет увидеть Джейн в первый раз за неделю и надеялся, что, как и в случае с любой другой болью, после первого укола все в нем

онемееет, и он больше ничего не будет чувствовать.

Вот на что он надеялся. Но этого не произошло, когда на следующий вечер Джейн вошла в раздевалку. Счастливчик почувствовал ее присутствие даже раньше, чем поднял глаза и увидел ее. Потрясение от того, что она стояла перед ним, ударило его в грудь и оставило бездыханным. Когда Джейн заговорила, ее голос струился сквозь него, и, несмотря на свою железную волю, Люк впитывал в себя каждое ее слово, как высохшая губка. Он влюбился в нее. Больше нельзя было отрицать это перед самим собой. Люк влюбился в Джейн и не имел понятия, что с этим делать. Он сидел, засунув ноги в незавязанные коньки, со шнурками в руках, и смотрел, как Джейн идет к нему. И с каждым ее шагом его сердце стучало все сильнее, будто норовило пробить дыру в его груди. Одетая в черное, с гладкой белой кожей, Джейн выглядела так же, как всегда. Ее темные волосы вились вокруг лица, и Люк заставил себя зашнуровать коньки, когда на самом деле хотел встряхнуть ее, а потом крепко прижимать к себе, пока она не станет частью его.

Самым трудным из всего, что ей когда-либо пришлось сделать, оказалось зайти в раздевалку и встретиться с Люком. Когда Джейн приблизилась, он опустил взгляд на свои шнурки. В течение долгих секунд она наблюдала, как Счастливчик зашнуровывает коньки, и когда он не поднял на нее глаз, проговорила, обращаясь к его макушке:

— Большой тупоголовый придурок. — Джейн сжала руки в кулаки, чтобы удержаться и не протянуть руку, не коснуться его волос, и сказала: — Хочу, чтобы ты знал: я не собираюсь писать о тебе что-нибудь еще.

Он, наконец, посмотрел на нее. Его брови были нахмурены, а в голубых глазах бушевала буря.

— Ты ждешь, что я поверю тебе?

Она покачала головой. Ее сердце болело из-за него. Из-за себя. Из-за того, что у них могло бы быть. — Нет, не жду, но я подумала, что все равно скажу тебе, — она в последний раз посмотрела на Люка и отошла. Присоединившись к Дарби и Каролине в ложе прессы, Джейн вытащила лэптоп, чтобы делать записи.

— Как твой отец? — спросил Дарби, наполняя ее еще большим чувством вины.

— Он чувствует себя намного лучше. Он уже дома.

— Его выздоровление — это просто чудо, — добавила Каролина с понимающей улыбкой.

После первого периода «Чинуки» забили гол «Оттава Сенаторз», а во второй половине «сенаторы» забили гол в свои ворота. И к тому времени как прозвучала финальная сирена, «Чинуки» вели со счетом 2–0.

Когда Джейн после матча направлялась в раздевалку, то спрашивала себя, как долго сможет выносить это. Постоянно видеть Люка — это больше того, что могло вынести ее сердце. Она не знала, сколько еще сможет освещать игры «Чинуков», хоть это и значило отказ от лучшей работы, которая когда-либо была у нее, и от шанса на лучшую карьеру.

Сделав глубокий вдох, Джейн вошла в раздевалку. Люк, как обычно, сидел перед своим шкафчиком — торс обнажен, руки сложены на груди. И смотрел на Джейн так, будто пытался решить ребус. Она задала несколько вопросов игрокам и поспешила удалиться, прежде чем разразится слезами перед всей командой. Игроки бы решили, что Шарки плачет из-за болезни отца, и, вероятно, послали бы ей еще цветов.

Джейн почти выбежала из комнаты, но когда была уже на полпути к выходу, остановилась. Если и

было здесь что-то, из-за чего она должна была остаться и бороться, так это был Люк. Даже если он скажет, что ненавидит ее, по крайней мере, она будет знать наверняка. Джейн повернулась и прислонилась плечом к стене из шлакоблоков. В этом самом месте когда-то ее ждал Люк. Счастливчик первым вошел в проход. Их глаза встретились, пока он шел к ней, выглядя неприлично красивым в костюме и красном галстуке. Сердце Джейн подпрыгнуло к горлу, она выпрямилась и встала перед Люком.

— У тебя есть минутка?

— Зачем?

— Я хотела поговорить с тобой. Мне нужно кое-что сказать тебе. Кое-что важное.

Он посмотрел назад в пустой проход, открыл кладовку, в который они уже были прежде, и втолкнул Джейн внутрь. Дверь закрылась за ними, запирая их вместе там, где однажды они так страстно целовались. Люк включил свет. Джейн взглянула на лицо Счастливчика: он не улыбался и не хмурился, его глаза были усталыми, но ничего не выдавали. Ни одну из тех эмоций, которые она видела раньше в раздевалке.

— Я думал, ты хотела что-то сказать.

Джейн кивнула и прислонилась спиной к закрытой двери. Запах его кожи наполнил ее глубокой жаждой и воспоминаниями. Теперь, когда время пришло, она не знала, с чего начать. Так что просто заговорила:

— Я еще раз хочу сказать тебе о том, как сожалею об этой статье про Медовый пирожок. Я знаю, ты, вероятно, не поверишь мне, и не виню тебя, — Джейн покачала головой. — В то время, когда я писала ее, я влюблялась в тебя и просто села и выплеснула на бумагу свои фантазии о тебе. Я даже не была уверена, собираюсь ли отсылать ее. Просто писала, а когда закончила, поняла, что это лучшее из всего, когда-либо написанного мной, — она оттолкнулась от двери и прошла мимо Люка в этой маленькой кладовке. Джейн не могла смотреть на него и рассказывать все, что нужно было рассказать. — Когда я закончила ее, то знала, что не должна отсылать, потому что понимала, что тебе это не понравится. Я знала, как ты относишься к выдумкам, написанным о тебе. Ты высказал это достаточно ясно, — повернувшись спиной к Люку, Джейн оперлась рукой на металлический стеллаж. — И все равно я отослала ее.

— Почему?

Почему? Это была самая трудная часть.

— Потому что я любила тебя, а ты не любил меня. Я не из тех женщин, с которыми ты встречаешься. Я маленькая и с плоской грудью, и плохо одеваюсь. Не думаю, что когда-нибудь волновала тебя так, как ты волновал меня.

— Так ты решила отомстить мне?

Джейн взглянула через плечо и заставила себя повернуться и встать с ним лицом к лицу. Лицом к презрению, которое она могла снова увидеть в его глазах.

— Нет. Если бы я хотела просто отомстить тебе за то, что ты не любишь меня, я бы сделала это анонимно, — она сложила руки на груди, как будто пытаюсь не дать своей боли выплеснуться. — Я сделала это, чтобы закончить отношения, прежде чем они начались. Так, чтобы я могла обвинить статью. Так, чтобы все не успело зайти слишком далеко.

Он покачал головой:

— Это не имеет смысла.

— Да. Я уверена, что для тебя не имеет, но для меня имеет.

— Это самое путаное извинение, которое я когда-либо слышал.

Сердце Джейн упало. Люк ей не поверил.

— Я много думала в последнюю неделю и поняла, что во всех отношениях с мужчинами, которые были у меня, я всегда пользовалась аварийным выходом, просто чтобы меня нельзя было ранить.

Рассказ о Медовом пирожке стал моим аварийным выходом в отношениях с тобой. Проблема в том, что я выбралась недостаточно быстро. — Джейн сделала глубокий вдох и медленно выдохнула: — Я люблю тебя, Люк. Я влюбилась в тебя и испугалась, что ты никогда не полюбишь меня. Вместо того чтобы думать, что отношения с тобой обречены на провал, я должна была бороться за то, чтобы быть с тобой. Я должна была... я точно не знаю, что сделать. Но знаю, что все закончилось плохо. И я виновата в этом. Прости. — Когда он ничего не ответил, сердце Джейн упало еще ниже. Ей было больше нечего сказать, кроме: — Я надеялась, что мы все же сможем остаться друзьями.

Люк с сомнением приподнял бровь:

— Хочешь, чтобы мы были друзьями?

— Да.

— Нет. — Она никогда не думала, что одно короткое слово может так сильно ранить. — Я не хочу быть твоим другом, Джейн.

— Я понимаю, — она опустила голову и двинулась мимо него к выходу. Она не думала, что у нее еще остались слезы, которые можно было пролить. Она считала, что выплакала их все, но оказалось, что ошибалась. Ей было все равно, если остальные игроки «Чинуков» могли оказаться в коридоре, она просто хотела выбраться отсюда, прежде чем разлетится на мелкие кусочки. Джейн повернула дверную ручку и потянула, но ничего не произошло. Она потянула сильнее, но дверь даже не приоткрылась. Потом повернула замок, но дверь все равно не открывалась. Джейн подняла глаза и, когда увидела руки Люка над своей головой, которые удерживали дверь закрытой, спросила, поворачиваясь к нему лицом:

— Что ты делаешь?

Люк стоял так близко, что ее нос оказался в дюйме от его груди, и Джейн почувствовала запах чистой хлопковой рубашки, смешанный с дезодорантом.

— Не играй в игры, Джейн.

— Я не играю.

— Тогда почему ты сначала говоришь, что любишь меня, а в следующее мгновение предлагаешь быть просто друзьями? — он поднял пальцем ее подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. — У меня есть друзья. От тебя я хочу большего. Я эгоистичный парень, Джейн. Если я не могу быть твоим любовником, если я не могу иметь всю тебя, тогда я не хочу ничего. — Он наклонил голову и поцеловал ее. Мягкое прикосновение его губ, и слезы, которые она старалась сдержать, наполнили ее глаза, а руки сжались на его рубашке: Джейн крепко вцепилась в нее. Она будет его любовницей. И в этот раз не станет изобретать причины, чтобы избежать отношений. Она слишком сильно хочет быть с ним.

Люк скользнул губами по ее щеке и прошептал ей на ухо:

— Я люблю тебя, Джейн. И я скучал по тебе. Без тебя моя жизнь была полным дерьмом.

Джейн отстранилась и посмотрела ему в лицо:

— Скажи это еще раз.

Он взял в ладони ее лицо и провел большими пальцами по щекам.

— Я люблю тебя, Джейн, и хочу быть с тобой, потому что ты делаешь мою жизнь лучше. — Он заправил прядь волос ей за ухо. — Однажды ты спросила меня, что я вижу, когда думаю о своем будущем, — он провел ладонью по ее плечу, взял за руку и сказал, поцеловав кончики ее пальцев: — Я вижу тебя.

— Ты не злишься на меня? — спросила Джейн.

Он покачал головой, и его губы потерлись о ее ладонь.

— Я думал, что злюсь. Думал, что буду злиться на тебя вечно, но нет. На самом деле, я до сих пор не понимаю, что заставило тебя отослать тот рассказ, но меня это больше не волнует. Думаю, больше всего я был в ярости из-за того, что чувствовал себя дураком, а не из-за самого рассказа, — Люк положил ладонь Джейн себе на грудь. — Когда я увидел, что ты ждешь меня, моя злость испарилась, и я понял, что буду еще большим дураком, если позволю тебе уйти. Я хочу провести остаток жизни, узнавая твои секреты.

— У меня больше нет секретов.

— Ты уверена, что нет хотя бы одного? — Счастливчик обнял ее и поцеловал в шею.

— Например?

— Например, что ты нимфоманка?

— Ты серьезно?

— Ну... да.

Джейн покачала головой и, прежде чем расхохотаться, умудрилась выдать:

— Нет.

— Ш-ш-ш, — Люк отстранился и посмотрел ей в лицо. — Кто-нибудь услышит тебя, и нас арестуют.

Джейн не могла перестать смеяться, так что он заставил ее замолчать поцелуем. Губы Люка «Счастливчика» Мартинò были теплыми и манящими, и Джейн отдалась этому поцелую со страстью истинной нимфоманки. Потому что в этой жизни Кен не всегда выбирает Барби. И за это должен быть вознагражден.

ЭПИЛОГ

Она бьет! Она забивает!

Выйдя из лифта на смотровую площадку «Спейс-Нидл», Люк повернул голову налево. Женщина в красном платье смотрела на великолепную панораму центра Сиэтла. Ее волосы темными завитками падали на плечи, а несколько прядей теплый августовский ветерок разметал по лицу. Они только что закончили ужинать в ресторане внизу, и, пока он ждал счет, она ускользнула от него на верхний этаж.

Она смотрела, как Люк приближается к ней, и уголки ее алых губ приподнялись в соблазнительной улыбке.

— Прекрасная ночь, чтобы понаблюдать за звездами, — сказал он.

Женщина в красном платье прикусила нижнюю губу, затем, чуть слышным шепотом, произнесла:

— А ты? Любишь наблюдать?

— Я больше люблю делать, — он обнял ее и прижал спиной к своей груди. — И прямо сейчас я хочу

кое-что сделать со своей женой.

— Этого нет в сценарии, — сказала Джейн, растворяясь в его объятиях.

Они были женаты уже пять недель. Пять недель Люк просыпался с ней каждое утро.

Смотрел на нее за обеденным столом, а затем они вместе загружали тарелки в посудомоечную машину. Наблюдал, как она чистит зубы и натягивает носки. Никогда раньше, даже за все золото мира, он не подумал бы, что эти земные, повседневные дела могут быть такими сексуальными.

Больше всего ему нравилось наблюдать, как она работает. Создает все эти эротические истории в своей голове. Видеть настоящую женщину за внешностью обычной девушки.

Когда они обручились, Джейн перестала писать об одинокой жизни в Сиэтле. А Крис Эванс вернулся с больничного к работе над спортивными статьями. «Таймс» отпустила Джейн, и сейчас она была новым спортивным журналистом их конкурентов — «Сиэтл Пост-Интелидженсер».

Им пришлось планировать свадьбу во время игр плей-офф за Кубок Стэнли, и, так как половину этого времени Люк проводил вне города, Джейн, Мари и Каролина по большей части самостоятельно занимались всеми приготовлениями. Что жениха вполне устраивало. Все, что он должен был сделать, это появиться в смокинге и сказать:

— Согласен.

Эта часть оказалась легкой. А вот наблюдать, как жена танцует с каждым чертовым игроком «Чинуков» на свадебном банкете, было очень трудно.

За несколько месяцев до свадьбы Мартинò «Чинуки» добрались до финала, но были выбиты из борьбы за Кубок «Колорадо Эвеланш» в третьем раунде.

Люк опустил голову и зарылся носом в волосы Джейн. Всегда есть следующий год.

— Хочешь пойти еще куда-нибудь? — спросила жена.

Они проводили много времени, вместе исследуя Сиэтл. Он, Джейн и Мари. Джейн знала все хорошие места и те, которых следовало избегать.

— Я хочу домой, — сказал Люк. Мари ночевала у Ханны, и Счастливчик хотел воспользоваться преимуществом и провести немного времени наедине с женой. — Что ты на это скажешь?

Она повернулась и обняла его:

— Дом — мое любимое место.

Дом был и его любимым местом. Но для него домом стало любое место, где находилась Джейн.

Никогда в своей жизни он никого так не любил, как любил ее. Так сильно, что это иногда пугало его.

Он прижимал ее к себе и смотрел на город. Он был влюблен в свою жену. Да, он знал, что это говорило о нем. Что он был конченным человеком. Стреноженным на всю оставшуюся жизнь.

Погоняемый маленькой женщиной с большим характером.

Да, он знал, что это говорит о нем. И ему было наплевать.